

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2/2013

**Гуманитарные исследования
Внутренней Азии**

Журнал издается
с 2012 года

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации
ПИ № ФС77-50065 от 29.05.2012 г.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СООБЩЕСТВА

Приглашенный редактор
В.В. Кукулина
Университет Дж. Вашингтона, США

Ответственные за выпуск
К.Б.-М. Митупов, А.В. Михалев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.
(главный редактор)
М.Н. Балдано, д-р ист. наук, проф.
А.А. Буркина, канд. социол. наук, доц.
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.

А.Д. Цыбиктаров, д-р ист. наук, проф.
С.В. Васильева, д-р ист. наук, доц.
Е.Н. Палхаева, д-р ист. наук, доц.
Т.В. Паликова, д-р ист. наук, доц.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово редактора (В.В. Куклина)	4
---	----------

Экспертное мнение о периферийных сообществах В. Каганского	9
---	----------

СТАТЬИ

Берман М. Удаленность и мобильность: транспортные пути, технологии и устойчивость в арктических сообществах	19
---	----

Карсон Д.Б., Карсон Д.А. Мобилизация рабочих для экономической диверсификации удалённых быстро растущих городов: Случай города Тенант Крик в Австралии	31
--	----

Розман Г.Х. Нефиксируемая экономическая активность в Таджикистане ...	45
---	----

Дугарова Г.Б. Социально-экономическое развитие периферийной территории: географический аспект	53
---	----

Дашпилов Ц.Б., Куклина В.В. Транспортные сети в Катангском районе: монополии труднодоступности	64
--	----

Куклина В.В., Черенёв А.С. Транспортная доступность и традиционализм в таёжных островных сообществах	78
--	----

Карсон Д.Б., Вёрд Д., Белл Л., Юхун П. Миграция как адаптация к изменениям климата удаленных сообществ коренных народов: какие последствия мы можем ожидать?	92
--	----

Мядзелец А.В., Лужкова Н.М. Перспективы развития Байкальского заповедника для жителей поселка Танхой	111
--	-----

Абалаков А.Д., Панкеева Н.С., Новикова Л.С., Дроков В.В., Седых С.А., Марышкин Д.И. Воссоздание Хужир-Нугайской утужной системы для поддержания традиционного природопользования и развития этноэкологического туризма	123
--	-----

Шеховцова Т.Н., Александров Е.Ю. Ольхонский район сквозь призму «субъективной» оценки качества жизни	135
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Шмыт А.С. Рецензия на книгу Роберта Вышыньского Рождение или смерть нации	143
---	-----

Сведения об авторах	151
----------------------------------	------------

CONTENTS

Introduction	4
---------------------------	---

Kuklina V.V. Expert opinion on peripheral communities of V. Kaganskii ...	9
---	---

ARTICLES

Berman M. Remoteness and Mobility: Transportation Routes, Technologies, and Sustainability in Arctic Communities	19
---	----

Carson D.B., Carson D.A. Mobilising Labour in Remote 'Boom' Towns for Economic Diversification: The case of Tennant Creek, Australia	31
---	----

Roseman G.H. Unrecorded Economic Activity in Tajikistan	45
--	----

Dugarova G.B. Social-Economic Development of the Peripheral Territory: Geographical Aspect	53
--	----

Dashpilov T.B., Kuklina V.V. Transportation networks in Katangskii county: the monopolies of remoteness	64
---	----

Kuklina V.V., Tchereneuv A.S. Transportation accessibility and traditionalism in taiga insular communities	78
--	----

Carson D.B., Bird D., Bell L., Yuhun P. Migration as an Adaptation to Climate Change for Remote Indigenous Communities: What might we expect?	92
--	----

Myadzelets A., Luzhkova N. Development aspects of Baikalskii Reserve for Tankhoi citizens ...	111
--	-----

Abalakov A.D., Pankeyeva N.S., Novikova L.S., Drokov V.V., Sedykh S.A., Maryshkin D.I. Reconstruction of the Khuzhir- Nugayskaya traditional farming system to maintain traditional land use and development of ethno- ecological tourism	123
---	-----

Shekhovtsova T.N., Aleksandrov E.J. The Olkhon area through a prism of a «subjective» assessment of quality of life	135
---	-----

REVIEWS

Szmyt A.S. Review for Wyszynski Robert Birth or Death of a nation. Nation- building activity of Belarusian and Buryat elites after the collapse of Soviet Union	143
---	-----

Information about authors ...	151
--------------------------------------	-----

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

Данный выпуск журнала посвящен периферийным сообществам. Актуальность подобных исследований обоснована работами А. Пилясова, доказавшего, что структурирование по принципу «центр-периферия» сейчас важнее деления «город-село»¹, и В. Каганского, у которого помимо центра и периферии выделяются еще провинция и граница². В последнее время появляется все больше литературы, критично описывающей современные процессы деиндустриализации как роста неравенства городов, в которой обращено внимание на то, что помимо успешных примеров «пост-индустриальных», «креативных» и «городов удобных для жизни» формируются обширные «заброшенные места»³, «оставленные позади»⁴, «ландшафты опустошения»⁵ в качестве оборотной стороны роста централизации метрополитенов.

В поисках теоретических подходов к изучению периферализации Манфред Кун использует исторический подход к изучению динамики периферии, регионально-экономические теории поляризации, социально-политические теории власти и зависимости, исключения из сетевых подходов в науках по планированию⁶.

Говоря о формировании новой экономической географии, известный географ Саскя Сассен пишет о противостоянии центральности и маргинальности. Центральность заключается в объединении крупнейших финансовых и бизнес-центров множеством связей и формировании «гло-

¹ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

² Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обзор. – 2009. – № 1. – С. 62-70.

³ D. Massey. Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. Basingstoke: MacMillan University, 1984.

⁴ A. Mah. Industrial ruination, community, and place: landscapes and legacies of urban decline. Toronto: University of Toronto Press, 2012.

⁵ Zukin S. Landscapes of Power: From Detroit to Disney World. Berkeley: University of California Press, 1991.

⁶ Kühn M. Peripheralisation – Theoretical Concepts explaining Spatial Disparities <http://meridian.aag.org/callforpapers/program/AbstractDetail.cfm?AbstractID=52381>

бальных городов». Параллельно растет неравенство между этими и другими городами внутри стран, а также внутри самих городов⁷.

Различие между периферийностью и маргинальностью условно. В частности, социолог Роб Шилдс пишет: «Маргинальный статус (мест, городов и регионов) может появиться из географического положения вдали от дорог, мест незаконной или низкооплачиваемой деятельности, или противоположного полюса крупного культурного центра. Во всех случаях тип географической маргинальности, обсуждаемый ниже, является маркером его социальной периферии. То есть маргинальные места не всегда расположены на географической периферии, но в первую и самую главную очередь, они расположены на периферии культурных систем пространства, в котором места расположены в определенной иерархии в отношении друг к другу»⁸.

В Международном географическом союзе теме маргинальности посвящена работа рабочей группы Комиссии по исследованию глобализации, маргинализации и региональным и по локальным ответам⁹. Один из лидеров данной группы Уолтер Леймгрюбер выделяет маргинальные места, в которые включает и периферию, и изоляты (слабо связанные с внешним миром, но с интенсивными внутренними связями), и «мертвые углы» (слабые и внешние и внутренние связи)¹⁰. То, что он называет «изолятами и «мертвыми углами», наиболее напоминает труднодоступные горные и северные районы Сибири. Такие районы, называемые еще просто «удаленными» (remote), по наблюдениям Хаски и Морхаус, удалены не только географически, но и экономически и политически¹¹. Как в Сибири, так и на Аляске, в Канаде и в Австралии такие районы состоят из смеси коренных народов и иммигрантов, традиционных и западных институтов. Типично они имеют ограниченную экономику, зависимость от экспорта природных ресурсов, правительственных трансфертов и традиционной хозяйственной деятельности. Важные решения, воздействующие на эти ареалы, принимаются в отдаленных столичных районах. Таким об-

⁷ Sassen S. The many scales of the Global: Implications for Theory and for Politics / The Postcolonial and the Global. Eds. R. Krishnaswamy, J.C. Hawley. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2008. P. 82-93.

⁸ Shields R. Places on the Margin. Routledge, 1991. P. 3.

⁹ Déry S., Leimgruber W., Zsilinszár W. Understanding Marginality: Recent Insights from a Geographical Perspective. Review. Hrvatski Geografski Glasnik. 2012. 74/1. – P. 5-18.

¹⁰ Leimgruber W., 2004. Between Global and Local: Marginality and Marginal Regions in the Context of Globalization and Deregulation. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

¹¹ Huskey L., and Morehouse T.A. Development in remote regions: What do we know? Arctic, 1992. 45(2). – P. 128-137.

разом, они имеют недостаток и в политической автономии, и в экономической самостоятельности¹².

Владимиром Каганским подобные районы называются «дальняя периферия», в отличие от «внутренней периферии», расположенной в транспортной близости и теряющей ресурсы под воздействием центростремительных сил. Периферия им определяется как «совокупность отдельных несамодостаточных мест, связанных исключительно с центром; в пространстве периферии решают свои задачи, не соотнесенные со спецификой мест, иные внешние территории; периферия живет не для себя»¹³. К характерным чертам периферии он относит древовидный характер транспортных сетей, призванный обеспечивать доступ к природным ресурсам, отсутствие накапливаемого культурного слоя, вместо которого – ресурсопользование, и как следствие – отсутствие самоописания.

Для выяснения соотношения понятий «периферия» и «сообщество» было решено обратиться к Владимиру Каганскому как эксперту, имеющему наибольший опыт исследований периферии в России. В связи с поставленной задачей ему был задан ряд следующих вопросов:

1. Насколько местные сообщества являются активными субъектами, способными изменить свое положение в культурном ландшафте, т.е. перейти из Периферии в Провинцию и т.п.?
2. Каким образом отношения между людьми внутри локальных сообществ и с внешним миром влияют на формирование периферии?
3. Каким образом мнение жителей относительно места своего проживания влияют на определение периферийности?
4. Какими масштабами Вы оперируете при определении статуса места (региональный, районный центр, центр сельской администрации)? Какой масштаб является крупнейшим (уровень поселений или районов внутри поселений)?
5. Обычно речь идет об административном и экономическом статусах, существует ли возможность рассуждать о статусах экологических или социальных?

Вопросы были отправлены по электронной почте, затем состоялось интервью по Скайпу. В дальнейшем расшифровка интервью была отправлена Владимиру Леопольдовичу на рассмотрение, отредактирована, и с его согласия, дополнена материалами из предыдущих публикаций эксперта.

В составе выпуска авторы также пытаются ответить на данные вопросы, используя примеры собственных исследований. Среди стратегий,

¹² Цит. Из: Matthew Berman Remoteness and Mobility: Transportation Routes, Technologies, and Sustainability in Arctic Communities // Arctic Urban Sustainability Conference (May 30-31, 2013).

http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/Berman_Remoteness_mobility.pdf

¹³ Каганский В.Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки, № 32 (5), 2006. (Анатомия провинции), с. 244 – 257.

используемых для преодоления периферийности в условиях ограниченной транспортной доступности, рассматриваются монополизация местного знания и ресурсов¹⁴ и развитие традиционализма как стратегии экономического развития¹⁵.

О колониальном характере связей периферийных районов Аляски с внешним миром говорится в статье Мэтью Бермана¹⁶. Статья Т.Н. Шеховцовой и Е.Ю. Александрова представляет результаты пилотного социологического исследования такого неоднозначного и дискуссионного понятия, как «качество жизни», через освещение мнений местных жителей о месте своего проживания¹⁷.

Экономическим аспектам жизни периферийных сообществ посвящены исследования Г. Розмана о неформальной экономике в Таджикистане¹⁸, Д. Карсона и Д. Карсон о перспективах диверсификации добывающего городка в Австралии¹⁹ и Г.Б. Дугаровой о взаимодействии местного сообщества и золотодобывающего предприятия²⁰.

Следует отметить значительное число авторов из Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, которое обусловлено спецификой темы выпуска и специализацией института как крупнейшего центра географических исследований Сибири и Дальнего Востока. В фокусе внимания исследователей неизменно сохраняется озеро Байкал, которое является экологическим центром. Немногие решаются жить на берегу Байкала, однако воспринимают его как абсолютную ценность²¹. В статье исследовательской группы под руководством А.Д. Абалакова представлены результаты геоэкологических исследований в одном из перспективных для туристического развития по-

¹⁴ Дашпилов Ц.Б., Куклина В.В. Транспортные сети в Катангском районе: монополии труднодоступности.

¹⁵ Куклина В.В., Чернев А.С. Транспортная доступность и традиционализм в таежных островных сообществах

¹⁶ Цит. из: Matthew Berman Remoteness and Mobility: Transportation Routes, Technologies, and Sustainability in Arctic Communities // Arctic Urban Sustainability Conference (May 30-31, 2013).

http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/Berman_Remoteness_mobility.pdf

¹⁷ Александров Е.Ю., Шеховцова Т.Н. Ольхонский район сквозь призму «субъективной» оценки качества жизни

¹⁸ Roseman G.H. Unrecorded Economic Activity in Tajikistan.

¹⁹ Carson D., Carson D. Mobilising Labour in Remote 'Boom' Towns for Economic Diversification: The case of Tennant Creek, Australia.

²⁰ Дугарова Г.Б. Социально-экономическое развитие периферийной территории: географический аспект.

²¹ Титов В., Рожанский М., Елохина Ю. Феномен гражданского протеста: опыт и уроки «Байкальского движения» // Региональные новости Newsbabr. Общество, 12.01.2007 16:31:14 <http://newsbabr.com/?IDE=35255>

селков на берегу Байкала²². Специфика исследований культуры коренных народов Прибайкалья рассматривается через отношения с ландшафтом: через чтение ландшафта перед читателем разворачивается традиция природопользования, которая в перспективе дискурсивно может трансформироваться в этнотуристический ресурс. В статье Н. Лужковой и А. Мядзелец освещаются вопросы взаимодействия характерного для периферии экотона – в данном случае Байкальского заповедника, и местного сообщества – села Танхой²³.

Довольно распространенной спецификой периферийных сообществ является то, что в них проживают представители коренных народов, сохранивших свою культуру благодаря данной изолированности. По мере развития глобализации они все больше попадают под влияние общемировых процессов, причем как экономических, так и природных, таких как глобальные изменения климата. Вопросам адаптации коренных народов к изменениям климата посвящена статья коллектива авторов из Австралии²⁴, однако тема проблем коренных народов присутствует почти во всех статьях данного выпуска.

Даже из предварительного анализа литературы, посвященной периферийным сообществам, можно увидеть разнообразие аспектов исследования: от политических наук и экономической географии к культурной и социальной. Многофункциональность и многоаспектность понятия позволяют использовать его для выявления разнообразия периферийных сообществ, поэтому данный выпуск является лишь одной из возможностей их сопоставления.

В.В. Куклина

²² Абалаков А.Д., Панкеева Н.С., Новикова Л.С., Дроков В.В., Седых С.А., Марышкин Д.И. Воссоздание Хужир-Нугайской утужной системы для поддержания традиционного природопользования и развития этноэкологического туризма.

²³ Мядзелец А.В., Лужкова Н.М. Перспективы развития Байкальского заповедника для жителей поселка Танхой.

²⁴ Carson D., Bird D., Bell L., Yuhun P. Migration as an Adaptation to Climate Change for Remote Indigenous Communities: What might we expect?

Экспертное мнение о периферийных сообществах В. Каганского

1. Насколько местные сообщества являются активными субъектами, способными изменить свое положение в культурном ландшафте, т.е. перейти из Периферии в Провинцию и т.п.?

Я начну с представления о **периферии**. *Потому что обычно путаются и не различаются провинция и периферия*. Что мне представляется неправильным особенно в контексте темы этого издания. Это происходит от неразличения «центр – периферия». Ее пытались спасти введением понятия «полупериферии», но это, по-моему, неопределенное понятие²⁵. Центр – это организующее ядро системы, в силовом, символическом и прочем отношении. Провинция, следующая логически, – обычно территориальная зона, которая обладает определенной самостоятельностью и самодостаточностью, в которой протекает собственно большая часть жизни системы. Это базовая, основная зона. В дореволюционной России очень активно формировалась провинция, было понятно, что Москва и Петербург это столицы, центры. А, скажем старые губернские центры с округой, вроде Тулы, Ярославля, с окружающими дворянскими усадьбами, с растущей промышленностью, земствами, культурными и экономическим подъемом – это была провинция. Зона, которая, строго говоря, могла жить сама по себе. Главный признак в уже функциональном отношении, что провинция способна к самостоятельному существованию и развитию. Или другой хороший пример: большая часть Германии в XIX веке несомненно была провинциальной. Но эта провинция была очень интересной: она складывалась из промышленных городов, из сельского окружения, из вкрапленных в них университетских центров.

В отличие от провинции периферия – это зона, которая не самостоятельна и несамостоятельна. Зона, как бы существующая для других зон, в материале которой другие зоны решают свои задачи. Например, разме-

²⁵ «Схема <центр – периферия> описывает единичный простой ареал в безразличной среде, подобный "изолированному государству" И. Тюнена, состоящему из двух поясов – города и аграрной территории. Однако в реальной среде всегда различается внутренняя и внешняя части, сердцевина и окраина, ядро и кромка, ядро типичности и переходная зона и т.д., то есть можно выделить соответствующие части, районы, зоны. Это равно относится к физическому, телесному и фазовому, признаковому пространству. Схема же <центр – периферия> часто смешивает ядро и основную зону, среднюю часть, последнюю – с окраиной, а ту – с рубежом, пределом системы. Схема лишена даже оснований для расчленения центра и периферии, отсюда суррогаты вроде "полупериферии". Детализации схемы ничего не дают без углубления ее смысла» (Цит. по: В.Л. Каганский. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72–101.

щают производства, продукция которых будет вывозиться, добывают полезные ископаемые, эксплуатируют. В геополитической терминологии периферия – это колония центра. Сейчас большая часть территории России, как и большая часть Советского Союза – это периферия²⁶. За счет ресурсной периферии центральная власть сейчас в России, как и центр вообще решает свои статусные, экономические, и прочие задачи. Это весь ресурсный северо-восток. Но перейдем к вопросу о сообществах на периферии: любая зона неоднородна. Периферия – это зона культурно разреженная, в которой обычно дефицит больших городов, культурных центров, в любом масштабе. О масштабах мы еще поговорим. Но, во-первых, эта ее слабость и разреженность, «рыхлость», фрагментированность, преобладание малых локусов и сообществ означает и преимущество того, что небольшая группа может дать толчок к трансформации этой зоны. И такие примеры мы имеем.

Знаменитый пример сугубо угасающего периферийного городка – **Мышкин**, на Волге. Это было угасающее селение неподалеку от станции газопровода. Волга, которая уже не имела транспортного значения, не имеет и сейчас. У них был единственный ресурс – стоянки туристских теплоходов. И совсем небольшая группа людей. Я с ними общался. В какой-то момент эти люди просто решили, что они не хотят так жить! И стали пользоваться вот этими ресурсами. Они стали создавать активно действующие музеи, привлекая теперь уже не только посетителей теплохода, но и туристский поток. Эти музеи организовывали социальную жизнь, организовывали производство. Если ты приходишь в картинную галерею, то это картины, которые можно купить. Если ты приходишь в музей водки, то понятно, что там подается водка и закуска. Если ты приходишь в музеефицированную кузницу, то эта кузница работает, и можно заказать какие-то изделия и т. д. Вот пример такого прорыва.

Другой пример: к северо-западу от Уфы находится небольшой город **Бирск**, в очень красивом месте, на левом высоком берегу реки Агидель (Белая). Казалось бы, его судьба печальна. Филиалы уфимских предприятий закрылись, город обречен на угасание. Но у города был ресурс – педагогический институт, хороший. И город стал заманивать к себе переселенцев из Казахстана, из средней Азии, которые возвращались в Россию – был поток 90-х годов. А местные власти, не знаю – от кого исходила инициатива, предоставляли очень льготные условия для частного жилищного строительства. Возможность быстро построиться и возможность обучать детей в очень хорошем пединституте привели к тому, что туда приехала активная часть населения. И это активное население постепенно начало

²⁶ Каганский В.Л. Россия – СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья первая. Сходство // Общественные науки и современность, 2000, № 2; Каганский В.Л. Россия – СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья вторая. Различие // Общественные науки и современность, 2005, № 3. С. 70-82.

заниматься бизнесом. Тоже какое-то нетривиальное решение. Началось не с порядка какого-то большого завода, не заманивания каких-то больших инвестиций, а с использования и кооперирования местных ресурсов. Очень важно обнаружить какие-то местные ресурсы. Сейчас, насколько я знаю, это вполне благополучный городок. Кроме пединститута там есть лицеи, выпускники которых поступают в хорошие московские и питерские вузы. А раз можно хорошо учить детей, значит, определенная категория креативного населения способна там жить. Ну, а живописный в рекреационном отношении ландшафт, это дополнительный фактор.

Я бы сказал, что *именно местное сообщество является главным субъектом, актором развития*. Тем более что сообщество маленькое – это недостаток, но это же и достоинство. Потому что у вас есть возможность прямых контактов. Я не буду обсуждать примеры новой индустриализации, но вот посмотрите: пригородные области дальнего Подмосковья Смоленская и Калужская. Обе были в постсоветское время в полном упадке. А тем не менее, местная среда в **Калужской области** сумела проводить такую институциональную политику, чтобы заманить производство и устроить индустриальный бум. На мой взгляд, Калужская область предназначена больше для рекреации москвичей, а не для промышленного производства. Но для жителей нужны и те, и те. Они заманили туда много новых индустриальных производств, западных инвесторов. А Смоленская область ничего такого сделать не смогла, хотя у нее лучше географическое положение. Она сидит на основном потоке товаров, которые идут из Западной Европы в Москву. Если мы начнем этот пример разбирать, то увидим, что действующий фактор – это местное сообщество. То есть, здесь бизнес и инвесторы действуют заодно на основании активности местных сообществ.

Формируются горизонтальные социальные связи, местное сообщество действует, а где-то оно не действует. Я бы сказал, что местные сообщества в России в своем большинстве не являются активными субъектами, но могут ими стать. Они могут стать активными субъектами. Такого рода активность я сейчас наблюдаю в городе **Торжок** Тверской области. Очень странный интересный старинный город на Тверце и бывшем водном пути, в котором купцы в XIX веке начали ставить очень достойные храмы. И местное сообщество, в основном музейщики и краеведы, которые понимают перспективность места, начали раскручивать рекреационную активность. Перспективное здесь развитие туризма, потому что ничего у города нет. Есть промышленность, судьба которой висит на волоске. Эта промышленность, работающая на последнем дыхании, которая выпускает аварийно-спасательное и вагоностроительное оборудование. Для такого исторического города недопустимо быть в завесе дыма от производственных предприятий. Здесь красивая долина реки Тверца, по которой шел водный путь с Волги на Балтику (Вышневолоцкая система), а до того – тот самый путь из варяг в греки, один из его вариантов. Местное сообще-

ство творчески воспринимают местные уникальные ресурсы. И актуализация этих ресурсов есть способ перехода от состояния зависимости к состоянию развития, хотя затраты будут, но если разворачивать местную торговлю, потребительскую, рекреационную, и прочую деятельность, зависимость исчезает и востребованными становятся те ресурсы, которыми распоряжается фактически местное сообщество.

В. Куклина: Уточняющий вопрос: почти в каждом сообществе есть активные люди, и тогда должна быть какая-то их критическая масса. Когда можно сказать, что они превратили периферию в провинцию?

В.Каганский: В России всегда не хватает активных людей и это конечно проблема. Их не хватает администрациям, газетам, бизнесу, общественности. Во время моих бесед всегда стоит в конце вопрос – он носит конфиденциальный характер, магнитофонную запись я не веду, неважно, какой деятельностью занят человек. Я спрашиваю: чего им не хватает больше всего. И всегда получаю один и тот же ответ, что у них нет, не хватает инициативных исполнителей, т. е. тех, которые могли бы проявить инициативу и могут взять на себя ответственность. Это общероссийская проблема. Это проблема любой гиперцентрализованной системы. Размер же критической массы зависит от того дела, которое делается. Вот, например, знаменитый **Минусинский музей**, в нем самая большая музейная коллекция петроглифов в мире. Он начался с того, что 3-4 человека решили собирать музейные экспонаты, все, что можно собрать у горожан. Таким образом, первое определение критической массы, – это деятельность культурной массы. То есть как таковой определенности, что периферия будет преодолена при таковом количестве активных людей нет. Существует, конечно, проблема политической реализации идей, и это уже второй вопрос.

2. Каким образом отношения между людьми внутри локальных сообществ и с внешним миром влияют на формирование периферии?

Периферия – это не только зона культурного ландшафта, которую можно вполне четко описать, но это определенная позиция и определенный тип сознания. Когда я обследовал Коми-Пермяцкий округ накануне объединения регионов, то многие, конечно, были против объединения. Они постоянно жаловались, оперировали к центральной власти – это тип периферийного сознания. Когда надежды возлагаются на федеральный центр, который строит месторождения и т.д. Как только появляется другое сознание, представление о том, что мы хотим жить жизнью нормальной, полноценной, это уже сознание не периферийное, а провинциальное. Потому что провинциальная жизнь – это нормальная полноценная жизнь. Поэтому это вопрос не географии. Но главное – отчетливое самосознание: мы родились здесь, мы хотим жить здесь полноценной жизнью. Человек периферийного сознания решает проблемы за счет субсидий внешних ресурсов, а если эти ресурсы не поступают, то он уезжает. Люди с провинциальным сознанием глубоко укоренены в своем ландшафте, в своем мес-

те, в своей культуре. Знают и ценят ее. Таким образом, по-моему, мы перешли сразу уже к третьему вопросу.

3. Каким образом мнение жителей относительно места своего проживания влияют на определение периферийности?

Именно определенное уважение к своему месту. Я бы сказал, что первым шагом преодоления периферийности на большей части территории России была бы уборка мусора. Люди должны уважать свое собственное место, стремиться знать и обнаруживать нетривиальные ресурсы, пускать эти ресурсы в экономический оборот. Есть работы М.П.Крылова по идентичности²⁷. Территориальная идентичность является одним из самых важных ресурсов экономического и социального развития.

В. Куклина: Уточняющий вопрос. У нас стараются, даже если они очень привязаны к своему месту, стараются какие-то дополнительные ресурсы извне привлечь, и каким-то образом показать нужду в этих ресурсах, там в каких-то больших проектах и т.п.

В. Каганский: Здесь нет противоречия. Потому что ресурсы не привлекаются просто так, будь то государственные, внутренние инвестиции, или иностранные инвестиции. Должны быть проекты. Нужно выразить свидетельство важности своего места, через какой-то проект и это конечно правильно.

Задача местного сообщества – не только гордиться непрерывно своим местом, но и конструктивно описывать его специфику, превращая какие-то уникальные знания в уникальные ресурсы. Что это будут за ресурсы – это совершенно неизвестно, потому что главное – чтобы процесс пошел. А потом обнаружится – какой вид деятельности приносит доход и создает рабочие места. Здесь нужно иметь в начале определенную активность. И соответственно мы должны отдавать себе отчет, что большая часть территории России обречена на упадок. И только отдельные локальные места, где есть какие-либо благоприятные обстоятельства, вроде культурных ресурсов и активных людей могут рассчитывать на успех. Но заранее предвидеть, где эти места будут, какие будут в зоне развития – непредсказуемо.

В. Куклина: Почему обречены?

В. Каганский: Наличие количества энергичных деятельных людей, достаточного для развития государства. Кроме того, неблагоприятная демографическая ситуация, ведущая к сокращению численности населения, и идет сокращение пространства, сокращение освоенности территорий. Т.е. большая часть мест обречена на деградацию. Это может более быстрое вымирание, может быть медленное вымирание. Этот процесс тянется

²⁷ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Ин-т географии РАН. – Москва, 2007. – 381 с.; Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 237 с.

много столетий, но особенно усилился в советскую и постсоветскую эпоху централизации, когда все активные люди стянуты в центр, уехали за границу или убиты. Посмотрите на карту – на подавляющей части территории страны идет сокращение населения. Очень часто бывает, что город располагает ресурсами, а активная деятельность уже свернулась, как это было, например, в городе **Верхотурье**. Это город, развившийся еще в доиндустриальном Урале XVII в., первая столица Урала. Он стоит с одной стороны на историческом пути через Урал в Сибирь. С другой стороны, – весь в руинах, среди которых несколько восстанавливаемых храмов и монастырей. Сам исходный ландшафт – живописный. Это место деятельности первого местно-чтимого уральского святого Симеона Верхотурского. Казалось бы, на Урале есть такой город, он имеет бренд духовной столицы Урала. Значит, мы можем ожидать большой поток туристов и связанного с ним бизнеса. Ничего этого нет. Сувениров нет, гостиница ужасная. Поесть негде. Проехать по городу невозможно, потому что дороги разбиты. Взять экскурсовода по городу, чтобы поводить вечером, и был бы с деньгами – тоже невозможно – в пять часов у них заканчивается рабочий день и все. Карты города нет, туалетов нет. (У нас там была большая группа, мы там были с международной конференцией). Казалось бы, есть символические ресурсы: старый город Урала, достопримечательности, хороший краеведческий музей, монастыри, красивое местоположение. Хотя далеко от Екатеринбурга, но очень хорошее скоростное шоссе. Есть железная дорога. Можно было бы пустить прямой экспресс Екатеринбург – Верхотурье. Он бы часа за два дошел, но ничего этого нет. Здесь пример, когда есть наличные ресурсы, но местное сообщество, местная администрация не в состоянии ими воспользоваться. Причем что редко и ценно: у города есть могучий проект – духовная столица Урала. Духовная столица Свердловской области, губернатор приезжает, каждый губернатор приезжает. Казалось бы – вот где развернуть настоящую активность: полдюжины гостиниц, рестораны, фабрики сувениров. Стандартная рекреационная индустрия не так уж сложно обустраивается. Нет, ничего этого нет. При всем интересе этого города, я не могу никому посоветовать туда поехать. Потому что очень трудно доехать общественным транспортом, нет хорошей гостиницы, нет хорошей еды. Вот пример, когда ресурсы есть, а сообщество, которое отвечало бы за использование, активизацию этого города, сообщества нет. Я не контактировал с людьми, потому что я был там всего шесть часов. Но видно было по результату: продают один буклет открыток и все. Могли бы продавать 10 буклетов открыток. Нет карты города, которая необходима для туризма. В интернете, кстати, тоже карта плохонькая. Вот пример наличия ресурсов и сообщества, которое может их использовать.

В. Куклина: Можно ли сказать, что откуда люди уезжают – это показатель периферии. Если не уезжают, то наоборот?

В. Каганский: В России можно, в мире – нет. Потому что англичане перебираются в США, английские ученые перебираются работать в США,

но это не показатель периферийности Англии. Это показатель того, что США просто дает лучшие условия. Это близко, но не совсем так. Конечно, периферия теряет население. Но теряет население не только периферия. С другой стороны, если население теряется, то значит – снижается нагрузка на окружающую среду, и можно развивать разного рода природоохранную деятельность, наращивать экологические функции. Т.е. утрата населения может быть преимуществом в социальном и экономическом развитии. Потому что хороший национальный парк, у нас в России практически нет хороших национальных парков, способен создавать хорошие рабочие места и приносить доход. В других же странах это так. Если на Байкале, Байкальский национальный парк ничего не делает. Я был в 2008-м году в Иркутске, проехал и прошел Кругобайкальскую железную дорогу (КБЖД) и был на Ольхоне, путешествовал по нему – там даже деятельности национального парка незаметно. И могу сказать, что и там, и там, используют очень немного возможностей. Есть безумные любители макетов. Но макетов КБЖД даже нет в природе. Я интересовался специально. Я понимаю, что это было бы не дешевое изделие, но нашлись бы желающие его купить, особенно когда приезжают иностранцы, со всеми скалами, туннелями. Ничего подобного нет.

В. Куклина: То есть установка местных жителей на территории проживания на определение своей периферийности?

В. Каганский: Я думаю, что жители не мыслят себя в категории периферии и провинции. Они мыслят себя в более каких-то простых категориях, которые было бы интересно вывести и перевести на научный язык. И даже отношение жителей к территории нужно конструировать по стратегиям. Искать возможности на месте или готовиться к ответу. Те люди, которые готовы искать возможности на месте, они готовы превратить периферию в провинцию. Никто не даст нам избавления, как пелось в советской песне. *Если какая-то территория хочет развиваться, то исходный толчок должен исходить из активного местного сообщества.* Очень небольшого. Вот это критический фактор. Наличие и активность такого сообщества. Причем это относится к любой территории. У России тоже стоит задача превращения в мировую провинцию. И тоже мы видим, что качество сообщества, научного, культурного, политического, тоже такое, что этот процесс не происходит, что население постепенно уезжает. Ваш критерий: если население откуда-то уезжает, то это периферия, относится и к России. Из России уезжают. В Россию и приезжают, происходит замещение населения. Но для провинциального развития очень важным фактором должно быть укорененное местное население, местная традиция, оживленная. Потом со временем это даст какие-то результаты. Причем часто эти результаты могут быть совершенно неожиданные. Когда начинаешь проводить какую-то активность, то заранее не знаешь, чем это кончится. В этом смысле социальная, экономическая активность напоми-

нает процесс научного исследования. Ты задаешься вопросом, а какой будет ответ совершенно непонятно.

4. Какими масштабами Вы оперируете при определении статуса места (региональный, районный центр, центр сельской администрации)? Какой масштаб является крупнейшим (уровень поселений или районов внутри поселений)?

Понятия центр-провинция-периферия являются понятиями *поли-масштабными*. Мы можем говорить о периферии России в целом, на уровне субъекта федерации и т.д., и т.д. И даже известный мне, где я работаю сейчас, Вышневолоцкий район, Вышний Волочок – это такой интересный город на дороге Москва – Санкт-Петербург. Небольшой район, 3-4 тысячи кв.км. По вашим сибирским понятиям это просто ничто. Тоже можно говорить, что в пределах этого административного района есть центр, связанный с географическим положением обслуживания потока по магистрали Москва-Петербург, хотя это конечно ужасно, что прямо через город идет самое важное шоссе России прямо через город. Здесь прилегающая территория окраин города и близлежащих поселений, откуда ездят люди на работу, слабенькая, но провинция. А большая часть территории района – это поля, зарастающие лесом и деревни, стремительно теряющие население. Я там делал полевые маршруты, пешком ходил, смотрел. Т.е. с одной стороны в масштабе России, Вышневолоцкий район – это периферия, только внутренняя периферия²⁸. Но в тоже время на фоне то, что на одном уровне однородно, при переходе к более детальному рассмотрению, более крупному масштабу, в терминологически точном смысле, большом числе подробностей, начинает опять обнаруживать весь спектр зон. Там есть свой центр, и, несомненно, есть своя провинция, своя периферия. Есть своя граница административных районов. Есть такая зона захолустья, что не то что проехать, а даже пройти невозможно! Где бродят там медведи, судя по следам. Поэтому понятие периферии полимасштабно, хотя здесь связь неоднозначна.

На примере Минусинска мы можем посмотреть уровни: первый уровень – Россия в целом, второй уровень – это Сибирь, третий – Красноярский край, четвертый – юг Красноярского края, и пятый уровень – это Минусинский район. А в то же время, за счет своего музея, Минусинск представлен прямо на мировой культурной карте. Здесь преодоление периферийности – это попытка выйти на более высокий уровень, и может быть даже мировой.

Понятие провинции, периферии может быть экспонировано на любом уровне, начиная с планетарного. Планетарный центр есть, на-

²⁸ Подробнее о внутренней периферии см.: Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Сер. географическая. 2012. №6. – С. 23-34.

пример Нью-Йорк или Шанхай, который тоже хочет быть таким вот центром, но еще не стал. Есть соответственно мировая провинция. Ну, например, Европа превращается в мировую провинцию. Есть бурно растущая мировая периферия вроде, скажем, России и Китая и т.д. и переходим на уровни стран и т.д., и т.д. это более масштабные понятия.

В. Куклина: Ниже районного уровня мы не сможем спуститься?

В.Каганский: Я не знаю, это нужно хорошенько проработать в полевом варианте. Потому что это действительно вопрос важный и это решается сетью полевых маршрутов, а не теоретизированием. Теоретизируя, тоже можно сказать, что в квартире можно выделить центр, можно выделить границу – входную дверь. Вот мое рабочее место за компьютером, там провинция – это спальня, периферия – это соответственно кладовка, где лежат вещи. Но это будет немножко искусственно.

5. Обычно речь идет об административном и экономическом статусах, существует ли возможность рассуждать о статусах экологических или социальных?

Вот мне кажется, что конечно если речь идет о поселении или о территории или о социальной группе, то можно говорить естественно об административном или даже лучше более точное, более современно – институциональном статусе, можно говорить об экономическом статусе. Но ничто не мешает нам выстроить понятие экологического или социального статуса. Вот, например, Н.Н. Ключев из Института географии в Москве, он например, использует понятие Великой России – Великая экологическая держава²⁹. Ну, что это такое как ни присвоение России экологического статуса. Причем глобального. Причем это не какой-то экологический империализм, это констатация, что в силу размера и наличия многих сохранных экосистем, в мировом экологическом равновесии, России принадлежит гораздо большая роль, чем мировой экономике. Можно! Можно говорить, я бы добавил в социальном – культурный статус. Вот когда мы говорили про Минусинск, нам не хватило понятия культурного статуса города. У него невысокий институциональный статус, невысокий экологический, но очень высокий культурный статус. У Иркутска высокая культурная репутация, когда я был в Новокузнецке и читал там лекции, то приводил пример города активно действующего культурного сообщества города Иркутска. В Новокузнецке это вызвало большую зависть. Новокузнецк в трудном положении, потому что там только металлургия и угольная промышленность. И когда все это закроется, непонятно, что будет делать полумиллионный город, вдобавок еще и не областной центр.

²⁹ Ключев Н.Н. Россия на экологической карте мира // Национальная идея России. В 6 т. – Т. VI. – Москва: Научный эксперт, 2012. – С. 3861-3920.

Мне кажется для целей научного описания, и для цели какой-то проектной социальной активности, нужно говорить о реальных перспективных и экологических, и социальных, и культурных статусах. И целеполагание может строиться как описание желаемого институционального, экономического, экологического, социального, культурного статуса. Причем культурный, социальный и экологический статус они могут склеиваться. Например, для Байкала. *Байкал – это, несомненно, это один из немногих объектов планетарного уровня на территории России. Может быть даже единственный.* Потому что все же старинные города, в Европе есть и более старинные города и т.д. Да, может быть, это уникальнейший объект, планетарный, на территории России. Но обращаются с ним по периферийному совершенно! Варварски.

Эти понятия, конечно, нужно развить и расписать. В то же время эту схему центр – провинция – периферия – граница, ее тоже можно расписать по этим статусам. Ну, вот периферия, административный статус – подчиненность, экономический статус – отсутствие самостоятельной экономической деятельности, социальный статус – низкий, социальная деградация, культурный статус – не определен, экологический статус – в перспективе большие экологические возможности. У периферии большие экологические возможности. Перспективная мировая роль России – это экологическая специализация.

Литература

1. Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. – №6. – С. 23-34.
2. Каганский В.Л. Россия – СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья первая. Сходство // Общественные науки и современность, 2005, № 2. – С. 78-89.
3. Каганский В.Л. Россия – СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья вторая. Различие // Общественные науки и современность. 2005, № 3. – С. 70-82.
4. Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-101.
5. Ключев Н.Н. Россия на экологической карте мира // Национальная идея России. В 6 т. – Т. VI. – Москва: Научный эксперт, 2012. – С. 3861-3920.
6. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: диссертация ... доктора географических наук : 25.00.24. – Москва: Ин-т географии РАН, 2007.
7. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. □ Москва: Новый хронограф, 2010.

УДК 911.2

© Matthew Berman

Remoteness and Mobility: Transportation Routes, Technologies, and Sustainability in Arctic Communities*

Across the Arctic, sparse settlement patterns and lack of permanent roads have led to a reliance on aircraft for long-distance transportation. Air routes designed decades ago to access arctic communities for administrative purposes from remote temperate-zone political and financial capitals have imprinted themselves on local and regional economies and social relations. Commercial logistics of resource development as well as administrative logistics of implementing public programs for education, health care, and local services took advantage of the colonial-era air network and insured its continuity. Local residents follow the same routes as they fly between small rural communities where they maintain social and cultural ties, and urban areas offering better opportunities for higher education, health care, and wage employment. Small community residents continue to rely on small engine technologies for local transportation as they carry out traditional rural livelihoods. The extremely fuel-intensive nature of these modes of long-distance and local mobility creates severe challenges to community sustainability in an era of sustained high oil prices and concern over greenhouse gas emissions.

Keywords: remote regions, arctic colonization, air routes, population movement, fossil fuel dependency.

М. Берман

Удаленность и мобильность: транспортные пути, технологии и устойчивость в арктических сообществах

Повсюду вдоль Арктики дисперсная система расселения и отсутствие постоянных дорог привели к зависимости от авиатранспорта для дальних перевозок. Воздушные пути, спроектированные десятилетия назад для обеспечения в административных целях доступа из отдаленных политических и финансовых столиц, расположенных в умеренных зонах, к арктическим сообществам, внесли свою лепту в локальную и региональную экономику, а также в социальные отношения. Как коммерческая логистика ресурсного развития, так и административная логистика обеспечения социальными программами по образованию, здравоохранению и сфере услуг воспользовались преимуществами воздушных сетей колониальной эры и обеспечили их воспроизводство. Местные жители следуют по одним и тем же путям, когда летают между малыми сельскими сообществами, с которыми поддерживают социальные и культурные связи, и городами, предоставляющими лучшие возможности для высшего образования, здравоохранения, и работы по найму. Жители малых поселений продолжают полагаться на маломощ-

* The paper was presented at the Arctic Urban Sustainability Conference on May 30-31, 2013 organized by George Washington University. Retrieved from http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/Berman_Remoteness_mobility.pdf

ные технологии для местных транспортировок при ведении традиционного сельского образа жизни. Потребляющая огромное количество топлива природа этих видов локальной мобильности и поездок на дальние расстояния создает значительные проблемы устойчивости местных сообществ в эру устойчиво высоких цен на топливо и озабоченности выхлопами парниковых газов.

Ключевые слова: труднодоступные районы, арктическая колонизация, воздушные пути, движение населения, углеводородная зависимость.

Across the Circumpolar Arctic, the sparsity of permanent roads appears as a common geographical theme. A cold climate prevented agriculture from spreading across arctic regions as it had across more southerly reaches of Europe, Asia, and North America. Instead, traditional livelihoods evolved around hunting and nomadic herding. Both of these livelihoods require large undeveloped expanses within which animals and people could travel freely, foraging as they moved seasonally over the landscape. Without widespread agriculture and its accompanying dense rural settlement, the economic base and social need never arose for a network infrastructure for interior surface transportation.

Arctic regions also share a history of colonization from temperate-zone capitals. In modern times, formal colonization has given way to varying degrees of integration with more southerly nation-states. However, the colonial legacy lives on through economic dependence on public spending financed from the south for education, health care, and local public services, as well as on global markets driven by southern needs for arctic resources. A third common characteristic of arctic regions is their physical remoteness from the southern political and financial capitals that control their fate. With the exception of Europe, the Arctic lies 2,000 km or more from any city with a population of at least 1 million. Travel by air from an arctic settlement to the national capital may involve a flight of more than 5,000 km, and take considerably longer than travel times needed to fly from any one capital city of an arctic state to another, even across continents.

The common themes of remoteness, sparse settlement, and history of external domination that characterize arctic regions reveal themselves in stylized patterns of local and long-distance mobility. Arctic transportation system technologies and routes have imprinted themselves throughout rural livelihoods and social relations, with important consequences for mobility and economic viability arctic. While the system made perfect sense in a regime of inexpensive petroleum fuels, prospective continued high oil prices and the need to curb greenhouse gas emissions calls into question the sustainability of the entire structure of modern arctic social systems.

Arctic as a remote region

The Arctic as a circumpolar region is often defined in geophysical terms -- north of the arctic circle, average July temperature at or below 10 degrees Celsius - and sometimes as an ecological boundary: the northern limit of treeline (NSIDC, no date). The Arctic Council uses a somewhat more complex defini-

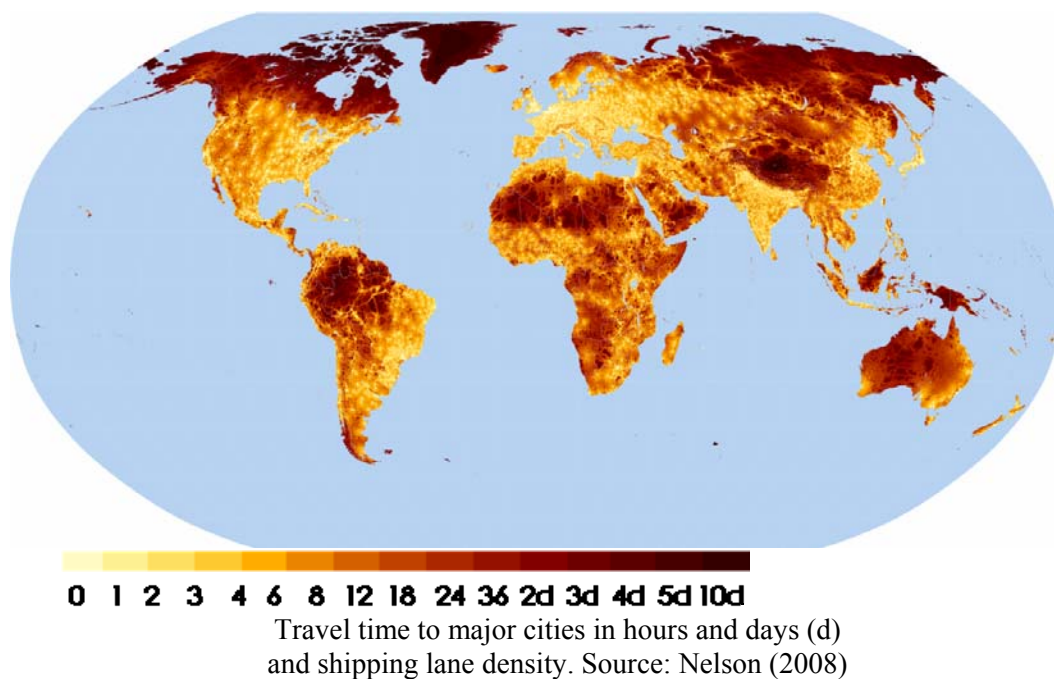
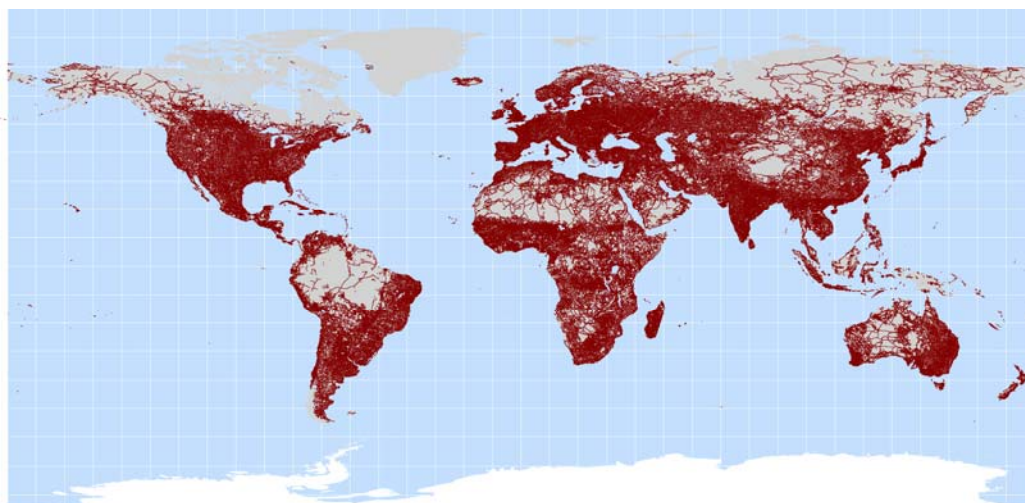
tion (AMAP, 2013), but still based on the natural environment. For a definition based on human geography, the Arctic would better be termed the remote region occupying the northernmost expanses of Asia, Europe, and North America. Huskey and Morehouse (1992) described a remote region as an area with a unique combination of features. Remote regions

... are remote geographically, economically, and politically. They are distant from large, urban industrial and political centers, and they are sparsely settled. Most of them contain Native or indigenous populations as well as non-Native immigrants, and they have a mix of traditional and Western institutions. Typically, they have limited market economies, and they are dependent on natural resource exports, government transfers, and subsistence activities. The costs of doing public and private business are high. Important decisions affecting these areas are made in distant metropolitan centers. These remote regions lack both political autonomy and economic self-sufficiency.” Huskey and Morehouse (1992): 129.

By this definition, the Circumpolar Arctic is the archetype of a remote region. Huskey and Morehouse describe geographic remoteness as having both external and internal references. While the European Arctic lies relatively close to major political and financial capitals, large portions of the North American and Asiatic North remain as inaccessible to cities -- whether measured in terms either of travel time or distance -- as any inhabited areas of the earth (Figure 1). Arctic regions appear remote by this measure both because there are few cities and because there are few roads. Low population density and expense of building surface transportation infrastructure on permafrost has meant that roads are largely absent in the Arctic (Figure 2). Air transportation provides the main access mode for long-distance travel and shipping, except for seasonal access to the coast and along large rivers during the short ice-free summer months.

Colonization and Integration with southern nation-states

By Huskey and Morehouse’s (1992) definition, remote regions not only lack physical access but are remote from centers of commerce and the levers of political power. Limited political economy is associated with a history of colonization from adjacent temperate-zone nation states, seeking to control resources and establish security on their northern frontiers. Both resource development and geopolitical security issues depend on global forces that rise and fall with the times. Unlike other historical frontiers, which inexorably pushed across continents as modernization progressed, the arctic frontier moves erratically out and back, giving resource exploitation and military bases a more intermittent character. Geographer David Sugden (1982) described waves of development sweeping across regions of the Arctic pushed by one particular global resource need. The waves typically subsided until replaced by a new wave driven by a new set of external needs.

Figure 1. Travel time to the nearest city**Figure 2. Global network of roads and tracks**

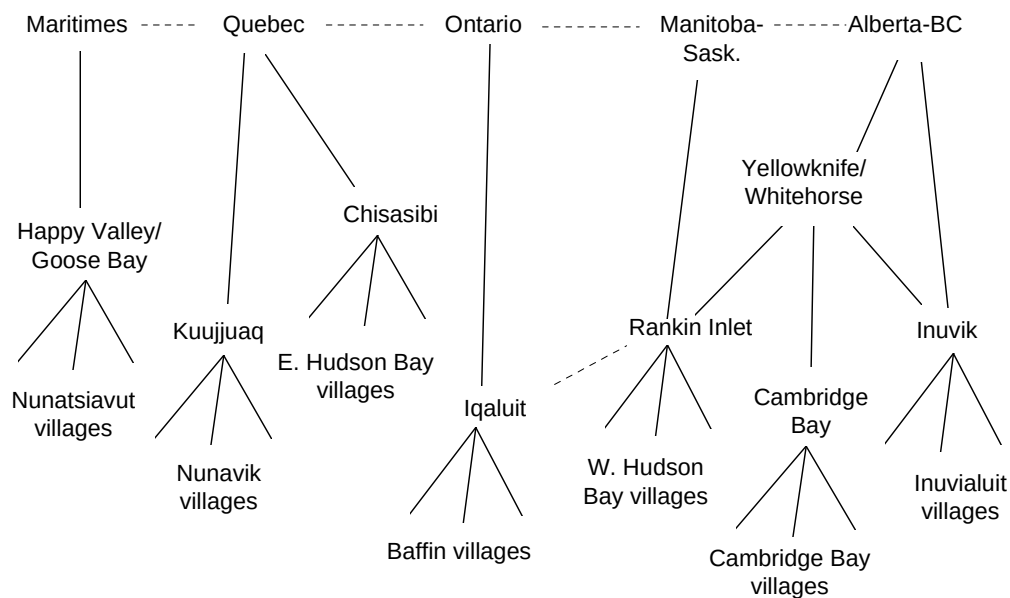
Source: Source: European Commission, Joint Research
Centre Land Resource Management Unit,
<http://bioval.jrc.ec.europa.eu/products/gam/sources.html>(accessed 12/05/2013)

Transportation across the Arctic was originally based primarily on water, along the coasts and major rivers, and only seasonally available in many places. Transportation infrastructure constructed in the North was often designed around export of a single mine or petroleum deposit or to provision a single military installation from the south. Arctic towns and cities built around exploitation of nearby resources such as gold mines tended to be highly seasonal and ephemeral. The few non-indigenous communities that did become permanent often owed their staying power directly to policies of the national government, either as centers of colonial administration of the territories such as Whitehorse, Nuuk, and Magadan, or to national defense or industrial policy, such as Murmansk, Norilsk, or Anchorage (Armstrong et al., 1978; Sugden 1982).

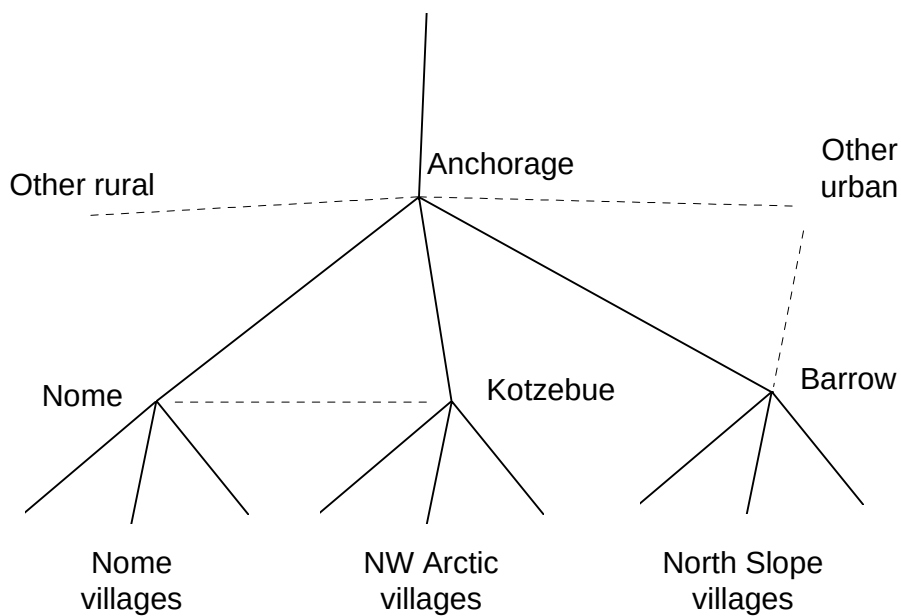
Once reliable air transportation became available, commercial air service quickly assumed dominance for mobility of people as well as most goods other than fuel and other bulk commodities. Major arctic resource extraction projects typically had their own single-purpose infrastructure for transporting their bulk products directly to world markets. Air transport networks, in contrast, tended to develop to meet the needs of colonial administration. The pattern of settlement of arctic indigenous peoples occurred largely as consequences - intentional and inadvertent -- of colonial policies for air access of the states that governed these regions from distant capitals. The network of direct flights in arctic Canada (Figure 3) illustrates this principle through the north-south axis of major air routes, with minimal connections across the North except from villages to local hubs. If two arctic communities with historical cultural connections are served from different administrative hubs, the air network often separates these communities with greater distance, in terms of both flight time and costs, than from the southern city which serves each community's local administrative hub.

Arctic Alaska shows the same general pattern of north-south connections (Figure 4), but with an important difference. Anchorage serves as the gateway for nearly all direct flights in and out of arctic Alaska; flying from an arctic Alaska community to another U.S. state generally requires changing planes in Anchorage. As an air transportation hub for all communities in Alaska, Anchorage lies much closer to arctic Inuit communities than any southern Canadian city lies to Inuit communities in Canada. Consequently, it is much less costly and takes much less time for a resident of an Alaska arctic community to fly to Anchorage, or through Anchorage to another Alaska arctic community, than for a Canadian arctic resident to fly to a city or to an community in a different area of arctic Canada.

**Figure 3. Colonial Legacy:
Air Transportation Network for Arctic Canada**

**Figure 4. Colonial Legacy:
Air Transportation Network for Northern Alaska
Other U.S.**

Greenland provides perhaps an even more interesting case of constructed remoteness related to the air transport system. Airports at Kangerlussuaq and Narsarsuaq, originally built for military use during World War II, remain Greenland's only runways long enough to serve intercontinental jet aircraft. Travelers from Copenhagen, the colonial capital, must land in one of these two airports and change to a smaller plane to reach the regional capital, Nuuk, or any other Greenland community. This peculiar arrangement separates internal connections among Greenland communities from international connections, reinforcing the remoteness of Greenland's towns from Europe. One wonders whether this might be a factor abetting the push for independence among the younger generation of Greenlanders (Dahl 2010).

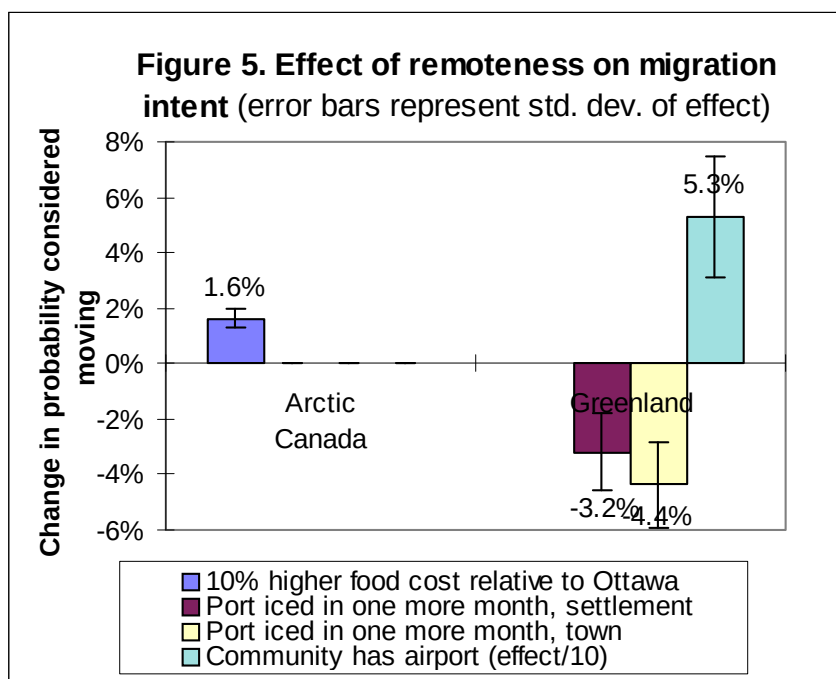
Russia's Arctic spans a vast area, but its air transportation system more closely resembles Canada's North-south orientation, but is highly centralized. Only Yakutsk really plays a role as a regional hub for the Sakha Republic somewhat like the role played by Anchorage for Alaska. It is nearly always easier to travel through Moscow to get from one arctic destination to another. For example, flying to Moscow from Yakutsk to get to Anadyr involves an additional 10,000 km, but is the only practical way to travel between the two towns.

Colonial patterns of arctic connectedness and disconnectedness became entrenched in regional education, health care, and social service administration. The prominence of these government services in local economies (Armstrong et al. 1978; Knapp and Huskey, 1988; Goldsmith, 2007) virtually assured that the historical patterns would reproduce themselves over time, as both government and private enterprise built supply networks around the logistics of air travel. Social, family and business ties followed connections opened up by administration and commerce. Electronic media and the internet have the capacity to mitigate the relative remoteness of communities embedded in the transportation system to some extent, but have little prospect of undoing decades of historical inertia.

The colonial arctic transportation networks and the moving costs they impose have a demonstrated effect on population movements. Two related studies of mobility of Inuit people of Alaska, Canada, and Greenland -- one of desired mobility, or place-specific migration intent, the other of actual place-to-place migration -- quantify this effect. Both studies rely on a model of voluntary individual and household mobility (Huskey et al., 2004), in which households decide whether or not to move and where to move by comparing well-being potentially available in different places with the cost of moving. Well-being attainable from living in a particular community derives from potential traditional and modern livelihood opportunities as well as amenities affecting the local quality of life.

The study for the analysis of remoteness on migration intent (Berman, 2012) used data from the Survey of Living Conditions in the Arctic (SLICA) (Kruse et al. 2009; Poppel and Kruse 2009), which asked respondents

whether they had «considered moving away within past 5 years.» More than one-fourth of SLiCA respondents in each of the four regions summarized in Poppel et al. (2007) had considered moving away from their community within the past five years. The results obtained by Berman (2012) suggested that remoteness was associated with reduced mobility if the effect was to increase moving cost, and with increased mobility if it impaired living conditions in the community. Higher cost of living relative to a national benchmark level -- an indicator of commercial remoteness in arctic communities -- was strongly associated with moving intent in Canada (the only region where sufficient data were available to test for this effect). For every 10 percent rise in the cost of living relative to Ottawa, migration intent increased by 1.6 percent (Figure 5). In Greenland, sea ice isolates some communities by making them inaccessible by boat for most of the year. Only larger communities typically have airports. Both these community attributes were associated with significantly lower rates of migration intent, after controlling for other relevant factors (Figure 5). No significant effects for relative living costs on migration intent were found for Alaska SLiCA respondents.

Source: Estimated from probit equations evaluated at sample means (data from Survey of Living Conditions in the Arctic).

The study of actual moves among communities (Berman and Howe, 2012) used individual census responses for Inuit people in Alaska and Canada for mobility from 1995 to 2000 and from 1996 to 2001, respectively. While higher relative cost of living did not appear to affect migration intent for Alaska Inuit, it was strongly (negatively) affect the choice of destination for those who did move. (Figure 6). In Canada, indicators of lower moving costs -- jet service, and a winter iceroad connection -- showed strong positive effects on the choice of destinations, while the number of air segments between the origin and destination had a strong negative effect. A community with jet service from the origin had a 90 percent higher odds ratio of being selected, while the iceroad connection was associated with a three-fold increase in the odds ratio for the three Inuvialuit communities served by the winter road. Each air segment required to reach a community reduced its odds ratio of selection by 48 percent.

Figure 6. Statistically Significant Associations in Mobility Patterns of Canada and Alaska Inuit

	Arctic Canada	Arctic Alaska
<i>Equation for likelihood of moving</i>		
Older adult	-	-
Female respondent		+
Children at home		-
Inuit language used at home		-
Pct old housing in community	+	
Pct new housing in community		-
"Inclusive value" of destinations	+	+
<i>Equation for predicted destination</i>		
Predicted earnings	+	+
Predicted harvest	+	+
Poor housing	-	
Cost of living		-
Number of air segments	-	
Jet service connection	+	
Winter iceroad connection	+	
Move up one level	+	+
Move down one level	+	+

+ (red background) -- Indicates statistically significant positive association with decision to move or with predicted destination if a move took place.

- (blue background) -- Indicates statistically significant negative association with decision to move or with predicted destination if a move took place.

The variables for one step up or down the hierarchy refer to the transportation tree (Figure 3), in which regional hubs lie between southern urban destinations and more remote communities. Residents of remote communities can move one step up the hierarchy to a hub, while non-arctic residents can move one step

down to an arctic hub. Residents of hub communities such as Iqaluit, Rankin Inlet, and Inuvik, can move both up and down the hierarchy. Quantitatively, the effects on the probability of choosing a particular destination of moving one step up or one step down were roughly equivalent and large enough to offset the negative effects of several additional air segments. The results provide strong statistical support for the effect of the colonial transportation legacy on mobility choices.

These studies provide quantitative empirical evidence for the lingering effects of national colonial development policies for arctic regions on contemporary patterns of mobility and resettlement. Transportation networks implemented decades ago to facilitate colonial administration of the northern territories created a path-dependent dynamic for population movement in each region.

Mobility for Canada Inuit is over the period 1996–2001; mobility for Alaska is from 1995–2000. Source: estimated with individual interview data from Canada Aboriginal Peoples Survey (2001), 2001 Canada Census, 2000 U.S. Census, and Survey of Living Conditions in the Arctic

Local transportation

Until the mid 20th Century, arctic residents moved around the local landscape for much of the year using sleds pulled by reindeer or dogs. Settlement of indigenous people in permanent communities made these technologies for mobility nonviable, both because pursuit of traditional livelihoods required people to cover a greater distance more quickly and because providing food for reindeer and dogs required people to spread out across the land. People living in settlements were generally able to continue traditional livelihood pursuits. However, locally self-sufficient animal-powered transportation systems providing logistical support for these activities gave way to mechanized transport technology dependent on imported petroleum fuels.

The two-cycle gasoline engine became the technology of choice for rural residents powering snow machines, all-terrain vehicles, and outboard motors of river boats. Relatively simple, easily maintained, and often repairable in the bush, the two-cycle engine appeared to be the ideal solution to the problem of reliable off-road local transportation in an environment with few roads. Unfortunately, the two-cycle engine was highly inefficient with respect to fuel consumption, emitting as much as a third of all fuel unburned into the atmosphere. In Soviet Russia, whose autarkic planned economy proved unable to manufacture two-cycle engines, state enterprises provided helicopter support to move reindeer herders back and forth between town and pasture lands. This practice involved even greater fuel intensity, made possible only through massive fuel subsidies.

The historic rise in oil prices since 2000 brought into prominence the petroleum dependency of arctic communities, and the fuel-inefficient local transportation systems in particular. Because the fuel for local needs must be brought over long distances to the Arctic and distributed among dispersed

communities, the rise in local fuel prices was much greater than the fuel price increases seen in urban areas, creating severe hardship for residents across the Circumpolar North. The local social and economic effects were particularly brutal in Russia, with the oil price spike coming soon after the collapse of the Soviet planned economy. Households served by state farms were largely left on their own to get by without the large subsidies they had received in the past to support the logistics of rural livelihoods while living in settlements. Many arctic residents with cultural and family ties to non-Arctic regions left -- as much as 25 percent of the population in some regions -- although most indigenous residents remained (Heleniak et al., 2011). The fact that more people did not leave is likely due in part to the fact that the cost of air travel to leave also rose substantially, due to the same market and political forces.

Conclusion: implications for sustainability

Across Arctic, the lack of surface transportation infrastructure has led to a reliance on air carriers for long-distance movement of people and goods, and two-cycle engines and helicopters for local mobility. Colonial policies of settlement of indigenous peoples in permanent communities, connected through an air transportation network designed for colonial administration rather than internal connectedness has left a legacy that lives on through established modes of mobility and commerce. Arctic residents follow the historical air routes as they move between small rural communities where they maintain social and cultural ties, and urban areas offering better opportunities for higher education, health care, and wage employment. Small engine technologies have played a critical role in enabling arctic indigenous living permanent settlements to continue traditional rural livelihoods.

The extremely fuel-intensive nature of these modes of mobility creates severe challenges to community sustainability in an era of sustained high oil prices. The growing pressure to limit or increase costs of fossil fuels to reduce greenhouse gas emissions could further intensify the problem arctic communities face, and adds urgency to the search for solutions. Of course, transportation represents only a part of the fuel dependency of arctic communities; however, other energy challenges appear more easily solved. Known engineering options exist for building design and construction, water and sanitation, and renewable electricity that could greatly reduce overall fuel use. For these energy challenges, the challenge is only for institutions and policies to catch up with the technology. Unfortunately, the expense of the transportation systems alone provides a severe challenge to community sustainability, and engineering solutions remain to be found. Modern aircraft designs are only marginally more fuel-efficient. Four-cycle engines are available for snow machines and boats that are more fuel-efficient, but these heavier and more complex technologies are much more difficult to maintain in a remote, rural setting. New technologies are needed, but the Arctic provides a small market on a global scale, discouraging private investment in research and development, and innovation.

As higher fuel prices make air transportation to small communities increasingly difficult, some have raised consolidation of the rural population into regional centers as a solution. I would argue that such a consolidation, while it would save administrative costs for social programs, is also unsustainable. If communities grow larger, traditional livelihoods that require spreading out on the land become nonviable. These livelihoods are critical to sustaining the population and nurturing indigenous cultures. Their demise could invite depopulation of the hinterlands, turning the Arctic into little more than an expensive expanse of colonial enclaves overseeing local resource extraction and promoting state security.

References

1. Arctic Monitoring and Assessment Program (AMAP). 2013. Geographical Coverage. <http://www.amap.no/AboutAMAP/GeoCov.htm>.
2. Armstrong, Terence E., Rogers, George, and Graham Rowley. 1978. *The Circumpolar North*. Methuen, London.
3. Berman, Matthew, and Lance Howe. 2012. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic. In *Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic*, Nuuk, Greenland, August 2012, Stockholm: Nordregio, in press.
4. Berman, Matthew. 2012. Household Harvesting, State Policy, and Migration: Evidence from the Survey of Living Conditions in the Arctic, in Timothy Heleniak and Peter Schweitzer (eds.), *Moved by the State*, in press.
5. Dahl, Jens. 2010. Identity, urbanization, and political demography in Greenland. *Acta Borealia* 27(2): 125-140.
6. Fay, Ginny, Tobias Schwörer, Mouhcine Guettabi, and Jeffrey Armagost. 2013. *Analysis of Alaska Transportation Sectors to Assess Energy Use and Impacts of Price Shocks and Climate Change Legislation*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research.
7. Goldsmith, Scott. 2007. *The Remote Rural Economy of Alaska*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research. (http://www.iser.uaa.alaska.edu/Publications/u_ak/uak_remoteruraleconomyak.pdf).
8. Heleniak, Timothy, Tobias Holzlehner, and E.V. Khlinovskaya Rockhill, "The Great Exodus: Demographic Trends in Russia's Northern Periphery" (Published in German, "Der große Exodus: Demographische Trends an Russlands nördlicher Peripherie"), *Osteuropa*, No. 2-3, 2011, pp. 371-386.
9. Huskey, L., Berman, M. and Hill, A., 2004, Leaving home, returning home: migration as a labor market choice for Alaska natives. *Annals of Regional Science*, 38(1), pp. 75-92.
10. Huskey, Lee, and Morehouse, Thomas A. 1992. Development in remote regions: What do we know? *Arctic*, 45(2): 128-137.
11. Knapp, Gunnar, and Lee Huskey. 1988. Effects of Transfers on Remote Regional Economies: The Transfer Economy in Rural Alaska. *Growth and Change*, 19(2): 25-39.
12. Kruse, Jack, Birger Poppel, Larissa Abryutina, Gerard Duhaime, Stephanie Martin, Mariekathrine Poppel, Margaret Kruse, Ed Ward, Patricia Cochran, and Virgene Hanna. 2009. Survey of living conditions in the Arctic (SliCA). In: Vale-

- rie Møller, Denis Huschka and Alex C. Michalos (editors), *Barometers of Quality of Life Around the Globe How are We Doing?* Social Indicators Research Series, volume 33. Dordrecht, Netherlands: Springer Verlag, pp. 107-134.
13. National Snow and Ice Data Center (NSIDC). No date. All about arctic climatology and meteorology. <http://nsidc.org/cryosphere/arctic-meteorology/arctic.html>.
14. Nelson, A. (2008) Estimated travel time to the nearest city of 50,000 or more people in year 2000. Global Environment Monitoring Unit – Joint Research Centre of the European Commission, Ispra Italy. Available at <http://bioval.jrc.ec.europa.eu/products/gam/> (accessed 12/05/2013).
15. Poppel, Birger, and Jack Kruse. 2009. The importance of a mixed cash- and harvest herding based economy to living in the Arctic: An analysis based on Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). In: Valerie Møller and Dennis Huschka (editors), *Quality of Life in the New Millennium: Advances in Quality-of-Life Studies, Theory and Research*. Social Indicators Research Series, volume 35. Dordrecht, Netherlands: Springer Verlag, p. 27-42.
16. Poppel, Birger, Jack Kruse, Gérard Duhaime, Larissa Abryutina. 2007. SLiCA Results. Anchorage: Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
17. Sugden, David. 1982. *Arctic and Antarctic: A Modern Geographical Synthesis*. Oxford: Basil Blackwell.

УДК 332.1 (94)

© D.B. Carson, D.A. Carson

**Mobilising Labour in Remote 'Boom' Towns
for Economic Diversification:
The case of Tennant Creek, Australia**

New economic opportunities in remote areas are often linked to major private and public sector investment projects which are controlled by external decision-makers and lead to temporary periods of economic 'boom'. There is little agreement in the literature about the extent to which local communities in remote areas can benefit from such opportunities and access employment in industries dependent on external decision-makers. This article investigates the case of Tennant Creek, a small and remote settlement in the Northern Territory of Australia, and provides a methodological framework for examining the diversification potential of local economies dependent on externally driven economic opportunities. By analysing local labour changes from 2001 to 2011, the research examined the town's capacity to mobilise its labour force and diversify in response to new opportunities offered by a range of economic 'booms' in the mining, construction, transport, tourism, health, education and government service sectors. The results suggest that Tennant Creek has been able to adapt its local labour force to some degree to take advantage of new economic opportunities. However, concerns remain about the town's strong dependence on public service sector employment, major unrealised potential in the tourism and transaction service sectors, and declining participation of Indigenous residents in economic boom industries.

Keywords: remote, boom town, diversification, labour change, Tennant Creek.

Д.Б. Карсон, Д.А. Карсон

**Мобилизация рабочих для экономической диверсификации
удалённых быстрорастущих городов:
случай города Теннант Крик в Австралии**

Новые экономические возможности в отдаленных районах часто связаны с крупными частными и государственными секторами инвестиционных проектов, которые находятся под контролем внешних лиц, принимающих решения, что приводит к временным периодам экономического «бума». Существует множество разногласий в литературе о степени, в которой местные общины в отдаленных районах могут извлечь выгоду из таких возможностей и доступа к занятости в отрасли, зависящей от внешних лиц, принимающих решения. В статье исследуется случай Теннант Крик, малого и удаленного поселения в Северной территории Австралии.

Ключевые слова: отдаленность, городской бум, диверсификация, трудовые изменения, Теннант Крик.

Introduction

Settlements in sparsely populated or remote areas in countries like Australia, Canada, the United States and the Arctic European nations are commonly perceived to be inherently disadvantaged socially and economically because of their isolation from social services, and economic and political power centres [Carson, Ensign, Rasmussen and Taylor, 2011; Huskey, 2011]. Even when economic opportunities present, as has been the case in a number of remote locations as a result of the mineral and oil and gas resources 'booms' of the past decade, the benefits are believed to accrue primarily to distant large urban centres where resource extraction companies are based [Argent, 2013]. Income derived from employment in the resources sector is channelled away from sparsely populated areas by the use of non-resident and temporarily resident labour, with little in the way of local employment [Carrington and Pereira, 2011].

Huskey has questioned whether this perceived entrenched disadvantage is an unavoidable consequence of isolation and a lack of critical mass of population and local economic resources [Huskey, 2011]. Through a series of case studies of small settlements in remote parts of Alaska, Huskey demonstrated that local engagement in various economic activities is possible and can deliver local social and economic benefit. The purpose of this paper is to examine Huskey's arguments about the potential for sustainable local economic development through a case study of a small (population 3500) and isolated settlement in Australia's Northern Territory. Tennant Creek (see Figure 1) is the Northern Territory's fifth largest settlement. It is located 1000 kilometres south of the capital city of Darwin and 500 kilometres north of Alice Springs (population 25 000), which is the nearest settlement with a population over 1000 people. Tennant Creek has long been considered to be socially and economically disadvantaged as a result of its isolation, small population, rela-

tively large Indigenous population (35% of the population, compared with 2% nationally), and high levels of violent crime and anti-social behaviour. The Index of Economic Resources (part of the Socio-Economic Indexes for Areas (SEIFA) derived from the 2011 Australian Census of Population and Housing) ranked Tennant Creek among the most disadvantaged 10% of locations across Australia [Australian Bureau of Statistics, 2011].

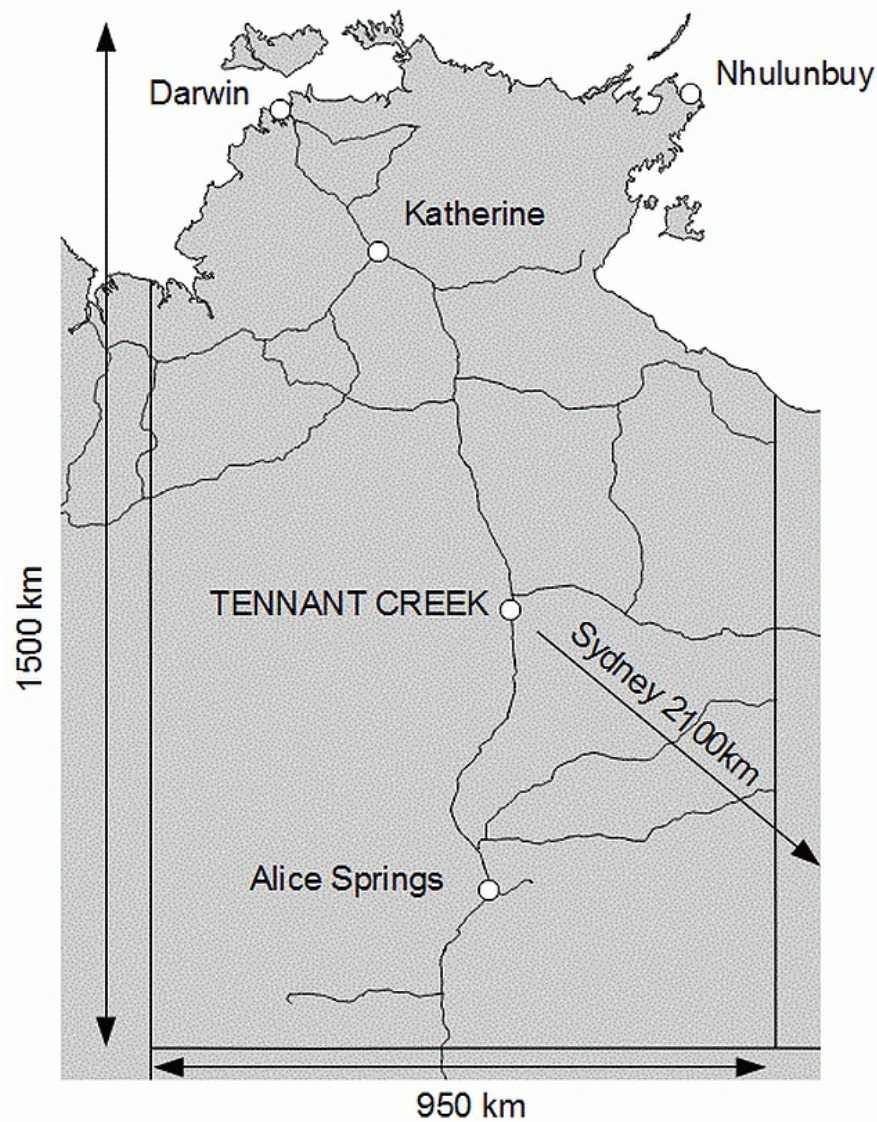

Figure 1: Location of Tennant Creek in the Northern Territory

Between 2001 and 2011, and particularly between 2006 and 2011, substantial new economic development opportunities were presented for Tennant Creek:

- A number of new mines were opened in the immediate region, including the Chariot and Malbec gold mines (opened in 2003 and 2004) and the Bootu Creek manganese mine (opened in 2005), accompanied by a number of additional mining exploration projects.
- A railway connection between Alice Springs and Darwin that opened in 2004 included a major transit facility in Tennant Creek for both passengers and freight.
- New scheduled air services between Darwin and Tennant Creek and Alice Springs and Tennant Creek commenced in 2010, ending a period of 15 years without any regular scheduled air transport.
- Tourist numbers and leisure visitor nights increased substantially in 2010-2011, after a relatively weak tourism performance in the early to mid-2000s [Tourism Research Australia, 2013].
- Major policy initiatives to address Indigenous socio-economic disadvantage in the Northern Territory commenced in 2006 ('Closing the Gap') and 2007 (the 'Northern Territory Emergency Response'), and these initiatives included substantial funding for increased health and education services in particular in Tennant Creek and other Northern Territory settlements [Thomas, 2008].
- A major Indigenous housing construction program for the town was implemented in 2008 [Jefferies et al, 2011].
- A new minimum security prison facility was opened on the outskirts of the settlement in 2011.

This presents a diverse range of economic activities, providing opportunities for employment and entrepreneurship in the transport, construction, mining, hospitality, health, and government services sectors, as well as the potential for flow-on employment and entrepreneurship in linked sectors and in the retail industry. Over the period that these new activities have commenced, there is no evidence that any pre-existing activity has experienced a major decline. The agricultural sector, based primarily on broad-acre cropping and cattle grazing, was largely spared from the impacts of the 'Millennium Drought' experienced across much of Australia between 2001 and 2010 [van Dijk et al, 2013]. There may have been some impacts of a suspension (and subsequent decline) in export of live cattle to Indonesia that began in 2011. However, this occurred right at the end of the period under review here, and impacts on industry employment are difficult to ascertain from the last census.

Central to Huskey's argument that even very small and isolated settlements can experience sustained economic growth [Huskey, 2011] was the need for local economies to be able to diversify in response to new opportunities. The potential for diversification means the capacity to rapidly mobilise local human resources in response to political, social and economic change, as well

as to bring in external human (and financial) capital to supplement and complement, rather than displace, local labour. The story of Tennant Creek emphasises that resource extraction (including mining, fishing, forestry and pastoralism) is not the only potentially valuable economic activity in sparsely populated areas. These areas have also long been associated with defence, transport, and more recently tourism economies, as well as substantial industries built around the delivery of health and social services particularly to Indigenous populations [Guerin and Guerin, 2009; Huskey, 2011; Schmallegger, Carson and Tremblay, 2010]. These activities can also be subject to ‘boom and bust’ cycles and a reliance on external investors and external and temporary labour. What is not known is whether and how the potential mix of opportunities available to settlements in sparsely populated areas can be exploited for more local benefit.

Evidence of the potential for diversification in the local economy can be found in the characteristics of the labour force and how these change over time. Local economies with high diversification potential enable resident labour to shift between industries and occupations as labour demand changes. Local economies with high diversification potential are able to exploit, rather than be exploited by, externally sourced and temporary human capital [Weeden, 1985]. Local economies with high diversification potential create employment in what O’Malley termed ‘transaction services’ industries – finance, property and legal services [O’Malley, 2012].

In the context of Australia’s sparsely populated north, it has been argued that particular attention needs to be paid to the capacity to mobilise Indigenous and female labour [Taylor, Larson, Stoeckl and Carson, 2011]. Indigenous people and women are often excluded from economic development opportunities in sparsely populated areas which are perceived as dominated by ‘male’ industries (mining, forestry, fishing, transport, construction, defence) and by temporary economic activity that demands spatial mobility from the labour force.

This case study examines the extent to which the high level and diverse nature of the economic opportunities presented for Tennant Creek over the past five to ten years have impacted the characteristics of the local labour force, and whether those impacts demonstrate Tennant Creek’s potential for local economic diversification. In particular, the research examines the extent to which jobs held by Tennant Creek residents shifted towards the industries within which the opportunities arose – mining, transport, hospitality and retail (as a proxy for tourism), construction, health, education, and government administration along with transaction services. The case study also examines the changing nature of entrepreneurship, and the occupation and skill levels of people working in the town as additional evidence of diversification potential. In general, labour forces with higher skill levels (demonstrated through university qualifications) and higher proportions of managerial and professional workers are more able to adapt to changing conditions [Gordon, 1995]. Finally, the case study examines characteristics of the Indigenous and non-Indigenous, male and

female, and resident, non-resident and temporary labour forces. As well as contributing to the discourse around economic potential for settlements in sparsely populated areas, this research provides a methodological framework for examining the diversification potential of local economies.

Methods

Data were drawn from the 2001, 2006 and 2011 Australian Census of Population and Housing (www.abs.gov.au) with a focus on 2006 and 2011 data which can be accessed using the 'Tablebuilder' online database allowing for greater customisation of data output than was possible in 2001. Tennant Creek was considered to be the Statistical Local Area of that name. The Census variable 'labour force status' was used to identify people who participated in the labour force (i.e. who were working or actively seeking work), and whether those people were employed or unemployed. Industries were those described in the Australian and New Zealand Standard Industrial Classification (ANZSIC). While the classification was revised in 2006, the industries of core interest to this research remained consistently defined. For the purposes of this paper, those industries are collectively labelled 'opportunity industries' as they encompass the economic opportunities described for Tennant Creek. Opportunity industries for Tennant Creek were:

- Mining,
- Construction,
- Retail trade and Accommodation and Food Services (as a proxy for and referred to here as tourism),
- Transport, Postal and Warehousing (referred to as transport),
- Financial and Insurance Services and Rental, Hiring and Real Estate Services (as a proxy for and referred to here as transaction services),
- Public administration and safety (referred to here as government administration),
- Education and Training (referred to here as education), and
- Health Care and Social Assistance (referred to here as health).

ANZSIC includes nine other industries, and the distribution of employment across all 19 industries was summarised using a Herfindahl Index (HI) of concentration [Clemenson, 1992; Carson, 2011]. HI scores range between 0 and 1. Higher HI indicates higher concentration of employment in few industries. Clemenson considered an index score of 0.3 or greater to indicate high concentration and therefore low diversification [Clemenson, 1992].

The Census does not specifically identify entrepreneurs, but it does identify people who state that they own or manage their own business, and this has been used as a proxy for entrepreneurship. The Census does record educational qualifications, identifying bachelor degree holders, graduate diploma and graduate certificate holders and postgraduate degree holders as what are termed here 'university qualified' people. The Census categorises

occupations as managerial, professional, and labourer. In addition, this research describes technicians and trades workers, community and personal services workers, and machinery operators as 'skilled or semi-skilled workers'.

These variables were separately analysed for people who considered themselves to be Indigenous (Aboriginal or Torres Strait Islander) and those who did not consider themselves Indigenous or did not state their Indigenous status. The variables were separately analysed for males and females. These analyses were specifically focused on identifying change in the representation of Indigenous people and females in the labour force.

The Census records the place of usual residence of a person on Census night (that is where the person intends to reside for the largest part of the calendar year in which the Census was conducted). It also identifies the place of usual residence five years prior to Census night, and the place where the person usually works. From these variables, the research identifies three types of workers: 1) 'Long term resident' workers were those who had a place of usual residence in Tennant Creek on Census night and five years prior to Census night. 2) 'Newly resident' workers were those who had a place of usual residence in Tennant Creek on Census night but a place of usual residence elsewhere five years prior to Census night. This group was used to represent 'temporary' workers. 3) 'Non-resident' workers were those who had a place of usual residence on Census night outside of Tennant Creek, but who stated their usual place of work as being Tennant Creek.

Results

Workforce Structure

There were 1103 residents of Tennant Creek participating in the labour force in 2001, and this increased to 1177 residents in 2006 and 1267 residents in 2011. There were 1188 jobs in Tennant Creek in 2001, 1072 in 2006, and 1116 in 2011. Employment of Tennant Creek residents was relatively highly concentrated in a few industries in 2001, with a HI of 0.31. Employment became more concentrated in 2006 and 2011, with a HI of 0.36 at both points in time. Overall, there were 119 more jobs in the opportunity industries in 2011 than in 2001, and 36 more jobs in 2011 than in 2006. However, Table 1 shows substantial job growth in government administration, health and education, and decline in tourism and transaction services. Interestingly, there was a decline in health jobs between 2006 and 2011.

Table 1:

Number of Tennant Creek Residents Employed in 'Opportunity'
and 'Transaction' Industries 2001–2011

Industry	2001	2006	2011	Change 2001- 2011	Change 2006- 2011
Mining	14	24	28	14	4
Transport	27	11	24	-3	13
Tourism	203	203	173	-30	-30
Health	146	185	170	24	-15
Education	118	131	143	25	12
Government Administration	131	252	286	155	34
Construction	93	70	96	3	26
Transaction services	87	26	18	-69	-8
Total 'opportunity' industries	819	902	938	119	36
Herfindahl Index	0.31	0.36	0.36	0.05	0.00

The number of Tennant Creek residents with university qualifications increased from 158 in 2001 to 251 in 2011, involving an increase from 14% of the labour force having qualifications in 2001 to 20% in 2011. This coincided with a doubling of managerial jobs during the period (from 73 to 144), and a 30% increase in the number of professional jobs (from 177 to 229). There was no change in the number of skilled/ semi-skilled or labourer jobs. In addition, there were 17 more business owners (128 in total) resident in Tennant Creek in 2011 than in 2006. The largest number of business owners worked in the tourism industry (29 in 2006 and 39 in 2011) and in the construction industry (19 in 2006, 24 in 2011). There were 12 business owners in the transaction services industries in 2006, but none in 2011.

Mobilising Labour

Indigenous residents were 34% of the resident labour force in 2006, and 31% in 2011. Indigenous people were 30% of the workforce in 2006 and 27% in 2011. Indigenous representation in the opportunity industries overall decreased by 4% (from 251 to 228 jobs), with increases only in the small industries of transport (eight jobs in 2011) and transaction services (three jobs in 2011) where there had been no Indigenous people working in 2006. The largest decline in representation was in the health industry, where Indigenous residents went from comprising 42% of the resident workforce in 2006 (77 jobs) to just 28% in 2011 (48 jobs). A less dramatic decline in representation from 22% (29 jobs) to 17% (24 jobs) occurred in the education industry, while representation in government administration remained at

around 38% (99 jobs in 2006 and 105 jobs in 2011). The Indigenous workforce was much more concentrated in fewer industries than the non-Indigenous workforce, as reflected in the HI for Indigenous employment which was 0.43 in 2006 and 2011, compared with a non-Indigenous HI of 0.34.

Just nine Indigenous residents (1% of the adult population) had a university qualification in 2006, compared with 17% of the non-Indigenous working age population (157 people). While the number and proportion of Indigenous people with qualifications increased in 2011 (25 people or 3% of the working age population), the same was the case for the non-Indigenous population (230 people or 24% of the working age population). Indigenous people held 14% of managerial jobs in 2006, declining to 13% in 2011. Indigenous people held 24% of professional jobs in 2006, declining to 23% in 2011. Indigenous people held 48% of the labourer jobs in 2006, declining to 45% in 2011. However, Indigenous people were 10% of business owners (11 people) in 2006 and 16% (20 people) in 2011.

The overall labour force participation of women increased from 52% of the working age population in 2006 to 53% in 2011. Male participation rates were 56% at both times. Male and female unemployment was 7% at both times. Females were slightly less than half of the total resident workforce, with 526 employed in 2006 and 582 in 2011. However, female employment was concentrated in fewer industries, with a HI of 0.41 in 2011 (up from 0.39 in 2006) compared with 0.34 for males in both 2006 and 2011. Females increased their representation in the health (from 61% of the health workforce in 2006 to 71% in 2011) and government administration (from 45% to 52%) industries. Overall, females increased from 51% of opportunity industry workers to 53%.

Females were substantially more likely than males to have university qualifications. Over two thirds of the 168 qualification holders in 2006 were females, and while this declined to 62% in 2011, there were 156 qualified females in the resident labour force at that time. Females were similarly over-represented in the professional workforce (66% of professionals were females in both 2006 and 2011), but under-represented in the skilled/semi-skilled (about 35% of the workforce) and labourer (30%) workforces. The proportion of managers who were female declined from 46% to 39%, but the proportion of business owners who were females remained at 30%.

In 2006, there were 654 employed long term residents of Tennant Creek (58% of the workforce), 384 newly resident workers (34%) and 85 non-resident workers (8%). In 2011, there were 639 employed long term residents (53% of the workforce), 473 newly resident workers (40%) and 85 non-resident workers (7%). The long term and non-resident workforces were similarly diverse in terms of industries of employment in 2011 as they were in 2006, with HI of 0.35. However, the HI for the newly resident workforce was 0.38 in 2006 and 0.40 in 2011, suggesting an increase in concentration of employment.

The non-resident workforce in 2006 was primarily employed in government administration (17 people), agriculture (14 people), mining (12 people) and health (10 people). In 2011 the main industries of employment were health (16 people), construction (15 people), and agriculture and mining (10 people each). There were no non-resident workers in the construction industry in 2006, and there were 9 non-resident workers in government administration in 2011. Non-resident workers were more than half of the total agricultural workforce, and about one quarter of the mining workforce.

Overall, Table 2 shows that long term residents comprised 5% less of the opportunity industries workforce in 2011 (51%) than in 2006 (56%). Despite this, long term residents gained comparatively more jobs in mining, transport, tourism and transaction services. However, these gains were outweighed by comparatively fewer new jobs in health, education, government administration and construction accruing to long term residents.

Table 2:
Number of Long Term Residents, Newly Residents and Non-Residents
Employed in 'Opportunity' and 'Transaction' Industries 2006–2011

	2006			2011			Representation of Long Term Residents
Industry	Long Term Residents	Newly Resident	Non-Resident	Long Term Residents	Newly resident	Non-Resident	
Mining	4	6	14	18	11	10	29%
Transport	7	3	3	17	7	0	17%
Tourism	105	95	9	103	69	11	6%
Health	109	74	10	80	91	16	-13%
Education	69	59	8	69	70	6	-3%
Government Administration	161	93	17	151	133	9	-7%
Construction	59	9	0	65	31	15	-28%
Transaction services	14	9	0	13	7	0	4%
Total 'opportunity' industries	528	348	61	516	419	67	-5%

Long term residents were more than three quarters of business owners in 2006 and 2011, with 96 business owners in 2006 and 106 in 2011. Long term residents, newly resident and non-resident workers were all more likely to have

university qualifications in 2011 compared with 2006. Around 40% of both newly resident and non-resident workers had such qualifications in 2011, compared with 30% of newly resident workers and 22% of non-resident workers in 2006. Around 8% of long term resident workers had university qualifications in 2006, and 13% in 2011. Long term residents maintained their share of managerial jobs (around 65%) and professional jobs (around 40%), but went from having 68% of labourer jobs in 2006 to 53% in 2011. Newly resident workers compensated for the loss of share of long term residents.

Discussion and Conclusions

According to Clemenson’s Herfindahl Index benchmark [Clemenson, 1992], the Tennant Creek workforce is, and has been since 2001, highly concentrated in a small number of industries. This lack of point-in-time diversity is not in itself a sign of economic disadvantage. Huskey’s challenge for small settlements in sparsely populated areas is to have the capacity to shift the workforce between industries as new opportunities arise [Huskey, 2011]. This shifting appears to have occurred to some extent in Tennant Creek, with approximately 120 of the 154 new jobs for residents emerging in the industries associated with the new economic opportunities that were documented in the introduction to this paper. There was also some evidence in the transport, health, and construction industries of ‘serial specialisation’ – the capacity to load up the workforce at very specific points in time in response to opportunities. For transport and construction this meant relatively large workforces in 2001 and 2011, but relatively low in 2006. For health, there was a 2006 workforce peak.

Despite these encouraging indicators, there are some concerns in the broader picture of the changing characteristics of the Tennant Creek labour force. While there was a substantial shift towards the opportunity industries, the focus of the shift, both in absolute and proportional terms, was on the public service activities of health, education, and government administration. These three industries accounted for less than half of the employment in the opportunity industries in 2001, but nearly two thirds of employment by 2011. Transport and construction workforces fluctuated in size without substantial overall growth, but the major unrealised opportunities appeared to have been in tourism and in transaction services. Transaction services experienced an 80% decrease in workforce size over the period, which would be seen by O’Malley as an indicator of poor diversification potential [O’Malley, 2012], as the dominant externally managed industries do not require local transaction services. Nevertheless, the challenges that the public services present in terms of potentially diverting attention from other opportunities and having limited need for transaction services are balanced out by the relatively large scale at which public services can act even in a small town when compared with private developments in mining and construction (but not so much in retail and hospitality).

What cannot be assessed from this research is what happens to the workforce growth that has been focused on public services activities when those programs and policies are wound down or wound up. Both the Northern Territory and Australia have had changes in Government in 2012 and 2013, and some of the initiatives relating to Indigenous health and remote area service delivery have already been substantially redesigned, and there are likely to be new approaches to the structuring of health, education and government administration activities in the Northern Territory. If this results in a withdrawal of workforce from these industries, then that would be coupled with the collective decline in the other opportunity industries and could be crippling for the Tennant Creek economy.

Most at risk under this scenario would be the resident Indigenous population. Indigenous employment in the opportunity industries declined between 2006 and 2011, and all of that decline could be attributed to a loss of 29 jobs in the health industry. There was also a loss of 6 jobs in education, and a gain of only 6 jobs in government administration. Clearly what was behind the poor performance of the Indigenous workforce was a shift in the overall workforce to more highly skilled (meaning requiring higher levels of qualification) jobs. The niches that had previously been filled by local Indigenous labour (especially labouring jobs) became less relevant during the period, while there was limited increase in the diversification potential of the Indigenous workforce demonstrated by increasing numbers with university qualifications. Time is again an important issue here, as priming the Indigenous workforce through improved education and training is likely to be a task that takes longer than the timeframe within which specific economic opportunities emerge and disappear. Real thought therefore needs to be given to what sort of education should be encouraged for the Indigenous workforce. More generalist education, which might open up managerial and semi-skilled employment opportunities in a number of industries, may be more beneficial in the long term than specialist education which could limit engagement to one industry.

The same concerns are not apparent for the female workforce, despite previous observations of the relatively poor status of female workers across the Northern Territory as a whole [Carson, 2011]. The concentration of employment in the public service activities and the professional occupations appear to favour females. Again there is the longer term concern about whether those attributes can be shifted to other industries if and when the public services activities wind down.

The evidence is that long term residents have been more able to take up opportunities in the non-public services opportunity industries than in the public services industries. Long term resident employment in mining, transport, and tourism increased even as overall these industries declined relative to health, education and government administration. Long term residents also appeared better able to capitalise on entrepreneurship opportunities, with long term residents remaining over-represented among business

owners. However, as with the Indigenous workforce (and there is obviously a substantial overlap between Indigenous and long term resident workforces), there is a need to better prepare long term residents to take advantage of public services opportunities. This could be through generalised education as previously mentioned, and through identifying and encouraging entrepreneurial opportunities in health and education in particular.

In conclusion, the research presents a mixed 'report card' on the potential for diversification in Tennant Creek. There is evidence that the identified opportunity industries did stimulate workforce growth and diversification overall between 2001 and 2006, but the benefits accrued mainly in the public services industries of health, education, and government services, and these jobs were more likely to go to newly resident workers and non-Indigenous workers.

While the issue of time remains, and the research has not presented any forecasts of the characteristics of the workforce that may emerge particularly if investment in the public services activities is wound down, what has been presented here is a detailed examination of the response of one settlement to a diverse set of economic opportunities that presented over a relatively short period of time. The research broadly supports the argument that small and isolated settlements can respond to the changing labour demands brought about by these opportunities [Huskey, 2011], but that settlements should be cautious about the extent to which different parts of the workforce are mobilised. It appears that long term residents, newly arrived workers and non-resident workers are primed to engage with different sorts of opportunities. Our suggestion is that entrenching diversification potential in the settlement requires better strategies to more fully engage long term residents. Finally, the research approach may be useful for comparative analysis of diversification potential of different settlements in different sparsely populated areas not just in Australia but around the developed and developing world.

References

1. Argent N. Reinterpreting Core and Periphery in Australia's Mineral and Energy Resources Boom: an Innisian perspective on the Pilbara // *Australian Geographer*. 2013. №44(3). 323-340.
2. Australian Bureau of Statistics. Census of Population and Housing: Socio-Economic Indexes for Areas (SEIFA) // Australian Bureau of Statistics. 2011. № 2033.0.55.001. Available online: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/mf/2033.0.55.001>
3. Carrington K., Pereira M. Assessing the Social Impacts of the Resources Boom on Rural Communities // *Rural Society*. 2011. № 21(1). 2-20.
4. Carson D. Political economy, demography and development in Australia's Northern Territory // *Canadian Geographer*. 2011. № 55(2). 226-242.
5. Carson D., Ensign P., Rasmussen R., Taylor A. Perspectives on 'Demography at the Edge' / D. Carson, R. Rasmussen, P. Ensign, L. Huskey, A. Taylor //

- Demography at the Edge: Remote human populations in developed nations. 2011. 3-20.
6. Clemenson H. Are single industry towns diversifying? A look at fishing mining and wood-based communities // *Perspectives on Labour and Income*. 1992. № 4(1). 4.
 7. Gordon I. Migration in a segmented labour market // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1995. № 20(2). 139-155.
 8. Guerin P., Guerin B. Social Effects of Fly-in-Fly-out and Drive-in-Drive-out Services for Remote Indigenous Communities // *The Australian Community Psychologist*. 2009. № 21(2). 7-22.
 9. Huskey L. Resilience in Remote Economies: external challenges and internal economic structure // *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government*. 2011. № 17(1). 1-12.
 10. Jefferies M., Schubert A., Awad R. A Project Alliance Approach for the Procurement of Indigenous Social Housing in Australia // Paper presented at the RICS Construction and Property Conference, Manchester, UK. 2011.
 11. O'Malley, T. Transaction Services: Drivers of Income and Diversification in Australian Functional Regions // Paper presented at the 36th Annual Conference of the Australian and New Zealand Regional Science Association International, Wollongong, Australia. 2012.
 12. Schmallegger D., Carson D., Tremblay P. The economic geography of remote tourism: the problem of connection seeking // *Tourism Analysis*. 2010. № 15(1). 125-137.
 13. Taylor A., Larson S., Stoeckl N., Carson D. The haves and have nots in Australia's Tropical North – new perspectives on a persisting problem // *Geographical Research*. 2011. № 49(1). 13-22.
 14. Thomas J. Public health implications of the 'National emergency intervention to protect the Indigenous children in the Northern Territory of Australia' // *Rural and Remote Health*. 2008. № 8. 951.
 15. Tourism Research Australia. Data from the Australian National and International Visitor Surveys // *Tourism Research Australia Student Database*. 2013. Available online: <http://traonline.australia.com>
 16. vanDijk A.I., Beck H.E., Crosbie R.S., de Jue R.A., Liu Y.Y., Podger G.M., Timbal B., Viney N.R. The Millennium Drought in southeast Australia (2001–2009): Natural and human causes and implications for water resources, ecosystems, economy, and society // *Water Resources Research*. 2013. № 49(2). 1040-1057.
 17. Weeden R.B. Northern people, northern resources, and the dynamics of carrying capacity // *Arctic*. 1985. № 38(2). 116-120.

Unrecorded Economic Activity in Tajikistan

Tajikistan has a peripheral economy, according to the general criteria for such a designation. As in many peripheral economies, data from the country underestimates the standard of living that many Tajiks can enjoy because much of their economic activity is not recorded. Reasons for the unrecorded economic activity include attempts to evade taxation and other scrutiny, as is common in all countries, but regulatory structures and information-recording technology available in the country also contribute to the absence of records. The numerous activities and portions of activities that are not recorded in peripheral economies explain much of the success that entrepreneurs in these countries have had: the income often exists to support a market for their goods and services.

Keywords: Tajikistan, Central Asia, Taxation, Regulation

Г.Х. Розман

Нефиксируемая экономическая активность в Таджикистане

В соответствии с основными критериями определения периферийной экономики, Таджикистан обладает одной из них. Как и множество других периферийных экономик, показатели страны недооценивают жизненные стандарты, которыми обладают многие жители страны, так как многие виды экономической деятельности ведутся без официального учета. Причины таковой нерегистрируемой деятельности включают попытки уйти от налогообложения и другой рутинной работы, как и во всех странах мира, однако в данном случае управляющие структуры и существующие в стране технологии по ведению учета также содействуют информационным лакунам. Многие виды деятельности и отдельные аспекты деятельности, незарегистрированные в периферийных экономиках, объясняют основную часть успеха предпринимателей в этих странах: их доходы способствуют поддержке рынка товаров и услуг.

Ключевые слова: Таджикистан, Центральная Азия, налогообложение, управление.

Introduction

The Republic of Tajikistan meets most definitions of a peripheral economy: it has few manufactured exports, is heavily regulated, and is classified by the World Bank as a low-income country, one of 36 in this classification and, along with the Kyrgyz Republic, the only former Soviet Republic with this in-

³⁰ Gary Roseman is an economist working in Washington, DC. He has a website devoted to Central Asian business issues (www.centralasiaprospect.com). Research for this article was supported in part by a grant from IREX (International Research & Exchanges Board) with funds provided by the United States Department of State through the Title VIII Program and the IREX Scholar Support Fund. Neither of these organizations is responsible for the views expressed herein.

come classification. For the last several years, remittances have accounted for approximately 40% of GDP, the highest percentage in the world and significantly higher than many labor-exporting countries in Latin America, Africa, and parts of Southeast Asia. Any ranking of any economic variable places Tajikistan's economy firmly within the peripheral grouping.

The shadow economy is generally defined as unrecorded economic activity that is not subject to taxation and regulation. In Tajikistan, as in many peripheral countries, a distinction exists between the informal or shadow economy in general, which consists of all unrecorded and untaxed activity, like home production and small-scale barter, and categories of activities that are generally classified as "black market": those that result from criminality and those that are attempts to evade burdensome regulation and/or taxation. In fact, a general assessment often heard in Tajikistan is that most of the black market would be legitimate business but is driven to informal or illegal operation by the amount of discretionary power that civil servants have under the current legal and regulatory system. In other words, much of the black market is largely not traffic in illegal goods and services but rather what is possibly more accurately described as a "shadow economy" or "informal sector." A common statement from businessmen in the country is that they have two sets of books, one for government and one for their own recording and planning purposes. The overall shadow economy, consisting of business activity that avoids taxation and regulations, plus illegal activity, is estimated to be nearly as large as recorded GDP.³¹ The existence of such a large amount of unrecorded activity is important because it undercounts GDP estimates, thus influencing negotiations with multilateral bodies and shifts the incidence or burden of taxation to recorded activities.³²

In the category of criminality, behaviors that are common to all countries, like gambling and prostitution, are excluded from this study. In Tajikistan, the most significant black market criminal pursuits, in terms of employment and revenue generated, involve smuggling and transportation of narcotics from Afghanistan. The scope of these activities in Tajikistan in employment numbers is unknown, but evidence exists in the form of border guard officers with apparent standards of living above that afforded by a state salary. Narcotics sales for consumption do not appear to be widespread in Dushanbe, but reports exist of opium smoking and addiction in rural areas.

The burdensome regulation and taxation system provide incentives for evasion. Start-up costs are often prohibitive for small businesses and the inability to recoup these costs for a small enterprise is a prime motivator for

³¹ Jafar Olimov, *Informal Economy in Tajikistan*, Dushanbe: United Nations Development Programme, 2007, 23.

³² Steve Kyle, "The Shadow Economy in Post-Soviet Tajikistan," Working Paper, Department of Agricultural, Resource, and Managerial Economics, Cornell University, 2002 (WP 2002-28 September 2002), 3-8.

entry into the informal economy. The incentives, when combined with the low pay and sometimes poor training of government enforcement agents, produce conditions for corruption. Disputes with executive agencies are not checked by an independent judiciary. Courts have not been impartial, at times, and firms without full legal status hesitate to use courts or any other government entity to settle disputes.³³

Tajikistan has enjoyed over 15 years of peace after a civil war, and has taken steps toward amending its commercial code. However, the burdensome system has prevented the development of a healthy business sector that offers employment opportunities to Tajik citizens. The result of this failure is that at least 800,000 Tajiks work abroad, mainly in Russia, and this number is at the low end of estimates that range well over 1 million workers.³⁴ These numbers are indicative of a serious problem when considering that the workers abroad are heavily weighted toward able-bodied, working-age males, who are but a subset of the country's total population of approximately 7 million.

This study focuses on the role of taxes and regulation in driving business to the informal economy, the lack of evidence that the banking sector is providing incentives for transparency, and some aspects of the effect of drug trafficking on the country.

Taxation

Taxation in Tajikistan consists of an income tax, various other employment and social security-type taxes, and a Value Added Tax (VAT). The income tax rates alone are low, ranging to a top marginal rate of 25%, but the cumulative effect of the various forms of taxes is generally regarded as burdensome. The social security tax is 25% paid by the employer and 1% paid by the employee. This high rate encourages informal employment, with wages often paid in-kind and employment not recorded under the old labor book system. Informally employed workers do not make social security or income tax payments. Barter, which is anecdotally frequent in the country, further complicates tax assessment and collection³⁵.

The VAT rate is 20%. With the VAT, administration and collection is difficult due to the lack of an electronic registry of revenues in a given firm means that any records could very well be incomplete or, at best, inaccurate due to increased risk of arithmetical error. Even if a firm has the equipment

³³ International Finance Corporation and Swiss State Secretariat for Economic Affairs, *Business Environment in Tajikistan as Seen by Small and Medium Enterprises*, 2006, 15-16; Olimov, *op. cit.*, 44.

³⁴ The number abroad is unknown but the estimate is that as many as 90% of them in Russia are there illegally. *Tajikistan Policy Note: Enhancing the Development Impact of Remittances* (Report No. 35771-TJ), Poverty Reduction and Economic Management Unit, World Bank, June 2006, 4.

³⁵ Olimov, *op. cit.*, 45.

to maintain an electronic register, the frequent power outages prevent accurate recording. Calculations of underpaid VAT range up to one-third of estimated GDP³⁶.

Because of the absence of accurate sales records, a tax inspector typically assesses how much should be paid by a business. This example of discretionary power on the part of the inspector generates resentment among businessmen, which would not encourage voluntary compliance, and increases the incentives for the taxpayer and the tax inspector to negotiate a payment that is not in the interest of the state. A possible remedy to the tax situation, in terms of improving revenue flow to the government and reducing the inspectors' discretionary power, is a movement toward a lump sum tax, in which businesses would pay a fixed amount of tax and keep any earnings after payment of the tax.

Regarding income tax, much of the income earned by employees is not recorded. Employees often receive payment in cash, not through a bank, or in the form of goods, so the tax authorities have no consistent way of assessing an individual's income or tax liability. Bank accounts are also rare, meaning that the tax authorities do not have any means of estimating income for a given period. A check against informal employment arrangements through the old Soviet system of labor books is also gone; under this system, each citizen of working age had a book in which the employer stamped a verification of employment and entered an amount for the pay rate. This system is not mandatory and its primary value is for its use in estimating pensions that are to be paid by the government, and these pensions are largely discounted or completely written off by workers in the country today.

Tax inspectors have territorial authority that allows the exercise of discretionary powers in exclusive arrangements, free from competition from other tax inspectors. A widespread belief is that these territorial arrangements are for sale, meaning that a tax inspector must recoup expenditures incurred in obtaining the franchise and, because the time limit on the franchise is often not well-established, act with little regard to the viability of the businesses in the territory under his authority.

The tax system imposes unpredictable costs on firms and individuals that opt for negotiated settlements with tax inspectors. The state suffers because these payments do not finance state operations. At the same time, such a system shifts a great proportion of the publicly-known tax burden on firms and individuals that attempt to operate in accordance with the tax code.

³⁶ International Finance Corporation and Swiss State Secretariat for Economic Affairs, *op. cit.*, 134.

Other regulations

Tajikistan requires a number of steps for an enterprise to operate legally. The first step is registration as an individual entrepreneur or as a legal entity. An individual entrepreneur must obtain a patent for a specifically named activity or a certificate for more general permission to operate. Firms must obtain licenses and permits. The number of authorizations and the time spent in acquiring them is long even by CIS standards and, as points of contact between businessmen and poorly paid bureaucrats, could lead to bribery. Reforms to simplify the system by reducing both the variety of documents needed by the enterprise to obtain a given endorsement and the number of these authorizations required for legal operation are in progress.³⁷

An example of the shadow economy occurs with imports of goods or equipment often come from Turkey or China, which do not have the customs relationships with Tajikistan that exist between CIS countries, where long-time suppliers to Tajik enterprises are located. The less established customs relationships facilitate underreporting for any import duties. For example, a Tajik entrepreneur can negotiate a deal in Turkey that includes the provision by the exporter of a false invoice for a piece of merchandise. The invoice will have a value that is a fraction of what the importer actually paid. Any questioning by a Tajik customs officer is more difficult to pursue with Turkish customs than it would be with Russian or Ukrainian customs. The result is that businesses often use and sell Turkish- and Chinese-produced goods, although Russia and other CIS countries produce goods that are competitive in terms and price and quality. Another method of reducing customs payments is to import as an individual, which is allowed up to certain limits. Firms will often use the identity of another person, with or without the person's permission, to import goods as personal items and in that way avoid customs assessments.

The practice of underpaying customs duties to the state, is built into most entrepreneurs' cost structure. Many businessmen are hesitant to contemplate acting within the law in this matter because of the expectation that competitors will continue the current practice and be able to undercut the law-abiding importer.

Banks

The absence of the banking sector as a complement to business in Tajikistan reduces transparency. Banks usually provide incentives for consistent financial reporting. However, in Tajikistan banks are not common sources of loans. The country's largest commercial bank, Orienbank, reported loans to individuals at 3.1% of its local currency portfolio and less than 1% of its foreign currency loan portfolio, while over 95% of lending went to commercial

³⁷ Ibid., 25-53. This section reviews the steps for legal authorization for a Tajik business.

and state enterprises³⁸; a common perception is that loan processing is slow and concerns exist about the security of information provided to a bank. To maintain some control over information, importers often make payments to a foreign exporter through banks' offshore operations, often in Cyprus or Lithuania.

Many professionals who earn good salaries do not have bank accounts, a condition that shows up in the low ratio of bank deposits to GDP.³⁹ Entrepreneurs avoid banks for loans, whether for personal or business purposes. The usual sources of funds for business investment are either from personal and family savings or from foreign entities, with Russian companies as the most common⁴⁰. Tajiks who work in professional positions with international organizations, where they received regularly-paid salaries, did not have bank accounts and typically took their salary payments in cash.

Even if the security of information situation is resolved, the banks' insistence on collateral, which is common where poor accounting standards and practices make estimates of cash flows difficult, deters many borrowers. The procedure for providing collateral for a loan involves registration and notarization⁴¹ and these steps, like all others in a bureaucratic environment, involve time and often some informal payments to expedite the paperwork. The burdensome registration procedures for business start-ups and their continued operation mean that a firm's licenses may not be in order, further complicating its position in an attempt to obtain bank credit. Even if collateral is available, a bank may be reluctant to lend on the security of a firm that is not properly registered or does not have a full set of stamped licensing or title documents. In summary, banks are not seen as potential sources of financing for consumer or business uses because of security concerns and paperwork burdens.

Many Tajiks have not used banks even for remittances, an activity that could generate a significant portion of banks' income in the form of transaction fees. Remittances play a large part in the Tajik economy, with the official estimates of this flow being enough to cover the country's merchandise trade deficit in recent years. However, Tajiks will often talk of the use of personal connections to receive transfers from relatives working in Russia to avoid using the services of banks. These personal connections often involve the carrying of cash by a trusted associate of the transferor in Russia to the intended recipients in Tajikistan. This method involves the risk of theft along the way, including extortion at border crossings, but its use continues and indicates a severe lack of confidence in banking security even for money transfer services.

³⁸ Orienbank, Press Release, December 13, 2007. Accessed at <http://www.orienbank.com/index.php?t=0&ns=178&nt=0&i=83&l=1#news178>

³⁹ International Finance Corporation and Swiss State Secretariat for Economic Affairs, op. cit, 87.

⁴⁰ Ibid., 11, and Olimov, op. cit, 26.

⁴¹ International Finance Corporation and Swiss State Secretariat for Economic Affairs, op. cit, 96.

Drugs

Because of the country's location next to Afghanistan, the world's largest producer of opiates, Tajikistan has become a major conduit for narcotics. Estimates are that nearly 20% of the heroin and morphine exported from Afghanistan flow through Tajikistan,⁴² with its border riddled with unmarked crossings. Most narcotics movement into Tajikistan is of a transit nature, with little consumption outside of some opium-smoking, particularly among women and children in remote villages from which the men have left in search of opportunities in Dushanbe or in Russia. A recent development is the increased involvement of women in the trafficking activities.⁴³ This observation is not surprising given the number of males who have left the country, thus generating a shortage of males able to make the runs, and the lack of employment opportunities in general in Tajikistan, and particularly for women who may be seeking employment to supplement incomes in the form of remittances that arrive on an irregular basis from kinsmen in Russia.

The departure of the Russian border guards from Tajikistan has brought a decrease in the amount of drug seizures in Tajikistan, though the country still leads Central Asia in the amount of illegal drugs seized.⁴⁴

Heroin is gaining as a percentage of contraband from Afghanistan. Heroin has a higher ratio of value to weight than opium and the chemicals used in turning the opium into heroin are becoming easier to obtain in Afghanistan, though they are not produced in that country. These chemicals are usually imported from neighboring countries.⁴⁵ Heroin labs have been in southern Afghanistan, away from the Tajik border, but as fighting continues in that region the expectation is that these labs will move to the northern part of the country, making Tajikistan an even more common export direction for the refined product.

Narcotics investigations usually target individuals instead of organizations. Arrests in Tajikistan are usually of the carriers instead of organizers. Carriers are often from poor backgrounds with limited education and are not able to provide information about the organizations moving the drugs, but even if some details are available, the absence of a plea bargaining system reduces the incentive of an arrested carrier to provide information.

Suggestions for Further Research

The number of authorizations, in the form of licenses, certificates, patents, and permits, required to operate legally has fallen. This change, if continued, will decrease the opportunities for extraction of payments to overlook deficiencies.

⁴² World Drug Report, United Nations Office on Drugs and Crime, June 2007, 45.

⁴³ Nancy Lubin, Alex Kaits, and Igor Barsegian, *Narcotics Interdiction in Afghanistan and Central Asia: Challenges for International Assistance*. New York: Open Society Institute, 2002, 16-17.

⁴⁴ United Nations Office on Drugs and Crime, *op. cit.*, 46, 184.

⁴⁵ Afghanistan Opium Survey: Executive Summary, United Nations Office on Drugs and Crime. August 2007, 21.

cies. The pace at which these changes are implemented and their effects on growth and employment would be useful for studies of Tajikistan and for other countries that are in the transition to a market-oriented economy.

The International Finance Corporation (IFC) is encouraging the replacement of the current tax system with a lump sum tax that would reduce discretionary powers of tax inspectors. Such a system reduces risk for the state and for business. The results should be increased operation in the legal business sector and an increased, less variable flow of tax revenue to the state. A useful research project would measure the success of tax reforms in promoting business stability and tax revenue flows. A flat-rate income tax, if monetary incomes are assessable, would have similar positive effects, as the introductions of this type of system in Russia and Ukraine have indicated⁴⁶.

Conclusion

The heavy burdens imposed by regulation and taxation makes operation in the formal, legal economy prohibitively expensive for most entrepreneurs. They operate in an environment that leaves them susceptible to discretionary powers of policemen and inspectors. The banking system is small and is not providing an incentive for consistent and transparent record-keeping. Drug trafficking promotes unrecorded economic activity and will continue to do so as long as risk/return calculations for yields per hectare of land planted in opium in neighboring Afghanistan remain relatively high.

The issues, with the possible exception of bordering a major opium-producer, that cause Tajikistan's unrecorded economic activity to grow are similar to those in other peripheral countries without firmly established institutions that enable entrepreneurs to register their firms, acquire permits, and pay taxes in a predictable manner. The size of the unrecorded economic activity in Tajikistan is large relative to GDP, meaning that these numbers underestimate economic activity and buying power in the country. The published GDP numbers for many peripheral countries are often not consistent with what observers see when they encounter automobiles in good condition, mobile telephones and other late-model consumer electronics, and other indicators of some levels of income and wealth above that suggested by widely-cited data for these countries.

⁴⁶ International Finance Corporation and Swiss State Secretariat for Economic Affairs, op. cit, 146-51.

УДК 913

© Г.Б. Дугарова

**Социально-экономическое развитие периферийной территории:
географический аспект***

В статье рассмотрены проблемы периферийных территорий на примере Окинского района Республики Бурятия. В частности, отмечены такие его особенности, которые могут быть применены и к другим периферийным территориям, как слабая изученность, транспортная удаленность, богатство полезными ископаемыми, наличие территории проживания коренных малочисленных народов, низкий уровень развития социальной и культурной инфраструктуры, и как следствие – низкий образовательный уровень населения.

Ключевые слова: периферия, социально-экономическое развитие, коренные малочисленные народы, золотодобывающая промышленность.

G.B. Dugarova

**Social-Economic Development of the Peripheral Territory:
Geographical Aspect**

The problems of peripheral territories are examined on example of Okinskii county of the Republic of Buryatia in the article. In particular such specific characteristics are described as poorly studied, remoteness, richness with minerals, distinguished territory of traditional settlements of non-numerous indigenous peoples, poorly developed social and cultural infrastructure, and as a result – low educational level of local population.

Key words: periphery, social-economic development, non-numerous indigenous peoples, gold mining.

Прежде всего, определимся, что такое периферия. Феномен периферийности многогранен и многомерен. Если раньше периферийность определялась только физической удаленностью, т.е. транспортно-географически, то в последние годы она чаще определяется такими нематериальными факторами, как доступ к информационным коммуникациям, новым знаниям, скорость обмена по информационно-телекоммуникационным сетям и т.д.⁴⁷

Географически периферийность принято рассматривать в разных масштабах: 1) в мелком масштабе – как периферию внешнюю, т.е. регионы и города, удаленные от столицы государства, 2) в среднем масштабе – как периферию внутрирегиональную (районы и небольшие города, уда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Полевые исследования в труднодоступных районах севера Байкальского региона», проект №13-03-18017.

⁴⁷ Пилиясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 544.

ленные от центров субъектов РФ), 3) в крупном масштабе – как периферию локальную (сельские территории, удаленные от городов). Именно на уровне регионов и муниципальных образований многие процессы и последствия периферийности проявляются максимально рельефно. Поэтому в данном контексте показателем периферийности служит не только физическая удаленность от некоторого центра (столицы государства, региона, города), но и отсутствие доступа к важнейшим каналам нового знания.

Данная статья посвящена исследованию региональных особенностей природной, экономической и общественной среды периферийной территории с целью оптимизации ее социально-экономического развития, а также изучению проблем, возникших в связи с преобразованиями социально-экономической структуры общества.

Объектом нашего исследования является одна из таких периферийных территорий – Окинский Сойотский национальный район Республики Бурятия (далее *Окинский район*). Выбранный нами объект исследования весьма интересен по нескольким причинам: во-первых, Окинский Сойотский национальный район представляет собой один из самых малоизученных в социально- и экономико-географическом отношении административных районов Республики Бурятия (РБ). Он представляет собой по своему уникальную территорию в плане историческом, своеобразной природы, населения, его образа жизни и хозяйства, разнообразия природных ресурсов и т.д. Продолжительная изолированность района от «внешнего мира», т.е. ее периферийность, с одной стороны, способствовала сохранению этой уникальности, но, с другой стороны, явилась причиной его экономической и социальной отсталости. Почти до 90-х годов транспортная связь района с наиболее развитыми районами Республики Бурятия и главным финансово-культурным центром (г. Улан-Удэ) осуществлялась только авиационным транспортом (наземных путей не было). Во-вторых, Окинский район относится к местностям традиционного проживания коренных малочисленных народов и ему присущи все те проблемы, которые переживают коренные малочисленные народы в современном мире.

Окинский район является одним из самых отдаленных районов Бурятии. Его невыгодное природное и экономико-географическое положение, горный рельеф, суровые природно-климатические условия, продолжительная изолированность от «внешнего мира» – все это отразилось на структуре народного хозяйства, укладе и образе жизни населения, на культурно-бытовых отношениях периферийного сообщества и т.д. Большая часть территории Окинского района занята гольцами и каменистыми россыпями – 45%, леса занимают 44%, а сельскохозяйственные угодья – всего 1% (также 1% всей площади сельхозугодий в РБ) (рис. 1), (табл. 1.).

Таблица 1
Типы минеральных источников в Окинском Сойотском национальном районе

Источник	Минерализация г/л	Тип воды	Лечебный	Показания к лечению
Шумак	1,2	Горячий, углекислый, гидрокарбонатный, магниевый-кальциевый, радиоактивный	CO ₂ , ионы магния, кальция, радон, стронций, медь	Желудочно-кишечного тракта, печени, желчных путей, диабета, мочевого пузыря, нервной и сердечно-сосудистой систем
Саган Сайр	0,5	Гидрокарбонатный, магниевый-кальциевый, радиоактивный, горячий	Ионы карбонатов, магния, кальция, радон, щелочная реакция	Органов опоры и движения, гинекологических, сердечно-сосудистой системы, шитовид. железы
Сарикта	1,9	Углекислый, гидрокарбонатный, кальциевый-магний, железистый, кремнистый	CO ₂ , ионы карбонатов, кальция, магния, железо, кремнекислота	Органов пищеварения, обмена веществ, сердечно-сосудистой и нервной систем
Айнык	0,1	Гидрокарбонатный, магниевый-кальциевый	Ионы карбонатов, магния, кальция, CO ₂	Органов пищеварения, обмена веществ, нервной системы
Халуун Усан	0,24	Теплый, азотно-углекислый, сульфатно-гидрокарбонатный, магниевый-кальциевый	CO ₂ , ионы карбонатов, магния, кальция, сульфаты	Органов опоры и движения, обмена веществ, сердечно-сосудистой и нервной систем
Хойто-Гол	0,62	Горячий, углекислый-азотный, гидрокарбонатный, натриевый, сероводородный	CO ₂ , ионы карбонатов, натрия, H ₂ S, стронций, литий, медь, молибден	Органов опоры и движения (артриты, радикулиты, невриты), нервной системы, кожных заболеваний

Шутхулай	0,66	Углекислый, гидрокарбонатный, кальциево-натриевый, железистый	СО ₂ , ионы карбонатов, натрия, кальция, железа,	Желудочно-кишечного тракта, нервной, сердечно-сосудистой систем, печени, обмена веществ
Красные Камни	1,4	Железистый, гидрокарбонатный, кальциево-натриевый	ионы железа, карбонатов, натрия, кальция,	Желудочно-кишечного тракта, нервной, сердечно-сосудистой систем, печени
Даргал	1,3	Гидрокарбонатный, натриевый, кремнистый, горячий	Ионы карбонатов, натрия, кремниевой кислоты	Органов пищеварения, нервной и сердечно-сосудистой систем
Жойгон	8-36,8	Горячий, углекислый, гидрокарбонатный, кальциево-натриевый, радиоактивный, железистый. Холодный	СО ₂ , ионы карбонатов, натрия, кальция, железа, радон, медь, стронций, серебро	Органов опоры и движения, верхних дыхательных путей, гинекологических, проктологических, сердечно-сосудистых и нервных систем, кожных заболеваний, обмена веществ

*По данным отчета Института общей и экспериментальной биологии СО РАН, 1988 г.

Окинский район богат полезными ископаемыми, здесь можно встретить всю таблицу Менделеева, включая такие редкие элементы, как уран и платина. В конце 19-го начале 20-го столетий в небольших количествах здесь добывали графит, асбест, нефрит, россыпное золото. Были открыты месторождения боксита, фосфорита, проявления свинца, цинка, меди, олова, вольфрама, платины и др. Также в районе имеются достаточные запасы строительных материалов и поделочных камней (мрамор, офикальцит, строматолит и т.д.)⁴⁸.

Окинский район богат минеральными источниками, которые издавна представляют значительную бальнеологическую ценность для местного населения и приезжих⁴⁹. Почти все источники являются комплексными (табл. 1). Однако многие из них остаются еще полностью не исследованными. В силу отдаленности Окинского района от крупных транспортных магистралей, крупных промышленно-культурных центров и неразвитости социальной, информационной инфраструктуры эти минеральные источники пока малодоступны для многих потенциальных желающих.

Население Окинского района составляет всего 0,6% населения РБ. Его социально-демографическая характеристика имеет ряд специфических черт:

- для района характерна самая низкая плотность населения – 0,2 чел./1 км² (тогда как по РБ – 2,6 чел./1 км²);
- в национальном составе большую часть составляют буряты – 75,9%, остальная часть – сойоты (21,8%) и другие национальности (2,3%).
- район имеет почти равное соотношение полов с небольшим преобладанием мужского населения (на 100 мужчин приходится 97 женщин), что отличает его от других районов Бурятии⁵⁰;
- для Окинского района всегда была характерна высокая рождаемость, превышающая среднереспубликанский уровень в несколько раз. Это обусловлено сохранением национальных особенностей и традиций в семейно-брачных отношениях, а именно многодетностью и совместным проживанием многопоколенных семей.

В настоящее время расселение людей на территории района имеет очаговый характер. Почти половина населения живут в районном центре (с. Орлик), остальная часть расселена по долине реки Ока по не-

⁴⁸ Отчий край: краеведческий сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Вост. Сиб. гос. техн. ун-та, 1995. – 204 с.

⁴⁹ Куклина В.В. Туристы и отдыхающие на минеральных источниках Жойган / Чойган: социальные связи, узлы, сети и границы // Культурная и гуманитарная география. Т. 1, № 2 (2012) – С. 180-190.
<http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/55>

⁵⁰ Население Республики Бурятия. Статистический сборник / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 41 с.

большим селениям с численностью населения от 100 до 500 человек (рис. 1).

Происхождение окинских бурят в настоящее время недостаточно изучено. Наиболее ранними жителями Окинского района явились сойоты (XVII в., которые принадлежат к тюркскому племени. Немного позже эти края стали осваивать буряты (в основном выходцы из Тунки). Они пришли сюда для несения службы на русско-китайской границе. Основным занятием сойотов было оленеводство и охота, с которыми были связаны их хозяйственные традиции, характер и формы социальных отношений, обычаи, мировоззрение, уклад жизни. С приходом бурят начало развиваться скотоводство. Кроме того, сойоты частично заимствовали у бурят одежду, бытовые обычаи, устройство жилищ, пищу, а также и язык. Исторически в пределах района сложилось территориальное размещение сойотов на юго-востоке. Эта часть территории наиболее благоприятна для развития оленеводства, которое было главным занятием сойотов, в то время как буряты, занимаясь скотоводством, жили в центральной и северо-западной части. Поэтому внутри Окинского района образовались две этнотерриториальные области (сойоты и буряты)⁵¹.

Еще в 30-х гг. здесь возникла идея создания сойотского национального округа с непосредственным подчинением Иркутской области, а не Республике Бурятия. Однако движение сойотов по национальному возрождению было жестоко подавлено. А в 1940 г. Окинский район, получив статус самостоятельного административного района, фактически провозглашается одноплеменным, и во всех официальных документах сойоты были записаны как буряты. С этого момента сойотский этнос окончательно вычеркивается с этнической карты региона, а с этим происходит и исчезновение языка как основы национальной культуры⁵². Таким образом, еще в те годы зарождалась идея преодоления периферии за счет сокращения расстояния между районом и региональным центром.

Суровые природно-климатические условия, наличие многолетней мерзлоты, недостаток земель, пригодных для земледелия – все это определило образ жизни местного населения и его хозяйства. С давних времен местное население занималось оленеводством и скотоводством. Коневодство и овцеводство в районе было развито слабо. В основном разводили скот, не требующий особого ухода и содержания (яков, хайнаков – *гибрид яков-сарлыков и коровы*). Из-за ограниченности сенокосных угодий скот круглогодично находился на пастбищном содержании в горах с незначительной подкормкой сеном в зимний период⁵³.

⁵¹ Павлинская Л. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2002.

⁵² Организация и развитие лесного хозяйств Окинского лесхоза. Объяснительная записка, 2007. – 56 с.

⁵³ Край поднебесных долин. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2000. – 247 с.

В советское время происходят кардинальные изменения в структуре хозяйства Окинского района. С одной стороны, происходит улучшение материально-технического снабжения сельского хозяйства: на более высоком уровне начинает функционировать зоотехническая и ветеринарная служба, проводятся работы по улучшению племенных пород (завозят быков, баранов, жеребцов разных пород), но с другой стороны, эти «планы сверху» проводились без учета местных особенностей, что привело ко многим негативным последствиям. Во-первых, многие завезенные породы не прижились к местным условиям, при этом был нарушен и утрачен генотип местной породы с их веками выработанными способностями к круглогодичному выпасу в условиях высокогорья при низких температурах, скудной кормовой базе зимой. Во-вторых, для их содержания требовались постоянный завоз кормов из соседних регионов (Тункинского района, Монголии) и расширение пахотных земель. Наряду с этим началось сокращение оленей. Одной из основных причин явился насильственный перевод кочевого населения на оседлый образ жизни. Он негативно сказался на жизни местного населения, а также привел к утрате преемственности поколений, т.е. дети и подростки, воспитываясь в интернатах, вырастали, не переняв опыта старших, и практически не возвращались к традиционным ремеслам и промыслам, утрачивая семейные традиции и трудовые навыки.

Промышленность в районе была развита слабо. Золотопромышленные разработки велись в небольших объемах из-за трудной транспортной доступности. Поэтому длительное время считалось, что в Окинском районе нет перспектив для развития промышленности. Однако с конца 80-х годов с возобновлением геологоразведочных работ и разработки Зун-Холбинского месторождения (предприятием «Холбинский») начинается новый этап развития золотодобывающей промышленности и социально-экономического развития Окинского района (табл. 2). В связи с этим происходит увеличение численности населения и развитие социальной инфраструктуры: строятся жилые дома, детские сады, школы, больница.

Таблица 2

Динамика численности населения, тыс. человек

Годы	1980	1990	2000	2010	2012
Население, тыс. чел.	3,9	4,9	4,8	5,3	5,4
Доля населения в РБ	0,4	0,5	0,5	0,6	0,6

*Данные отдела статистики Окинского района

Доля района в общем объеме промышленной продукции по РБ сразу же увеличилась с 0,1 до 5,5%. Рудник «Холбинский» стал своевременно производить в местный бюджет отчисления от прибыли и плату за природные ресурсы, что позволило улучшить экономическое и социальное положение района: появилась автотранспортная связь с другими района-

ми РБ и Иркутской областью, повысился уровень и качество жизни населения. Средняя заработная плата в районе повысилась до уровня средне-республиканского, увеличилась обеспеченность личными автомобилями, телефонами, компьютерами, улучшилось содержание объектов соцкультбыта. Однако большая часть дохода от золотодобывающей промышленности не учитывается в бюджете Окинского района и даже РБ. Окинский район до сих пор остается дотационным и поэтому денежные средства «оседают» где-то в другом месте, т.к. учредителями предприятия «Холбинский» являлись Московский Международный Банк РФ, Российский Банк Проектного Финансирования, Банк – депозитарий по программе американских депозитарных расписок Бэнк оф Нью-Йорк Соединенных Штатов Америки, открытое акционерное общество «Бурятзолото»⁵⁴.

Несмотря на это, крупномасштабные экономические реформы в стране не могли не сказаться на социально-экономическом развитии Окинского района. В районе были ликвидированы такие предприятия, как ремонтно-строительное управление, комбинат бытового обслуживания, предприятие механизированной транспортной системы и др. Постепенно сократила объемы производства и золотодобывающая промышленность, которая прекратила финансирование в местный бюджет и содержание объектов социальной сферы. В связи с этим горняки перешли на вахтовый метод и вынуждены уезжать в места постоянного проживания. Наблюдается спад производства и в сельском хозяйстве. В связи с ликвидацией колхозов появились крестьянско-фермерские хозяйства, происходит раздел имущества и массовый забой скота. С 90-х гг. поголовье крупного скота сократилось в 2,1 раза, заготовка мяса – в 1,4 раза, шерсти – в 5,4 раза. Таким образом, мы видим, что существует сильная зависимость периферийной территории от внешних факторов, что делает ее развитие не устойчивым и уязвимым.

Возникшие экономические проблемы повлекли за собой и ряд социальных проблем: рост безработицы и социальной незащищенности, снижение уровня и качества его жизни населения, увеличение уровня бедности, снижение рождаемости и т.д.

К еще одной основной черте периферийности можно отнести низкий образовательный уровень местного населения. На 1 января 2010 г. по данным сельских советов в Окинском районе имели высшее образование всего 23,4% экономически активного населения (539 чел.), среднее специальное образование – 29% (674 чел.), незаконченное высшее – 12% (269 чел.). Таким образом, необразованное население в районе составляет 35,6%. Все это отражается на трудоустройстве местного населения. Например, в 2010 г. на руднике «Холбинский» работало всего 5% местного населения (примерно 80 чел. из 1500).

Таким образом, из проведенного географического анализа можно отметить некоторые основные черты периферийного сообщества: это

⁵⁴ Бурятзолото. Годовой отчет. – 1998. – 43 с.

низкий уровень образования, отсутствие человеческих ресурсов с необходимыми для развития компетенцией и знаниями, малую мобильность местных жителей, архаичную инфраструктуру и примитивный характер институтов накопления и передачи знания (небольшие школы, сельские клубы, находящиеся в аварийном состоянии, недооснащенные фельдшерско-акушерские пункты и районные амбулатории), дефицит информационных обменов внутри сообщества и др.⁵⁵.

Для успешного социально-экономического развития Окинского Сойотского национального района необходимо решить множество различных проблем с учетом его региональных и национальных особенностей. Во-первых, как писал Е.Ф. Шумейкер, «развитие должно начинаться начинается не с товаров, а с людей – их образования, организованности и дисциплины. Без этих трех составляющих все ресурсы останутся лишь потенциалом»⁵⁶. Низкие подушевые доходы, значительный уровень бедности, высокая безработица – это лишь верхушка айсберга, под которым скрывается слабая способность к развитию, недостаток физической инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы, инновационных видов деятельности и др. Поэтому предполагаемые меры по улучшению социально-экономического развития Окинского района, прежде всего, должны быть «стимулирующими» и скоординированы с реальными возможностями жизнедеятельности периферийного сообщества. Периферийная территория не обречена всегда быть отстающей; в результате целенаправленных усилий власти, бизнеса и структур гражданского общества выход из списка проблемных территории возможен.

Во-вторых, людей, приезжающих сюда за высокими заработками, не интересует и не волнует жизнедеятельность местного населения и состояние окружающей среды после их отъезда. После добычи золота остаются большие площади нарушенных земель, на которых почти не ведутся работы по рекультивации. Внедрение гидрометаллургического производства на основе цианистой технологии негативно отражается на здоровье местного населения, а также на уровне генетических изменений (т.е. возникновение онкологических заболеваний и различных патологий)⁵⁷.

В-третьих, в последние годы в районе остро встал национальный вопрос. В 2000 г. Окинский район Указом Народного Хурала Республики Бурятия переименован в Окинский Сойотский национальный район. В 1995 году была произведена микроперепись населения района, где сойотами себя признали 1873 человека. Таким образом, сойоты составляют 39% от общей численности населения, из них мужчин больше, чем жен-

⁵⁵ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Либроком, 2009. – С. 544.

⁵⁶ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Либроком, 2009. – С. 36.

⁵⁷ Будаева Ц. Б., Дармахеова О.П. Современные социальные проблемы Оки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 100 с.

щин на 101 человек. Однако провозглашение Сойотского национального района было чисто формальным, так как в настоящее время в связи с полной ассимиляцией сойот с бурятами очень трудно отличить их. В результате происходит, что одни члены семьи считают себя сойотами, а другие – бурятами. К сойотам было причислено в основном население призывного возраста, так как это дает некоторые преимущества, например, уклонение от воинских обязанностей.

Сойоты, как и любая другая нация, имеют право на национальную идентификацию, самоопределение и самовыражение. Однако сущность национального интереса состоит не в обособлении или абсолютной независимости национальной общности, а в воспроизводстве объективных условий, обеспечивающих ее развитие и сохранение как целостности. Воспроизводить свое существование, а тем более развивать в условиях взаимосвязанного мира национальная общность может только через отношения с другими общностями, иначе это может привести к национальной деградации. Поэтому наряду с решением социально-экономических проблем необходимо решать и национальный вопрос, но не наоборот, посредством него решать другие проблемы (экономические, политические).

Таким образом, периферийное сообщество – это система с очень высокими внешними и внутренними барьерами. Эти барьеры являются следствием природных, экономических, инфраструктурных факторов, сложившихся традиционных культурных ценностей и запретов. Общей чертой периферийной территории является низкая плотность дорожной сети, транспортная, информационная недоступность многих поселений. Поэтому индикаторы периферийности могут интерпретироваться как обратная функция от доступности: чем выше доступность, тем меньше периферийность места и наоборот⁵⁸.

Литература

1. Куклина В.В. Туристы и отдыхающие на минеральных источниках Жойган / Чойган: социальные связи, узлы, сети и границы // Культурная и гуманитарная география. Т. 1, № 2 (2012). – С. 180-190 <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/55>
2. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Либроком, 2009. – 544.
3. Отчий край: краеведческий сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Вост. Сиб. гос. техн. ун-та, – 1995. – 204 с.
4. Организация и развитие лесного хозяйств Окинского лесхоза. Объяснительная записка, 2007. – 56 с.
5. Край поднебесных долин. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ. – 2000. – 247 с.
6. Бурятзолото. Годовой отчет. – 1998. – 43 с.
7. Будаева Ц.Б., Дармаханова О.П. Современные социальные проблемы Оки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 100 с.

⁵⁸ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Либроком, 2009. – С. 544.

8. Павлинская Л. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2002.

УДК 625

© Ц.Б. Дашпилов, В.В. Куклина

**Транспортные сети в Катангском районе:
монополии труднодоступности***

В статье обсуждаются механизмы формирования материальных потоков в условиях ограниченной транспортной доступности в Катангском районе Иркутской области. Используя актор-сетевую теорию, авторы приходят к выводу, что трудность конструирования социальных сетей и монополизация «местного знания», ведущей к монополизации и остальных отраслей экономики и политики.

Ключевые слова: дороги, автозимники, транспортная доступность, периферия, маргинализация.

T.B. Dashpilov, V.V. Kuklina

**Transportation networks in Katangskii county:
the monopolies of remoteness**

The mechanisms of forming material flows in circumstances of limited transportation accessibility are discussed in this paper on example of Katangskii county of Irkutsk region. Using actor-network theory the authors conclude that difficulties in working nets and monopolization of “local knowledge” lead to other kinds of monopolization in economics and politics.

Key words: roads, “winter roads”, transportation accessibility, periphery, marginalization.

Рассуждая о периферийных сообществах, следует отметить, что в мировой географической литературе больше внимания уделяется маргинальным регионам, нежели периферийным⁵⁹. Один из лидеров исследований маргинальных регионов и феномена маргинальности Уолтер Леймгрюбер включает в маргинальные места и периферию, и изоляты (слабо связанные с внешним миром, но с интенсивными внутренними связями),

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Полевые исследования в труднодоступных районах севера Байкальского региона», проект №13-03-18017.

⁵⁹ S. Déry, W. Leimgruber, W. Zsilincsar. Understanding Marginality: Recent Insights from a Geographical Perspective // Hrvatski geografski glasnik 74/1, 5 – №18.– 2012.

и «мертвые углы» (слабые и внешние и внутренние связи)⁶⁰. Таким образом, понятие периферии в его понимании более узкое, чем в работах В. Каганского⁶¹ и А. Пилясова⁶². То, что он называет «изолятами и «мертвыми углами» наиболее напоминает труднодоступные горные и северные районы Сибири.

И если для исследователей маргинализации низкий уровень доходов и слабое развитие инфраструктуры в совокупности с культурной изоляцией и сложными природными условиями являются основными критериями маргинализации, то, по мнению А. Пилясова, в современной «знаний экономике» ограниченная транспортная доступность не является значительной помехой к развитию. Наоборот, возможно использование данных факторов как ресурсов для развития. И в самом деле, в настоящее время за счет федерального бюджета пытаются сократить разрывы в информационном пространстве на территории страны. Практически все школы и администрации, а иногда еще и ФАПы и почтовые отделения обеспечены спутниковой связью и Интернетом. Кроме того, «для населения» в деревнях установлены спутниковые таксофоны, которые, пользуются большим спросом несмотря на дороговизну (по 3-4,2 р./мин). Однако формируется определенная специфика поселений, особый ритм жизни и структурирование пространства, обусловленные транспортной удаленностью от крупных городов.

Информационные потоки, на которые он возлагает большие надежды, по нашему мнению, должны сопровождаться еще и материальными – пересылкой бумаг или личным присутствием. Поэтому далее в статье основное внимание будет уделено материальным потокам между рассматриваемыми сообществами и городами. Наиболее инструментальным для такого исследования является актор-сетевой подход, применяемый Б. Латуром⁶³. Следуя его призыву, необходимо понять – каким образом глобальное локализуется, каким образом затем локальное перераспределяется и каким средствами люди, образующие определенные ассоциации (которые должны заменить искусственное выделение групп), соединяются друг с другом? Таким образом, важнейшую роль в изучении социальной

⁶⁰ Leimgruber, W., 2004. Between Global and Local: Marginality and Marginal Regions in the Context of Globalization and Deregulation. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

⁶¹ В.Л. Каганский. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта. // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. – Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-101; В.Л. Каганский. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – № 6. – С. 23-34.

⁶² Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

⁶³ Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford University Press, 2005.

реальности приобретает география, приобретающая «второе дыхание» благодаря такому методологическому повороту.

При этом, следуя разработкам М. Грановеттера, особое внимание следует уделять «слабым» связям, служащих «мостами» для циркулирования, обмена и обновления информации с внешним миром⁶⁴. В совместной работе А. Пилясова и Н. Замятиной роль социальных сетей в развитии локальных сообществ представлена более детально, хотя само понятие «локальных сообществ» они не используют, но говорят о «местных сообществах» и «локальных общностях»⁶⁵. Также важным для данной статьи является их акцентирование на постоянстве потоков миграций населения между Севером и «материком».

Используя картографические методы, мы можем визуализировать данные связи. При этом помимо расстояния мы считаем необходимым учитывать время, затрачиваемое на преодоление расстояний, качество транспортных путей. Согласно актор-сетевой теории, необходимо заново детально рассмотреть все связи, узлы и деятельность по формированию социальных сетей, из каких актантов она осуществляется. В данном случае основное внимание уделяется дорогам – каким образом они конструируются и используются, кем они используются, как это использование влияет на жизнь местного сообщества, включая политику ценообразования и взаимоотношения с добывающими компаниями? В основном в фокусе внимания находится Катангский район Иркутской области (рис.1), однако для сравнения приводятся данные и по другим труднодоступным районам Сибири. Статья организована из следующих разделов: описание транспортно-географического положения Катангского района, описания автозимника, связанных с транспортными проблемами особенностями ценообразования, и анализа взаимодействия с добывающими компаниями через исследование дорог, аэропортов и транспортных средств.

Транспортно-географическое положение Катангского района

Катангский район расположен на краю Иркутской области, является крупнейшим в области и занимает 17% всей ее территории (139 тыс. км²), но содержит только 0,2% населения (3 779 человек по переписи 2010 г.⁶⁶). Он причислен к территориям Крайнего Севера, один из индикаторов которого – сумма температур за вегетационный период (со среднесуточной температурой выше 5 °) ниже 1600-1800 °, что является границей для безопасного роста сельскохозяйственных культур (Агранат, 1992). Зима

⁶⁴ Granovetter M.S. 1973. The Strength of Weak Ties. The American Journal of Sociology. 78 (6): 1360–1380.

⁶⁵ Н.Ю. Замятина, А.Н. Пилясов Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – Москва: Новый хронограф, 2013

⁶⁶ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений .

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

длится с октября по май, и температура в декабре достигают минус 57 °–59 °С.

Район имеет на западе и севере границы с бывшим Эвенкийским автономным округом, теперь – Эвенкийским муниципальным районом Красноярского края. Река Нижняя Тунгуска служила основным способом коммуникации между двумя районами: в советский период более высокий статус Эвенкийского округа притягивал эвенкийскую национальную интеллигенцию, которая на территории округа могла более полно реализовать собственное культурное наследие. С восточной стороны район граничит с Республикой Саха (Якутия), соседство с которой выражается также в смешанном якутско-эвенкийско-русском составе северных населенных пунктов района. С юга район граничит с Усть-Илимским, Усть-Кутским и Киренским районами. Речные артерии использовались в качестве путей для казаков, прибывших в Сибирь в поисках меха. В 1930-х гг. Нижняя Тунгуска использовалась для сплава пиломатериалов для Северного морского пути. После завершения строительства портов на берегах Северного ледовитого океана сплав прекратился, а использование водного транспорта было ограничено, обосновываясь короткими периодами навигации (100–150 дней), мелководьями, порогами, удаленностью от основных промышленных объектов и других водных путей.

Районный центр Ербогачен удален от областного центра Иркутска на 1815 км, и связан с ним только авиатранспортным сообщением. Два-три раза в неделю в зависимости от сезона осуществляются авиарейсы по маршруту Иркутск – Ербогачен. Цена авиабилета – 7500 рублей при себестоимости – 10-11 тыс. р. Аэропорт Ербогачена имеет грунтовую взлетно-посадочную полосу, способную принимать только самолеты Ан-2, Ан-24 и Ан-26. Во время сильных дождей полоса размывается и аэропорт закрывается. Другие поселения района сохранили только вертолетные площадки, хотя в советский период все имели взлетно-посадочные полосы для малой авиации. Стоимость билета на вертолет из Ербогачена в Киренск составляет 3026 р. Согласно транспортной схеме вертолетных перевозок, раз в две недели вертолет летит по «малому кругу», посещая Токму, Ику, Бур, и также раз в две недели – по «большому кругу», посещая Ерему, Преображенку, Непу, Хамакар, Наканно. Таким образом, без посещения вертолета остаются Инаригда, Оськино и Тетей. Из них только в Тетее есть школьники, которых завозят в Ербогачен рейсовым вертолетом авиакомпания «Ангара» за счет областного бюджета.

В 2012 г. зимой курсировала маршрутка Ербогачен-Киренск. Время в пути составляло около полутора суток. Кроме того, жители отдаленных деревень ездят до Киренска на вертолете, оттуда – на маршрутке за 1600 р. Несмотря на тяжелый путь, около полутора суток, маршрут пользуется успехом, так как в 5 раз дешевле, чем самолетом.

Автозимник

Еще с советского периода сохранилась практика завоза основных продовольственных продуктов длительного хранения и топлива для работы дизельных электростанций зимой по «зимникам», которая по сохранившейся с того периода традиции называется «северным завозом». До 2003 г. «северный завоз» субсидировался из федерального бюджета, затем был спущен на областной бюджет. До 2006 г. с советского времени сохранялся специальный Комитет по делам Севера в администрации губернатора, занимавшийся специфическими проблемами северных территорий, включая «северный завоз». После 2006 г. его дела были переданы в ведение Комитета жилищной политики (в настоящее время министерство жилищной политики, энергетики, транспорта и связи).

По территории Катангского района проходит автозимник «Вилуй», идущий из Усть-Кута в Мирный, который сворачивает в сторону Якутии, не доходя десятка километров до поселка Непя. Он имеет федеральное значения и обслуживается неместными. Далее зимник идет по старому профилю, считается областной и финансируется Министерством дорожного строительства. Работа по его содержанию выставляется на тендер, выигрывает чаще всего катангское предприятие «НафтаБур», которое сохранилось после развала геологической экспедиции. Сохранившаяся техника используется в таких подрядных работах, а также при строительстве буровых вышек. В народе зимник от Вилуйского до Ербогачена называют «заячьей тропой», потому что такой узкий. Несмотря на то, что на его содержание выделяются региональные субсидии, есть жалобы, что трактор иногда проходит только один раз за зиму. Если встречаются две колонны, то не могут разойтись – дорога слишком узкая, стоят до тех пор, пока не приедет трактор и их не растащит. Если подрядчик делает работу более добросовестно, то через каждые 100 метров делает кармашки, где машины могли бы разойтись.

От главного зимника до Ики – 80 км, до Бура – 8 км, до Токмы – 110 км, чистят другие подрядные организации. От Преображенки до Ербогачена чистят тогда же, когда открывается главный зимник – к Новому году. Зимник до Наканно – 300 км, чистил частник Пелик Александр Иванович. До Инаригды даже не чистят – его жители сами приезжают в Наканно на буранах и увозят себе продукты, а летом «плавят» топливо – завоз в Наканно осуществляется с учетом Инаригды. Также в Наканно есть свои коммерсанты.

Основным поставщиком продовольствия в Катангском районе является «Катангское РайПО», сохранившееся с советских времен. По данным «Катангского РайПО», они привозят следующий ассортимент: мука, сахар, крупа, макаронные изделия, молоко сгущенное, говядина тушеная, масло растительное, маргарин, молоко сухое, консервы рыбные, сухофрукты, кондитерские изделия, консервы фруктовые, консервы овощные, чай, сигареты, папиросы, соль и некоторые другие товары:

«Особенно мы не завозим много лет стекло, железо. Не можем завозить из-за отсутствия денег, и потом из-за тяжелой транспортной схемы. Стекло, например, идет тонной, или больше там ящик. В маленький поселок мы не можем эту тонну привезти, потому что он потом там зависнет, они не разберут эту там тонну стекла, нет необходимости. И поэтому в некоторых селах вы можете увидеть картину, что окна затянуты пленкой» (интервью с директором Катангского РайПО).

Приспосабливаясь к условиям автозимника, предприятие накапливает в Ербогачене товары для Тетеи, Хамакара и Наканно, чтобы завезти уже весной. Существуют жалобы, что уже несколько лет не расчищается дорога до Тетеи, и предприятие самостоятельно поставляет товары по бездорожью.

Время открытия зимника зависит от природных факторов: если ударят сильные морозы, то могут открыть и в ноябре. Но если выпадет глубокий снег, то под ним болота долго не замерзают. В отличие от горных районов, наледи особо не мешают, потому что их объезжают по берегу. Но иногда, когда вода «кипит» (впадающие реки промерзают до дна и идут наледи), машины стоят по два дня, ждут, пока вода замерзнет.

В настоящее время доставка грузов производится зимником из Иркутска:

«В: А почему завоз идет из Иркутска? Нельзя было например с Усть-Кута, Киренска или Тайшета?»

О: Киренск, там есть оптовые базы, там цены выше, чем в Иркутске. В Усть-Куте конечно плечо короче, там цены на уровне Иркутска, мука например, крупа. И еще сложилось так, что наши поставщики, которые годами работают, а я уже сказала что не хватает собственных оборотных средств. И которые работают десятки лет, они дают нам на реализацию на полгода и выше, а Усть-Кут нет.

В: А вы пробовали разговаривать с Усть-Кутскими?»

О: Мы завозили 2 года тому назад несколько машин. Цены сравниваем, кондитерка например, на позиции дороже чем в Иркутске, и ассортимент уже, чем в Иркутске. Мы могли например работать напрямую с поставщиками через ЖД Усть-Кут, или до Казаченско-Ленского района везти, и потом перебрасывать, но у нас нет денег на предоплату. Все упирается в то, что у нас нет собственных оборотных средств» (интервью с директором Катангского РайПО)

Для завоза обычно используются «Уралы» и «Камазы» грузоподъемностью 10 тонн, для которых где-то лед намораживают, где-то подкидывают бревна. Завоз из Иркутска занимает 76 часов. Расход ГСМ: от 50 до 100 л на 100 км в зависимости от дороги, погоды, качества бензина и ав-

томобилей. При низких температурах заливают арктический дизель, который не замерзает до -50°C . В случае, если температура упадет ниже, перевозки не осуществляются.

Высокая зависимость от завозимых продуктов и топлива делает северные общины крайне неустойчивыми. Периодически проблемы с «северным завозом» появляются в той или иной части области. Внимание общественности, как правило, привлекается в связи с системами отопления, но недостаток пищевых продуктов также иногда доходит до кризисного состояния, если теплая весна или другие неблагоприятные погодные условия приводят к раннему закрытию зимних дорог. Но ежегодно тысячи тонн продовольствия поставляется в рамках этой программы.

Специфика ценообразования

Трудности в доставке грузов определяют и политику ценообразования. Так, например в Мамско-Чуйском районе в осенне-весенний период доставка грузов осуществляется только авиатранспортом (стоимость перевозки 1 тонны груза составляет 52,0 тысяч рублей (в период распутицы доставка грузов в район еще дороже), что в 5,5 раза больше, чем автотранспортом и железной дорогой). В летнее время доставка грузов в поселения осуществляется из п. Таксимо автотранспортом, при этом, от п. Мамакана до п. Мама – водным транспортом, где фактическая стоимость 1 т/км составляет 21,2 р., а автотранспортом всего 3,8 р. т/км.⁶⁷ Наиболее распространенным для труднодоступных районов является завоз товаров длительного потребления в зимний период по «зимнику». В Катангском районе стоимость тонно-километра по зимнику в 2012 г. составила 14,61 рублей, речным транспортом – 48,74 р., авиатранспортом колеблется от 154,78 р. за доставку в село Наканно до 232,30 р. за доставку в село Ика⁶⁸.

Монополия Катангского РайПО лишь частично разбавляется индивидуальными предпринимателями в Подволошино, Ербогачене, Преображенке и Непе, расположенных вдоль реки.

Несмотря на внушительные субсидии, довольно часто в труднодоступных поселениях можно услышать нарратив о нежелании предпринимателей работать в этих районах, и о работе себе в убыток:

«Мы кооперация – мы государственная торговля, мы не частная, не коммерческая структура. И никому не выгодно в настоящее время

⁶⁷ Программа социально-экономического развития Мамского городского поселения на период с 2008 по 2012 г. – С 24.

⁶⁸ Отчет о целевом использовании субсидии по состоянию на 1 января 2013г. по муниципальному образованию «Катангский район». Приложение 4 к Порядку представления из областного бюджета местным бюджетам субсидий в целях финансирования расходных обязательств по созданию условий для обеспечения поселений Иркутской области, входящих в состав муниципального района Иркутской области, услугами торговли.

замораживать свои оборотные средства на товары, которые лежат год, в течение года. Это товары первой необходимости. В настоящее время, что бы завести это все в маленькие села, 9 сел, где меньше 50-ти, до 100 человек, 6 сел у нас в районе это эвенкийские села, где проживают кмнс, раз в год машина приходит. И вот мы на целый год должны найти деньги, эти средства, чтобы все это завезти. И вот уже два года у нас большая проблема с этим завозом. Несвоевременное финансирование на возмещение транспортных расходов, только в прошлом года отдали 30-го марта, правда все отдали деньги, и то за день до закрытия зимника. Мы успели маленькие эти села закрыть, а в большие села не успели закрыть. И остальную часть финансирования до сих не отдали, 10 млн. по каким причинам нам неизвестно. Мы постоянно пишем на имя мэра, губернатора, пока никаких ответов нет. И, до 2007-го года нам также возмещалась промышленно-хозяйственная группа. И строительные материалы. С 2007-го этот перечень тоже отменили, возмещение непродовольственных товаров. И конечно мы везем не весь ассортимент. На 14-тый год может возникнуть такое положение, что мы не пойдём на завоз. (глава Катангского РайПО).

В Тофаларии в летний период грузы завозятся вертолетами из Нижнеудинска, которые сильно зависят от погодных условий. В частности, можно услышать возмущение, что никто предпринимателю не компенсирует затрат на оплату услуг грузчика в Нижнеудинске и в Алыгджере (по 500 руб. каждый раз), не дают беспроцентный кредит, а он теряет больше, чем если бы возил в другие, доступные поселения. В случае задержки рейса на несколько дней они терпят убытки от порчи скоропортящихся товаров.

Несмотря на все эти сложности, периодически появляются предприниматели, желающие осуществлять снабжение труднодоступных поселений. Отбор претендентов осуществляется решением районной думы, которая устанавливает муниципальные преференции. В частности, в Нижнеудинском районе для завоза товаров в Тофаларию, преференции предоставляются, помимо прочего, при условии наличия стационарных торговых объектов и складских помещений в населенных пунктах Тофаларии⁶⁹. Количество преференций распределяется поровну между всеми предпринимателями, предоставившими необходимые документы и осуществляющими торговлю в каждом населенном пункте Тофаларии. В Катангском районе условие предоставления преференций – наличие торговых точек во всех поселениях, т.е. у Катангского РайПО нет конкурентов.

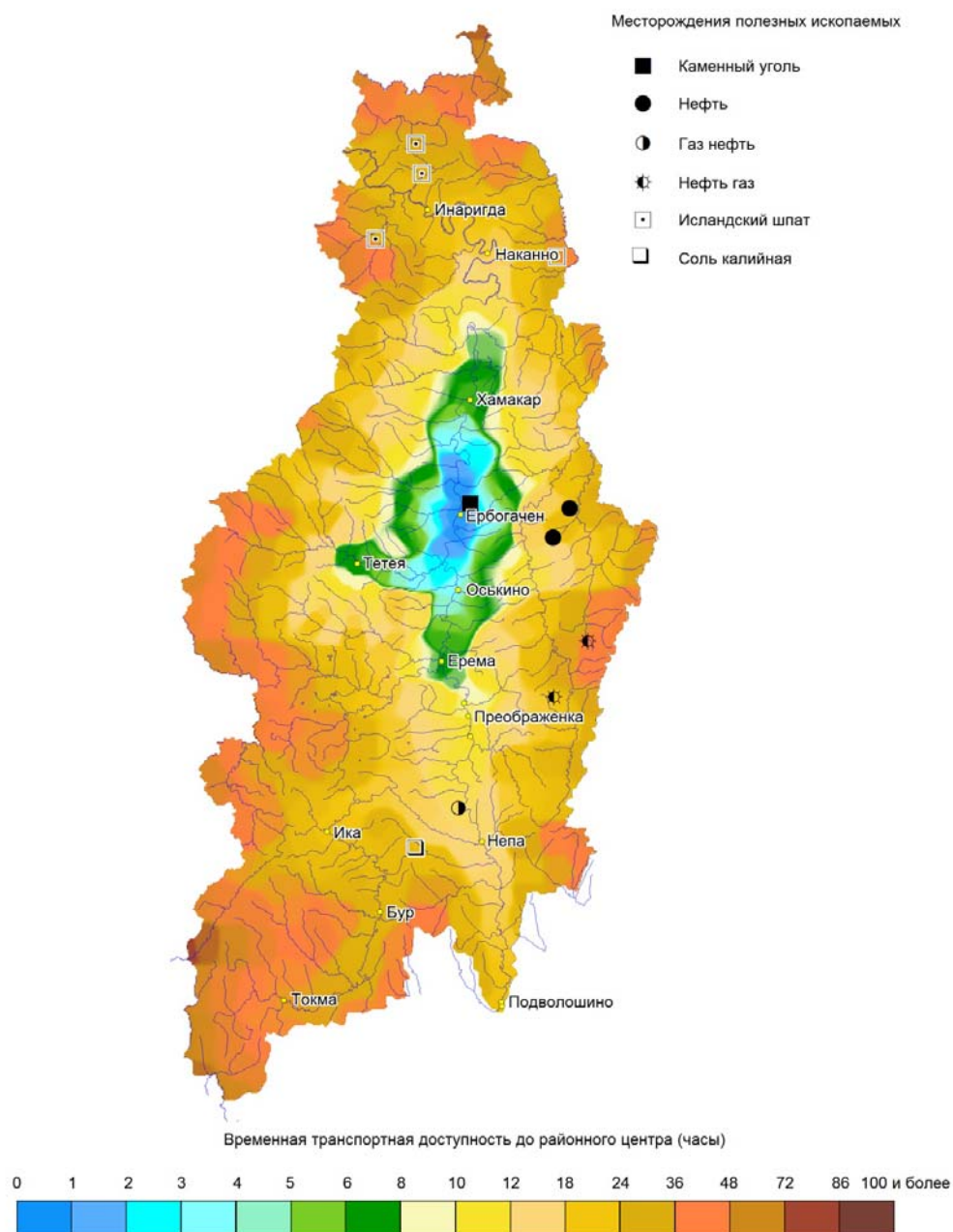
⁶⁹ Постановление Администрации муниципального образования «Нижнеудинский район» от 7.02.2012 №12 «О предоставлении муниципальной преференции по доставке грузов в населенные пункты Тофаларии».

В каждом районе по-своему устанавливаются надбавки к оптовой цене, руководствуясь Постановлением губернатора Иркутской области⁷⁰: если в Тофаларии они не превышают 25%, то в Катангском районе разрешается надбавка до 70%. В результате цена булки хлеба в Катангском районе достигает 38 рублей. Единицы содержат коров и кур, в результате цена за литр молока у частных достигают 60 руб., а десяток яиц – 100 р.

Для остальных предпринимателей расценки на доставку грузов от Подволошино, имеющего круглогодичную дорогу, до Иркутска – 10-15 р/кг, расстояние – 800 км. Если же у него используется своя машина, то затрачивается на перевозку около 60 тыс. р. От Подволошино до Ербогачена в летний период оплачивают 150 тыс. за лодку, куда могут загрузить 10 тонн по «большой воде» и 4 тонны – по «малой». Обычно такой сплав занимает 5-7 дней, но в периоды мелководья – до 10 дней. В таких условиях перевозчики на мелях разгружают и загружают груз. В зимний период по зимнику оплата перевозки составляет по 20-25 р./кг. Почти у всех предпринимателей есть свои лодки, но есть и частники, которые занимаются только доставкой грузов. В Преображенке от безысходности перевозчики готовы работать за 6-7 тыс. р. за рейс.

Под прессом местных активистов ввоз спиртного запрещен в такие деревни со значительной долей представителей коренных малочисленных народов, как Алыгджер, Верхняя Гутара, Нерха, Тетя. В Хамакаре продажа спиртного осуществляется только по пятницам. В Тоора-Хеме – районном центре Тоджинского кожууна Республики Тыва, как и в целом по республике, продажа осуществляется только в будни в дневные часы (с 10 до 19). Однако таким образом проблема их алкоголизации решается лишь частично: практически везде в таких деревнях варятся самогон или брага, либо продажа идет «из-под прилавка».

⁷⁰ Губернатор Иркутской области. Постановление от 11 июня 1999 г. п 401-п. О торговых надбавках на товары, реализуемые в районах крайнего севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) <http://docs.cntd.ru/document/469414266> (доступ 16.10.2013)

Местными озвучивается проблема с тендерами: иногда выигрывают те, кто не знает географии и климатических условий. Так, в Непе и Преображенке надо было поменять окна в школах. Выиграли красноярцы, но, подсчитав – во сколько обойдется завоз окон, отказались работать. На все это ушло время, а завоз можно было сделать только зимой, ремонт пришлось отложить до следующей зимы. Тендер на строительство интерната при школе выиграло предприятие из Иркутска – только на его сотрудниках можно увидеть москитную сетку, местные же уже привыкли к мошке и комарам.

Взаимодействие с добывающими компаниями.

После строительства трубопровода «Восточная Сибирь-Тихий океан» район стал более привлекательным для инвестиций и добычи. Количество геологических партий и добывающих предприятий сами жители района, включая администрацию, затрудняются сказать. Наиболее крупные – это «Роснефть» и «Иркутская нефтяная компания».

Ближайшая к Ербогачену круглогодичная дорога ведет от нефтегазодобывающего вахтового поселка ВЧНГ к вахтовому поселку Талакан на территории Республики Саха (Якутия), где проходит трубопровод ВСТО, и далее к поселку Витим. Зимой от ВЧНГ делают зимник до Ербогачена (170 км) за счет компании, но там же по пути расположены и буровые ИНК. Иногда им удобнее так на машинах завозить людей, прилетающих самолетом в Ербогачен.

Карты въючных и лесных троп потеряли в районе актуальность, так как передвижение охотников в основном осуществляется по геологическим профилям, которые были проложены в советское время через каждые 10-15 км.

Благодаря деятельности добывающих компаний, значительно увеличились поступления НДС (60% – в область, 30% – в район, 10 – в поселение). Бюджет села Ербогачен почти полностью самоокупается, из области идет только целевое финансирование. В частности, по деревне 7 рейсов в день осуществляет автобус от экспедиции до РСУ (расстояние 5 км). Обслуживает МУП «Фортуна», его себестоимость – 50,6 р., цена билета – 16 р., остальное компенсируется из местного бюджета в размере 2 млн р. Однако не все организации платят НДС здесь, некоторые – по месту расположения головного офиса (в Иркутске или Усть-Куте или других регионах). Например, с севера пришла Якутскгеофизика, возили хлысты возле Наканно, также есть Ангара-Ленская и Енисейская экспедиции, но никакой помощи или сотрудничества с ними нет. Есть много организаций, работающих на субподряде. В таком случае они могут отработать вахтовым методом 30 дней и уйти. ИНК-Север и Роснефть обращаются только для согласований в градостроительных планах, а все отношения ведутся через район. Важно отметить, что информацию о новых геологических экспедициях и их деятельности нередко представители муниципальных органов вла-

сти получают от охотников, которые, прибыв на свои охотничьи участки, обнаруживают там ведущуюся деятельность предприятий. И действительно, в настоящий момент геологические и добывающие предприятия не имеют никаких обязательств перед местными администрациями. Соглашения на добычу полезных ископаемых заключаются непосредственно с областными органами власти, а отсюда только принимают предложения, кто-то больше – как ИНК, кто-то вообще не советуется.

Основные поводы обращения к добывающим компаниям – это «латание дыр» в местных бюджетах. Так, для ВЧНГ предложение – проектно-сметная документация для строительства ФОКа. «Роснефть» напрямую выделила 2, % млн. руб. детскому саду для приобретения мебели и игрушек. Остальные дают по 20-50 тыс. р. на проведение мероприятий, кого-нибудь увезти-привезти, поскольку на это тратятся крупные суммы. «Нафтабур-сервис» в одной из деревень поставили дизель-генератор. «Дульсима» и «Данилово» помогают при чрезвычайных ситуациях. Когда ВЧНГ принадлежала ТНК-ВР, был заключен договор с Национально-культурным эвенкийским центром на 2 млн р. В настоящее время «Роснефть» от своих обязательств не отказывается, но и деньги не поступают. В последнее время все чаще звучат их утверждения о добыче ресурсов в государственных интересах и, как следствие, отсутствии необходимости согласования с местными жителями.

В настоящее время геологические профили дополняются еще более частыми – Д-3 (300*300) – от устья реки Талакан вниз по реке Вакунайке, где расположен вахтовый поселок Роснефти на 400 человек. От реки Вакунайки до реки Чоны на юг пробиваются профили Д-2 (200*200 метров), которые вальщики леса пилят вручную. Подобные профили вызывают жалобы охотников, так как по ним невозможно проехать, а лес остается неубранным. Также недовольство вызывает то, что рабочие в основном неместные – из Бугульмы (Татарстан) и Набережных Челнов:

«На работу нас собрали группу людей, устроили нас на работу и увезли нас в Якутию... Там какие-то возникли свои проблемы, что мало зарплату платят там. Но я остался дальше работать, а кто-то уволился. Да же там сезон поработал 10 месяцев, и все потом сюда приехал. Закончился сезон работы, выехал, уволился. Больше не поеду туда работать... Опасная это работа вальщика, убьет еще! Тем более случаи смертельные. Жизнь дороже чем зарплата... Как бы нарушаются права работника. /пауза/ Ну, как сказать, если работаешь, то организация не предоставляет всего того, чтоб твоя жизнь осталась в безопасности. Ну, они относятся к своим работникам халатно. Не снабжают спецодеждой, защитой, там еще чего то... Убило когда (человека поваленным

деревом), дали каску на несколько человек. Тогда дали, привезли всем каски. Тяжелые условия работы» (интервью с охотником).

Обычно в вахтовых поселках местные могут претендовать только на неквалифицированный труд, только один работает буровиком. Человек 5 могут работать просто рабочими, в целом не более 1% от всех сотрудников – местные. Люди туда едут отовсюду – из Украины, Молдавии и по России из разных районов.

При несчастных случаях и болезнях вахтовики, могут обслуживаться здесь, а затем выставляется счет страховым компаниям. За зиму в районной больнице обслуживают 5-6 человек. Обращаются с самыми разными случаями: много хондрозов, болезней органов дыхания, сердечно-сосудистой, травм и т.д. Но специального учета по ним отдельно не ведется (из беседы с врачом районной больницы).

Конкуренция проявляется и в обеспечении перевозок: в настоящее время часть грузов завозится на месторождения через аэропорт Ербогачена. Однако соседнее с Катангским районом – Талаканское месторождение нефти и газа уже имеет собственный аэропорт, с которым уже налажен рейсовый маршрут Иркутска – Талакан. В настоящее время планируют начать строить взлетно-посадочную полосу в 2014 г., пока компания Верхнечонскнефтегаз не начали строить себе собственную.

Вместо заключения

Рассматриваемые нами сообщества расположены вдали от морских путей, а по расчетам Л. Безрукова, даже железнодорожный транспорт, который стал огромным скачком в обеспечении связи внутри страны, в 5 раз дороже, чем морской⁷¹. Благодаря субсидированию авиаперелетов, в советский период жители этих районов могли сохранять и поддерживать связи с местами своего происхождения. В настоящее время билеты Иркутск – Ербогачен – Иркутск стоят дороже, чем Москва – Нью-Йорк – Москва.

Внимательно изучая транспортные схемы, мы отметили, что Неустойчивость и дискретность транспортного сообщения делают плетение социальных сетей трудоемким и дорогим процессом. Лишь единицы способны такие сети сконструировать, поэтому для подобных труднодоступных районов высоки риски монополизации деятельности, начиная от авиаперевозок и до обеспечения продовольствием и содержания автозимника. Однако для местных жителей такие местные монополисты более привлекательны, чем внешние, которые могут участвовать в тендерах, не будучи знакомы с местной спецификой, или добывающие предприятия, заинтересованные лишь в добыче ресурсов.

⁷¹ Безруков Л.А. Сжатие пространства: мифы и реальность // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – Москва: Эслан, 2010. – С. 32-48.

Количество специфических моментов, начиная со специфики логистики, остается «местным знанием», которое не исследуется и игнорируется, но имеет огромное значение, если мы действительно хотим понять, что происходит сейчас в труднодоступных районах. В противном случае не просто периферизация, но и маргинализация подобных сообществ неизбежны.

Литература

1. Déry S., Leimgruber W., Zsilincsar W. Understanding Marginality: Recent Insights from a Geographical Perspective. *Hrvatski geografski glasnik* 74/1, 2012. 5-18.
2. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // *The American Journal of Sociology*. 1973. 78 (6): 1360–1380.
3. Latour B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford University Press. 2005.
4. Leimgruber, W. *Between Global and Local: Marginality and Marginal Regions in the Context of Globalization and Deregulation*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited. 2004.
5. Безруков Л.А. Сжатие пространства: мифы и реальность // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. – Москва: Эслан, 2010. – С. 32-48.
6. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – Москва: Новый хронограф, 2013.
7. Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования*. – Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 72-101.
8. Каганский В.Л., Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // *Известия РАН. Серия географическая*, № 6. – 2012. – С. 23-34.
9. Постановление Губернатора Иркутской области от 11 июня 1999 года п 401-п. О торговых надбавках на товары, реализуемые в районах крайнего севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) <http://docs.cntd.ru/document/469414266> (доступ 16.10.2013)
10. Отчет о целевом использовании субсидии по состоянию на 1 января 2013 г. по муниципальному образованию «Катангский район». Приложение 4 к Порядку представления из областного бюджета местным бюджетам субсидий в целях софинансирования расходных обязательств по созданию условий для обеспечения поселений Иркутской области, входящих в состав муниципального района Иркутской области, услугами торговли.
11. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – Москва: Либроком, 2009. – 544 с.
12. Постановление Администрации муниципального образования «Нижеудинский район» от 7.02.2012 №12 О предоставлении муниципаль-

ной преференции по доставке грузов в населенные пункты Тофаларии.

13. Программа социально-экономического развития Мамского городского поселения на период с 2008 по 2012 г. – С. 24.
14. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений .
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

УДК 911.3

© В.В. Куклина, А.С. Черенев

Транспортная доступность и традиционализм в таежных островных сообществах*

Труднодоступные районы могут являться мерилем для определения пределов глобализации и сопровождаемого ею сжатия социально-экономического пространства. При помощи анализа статистических данных, опросов и интервью во время полевых исследований в Тоджинском кожууне Республики Тыва, Нижнеудинском и Катангском районах Иркутской области авторы изучили стратегии местных сообществ и отдельных индивидуумов на вызовы, связанные с ограниченной транспортной доступностью в таежных районах Сибири. Одна из таких стратегий – феномен развития традиционализма, будет рассмотрена подробнее в данной статье.

Ключевые слова: Таежные островные сообщества, транспортная доступность, традиционализм, периферия.

V.V. Kuklina, A.S. Tchereneuv

Transportation accessibility and traditionalism in taiga insular communities

Out-of-the way regions can be considered as tests for assessment the limits of globalization and accompanied with it compression of social-economic space. Using analysis of statistics, surveys and interviews during field studies in Todzhinskii kozhuun of Republic of Tyva, and Nizhneudinskii and Katangskii counties in Irkutskaya oblast the authors examined strategies of local communities and individuals in response on challenges related with limited transportation accessibility in Siberia's taiga. One of such strategies – the phenomenon of development of traditionalism, will be discussed in the article.

Key words: taiga "island" communities, transportation accessibility, traditionalism, periphery.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Полевые исследования в труднодоступных районах севера Байкальского региона», проект №13-03-18017.

Таежными островными сообществами А. Пилясов называет «сообщества таежной зоны, расположенные в глубине континента, вне постоянной наземной транспортной сети». Однако в фокусе его внимания – северные сообщества, такие как Эвенкия, внутренние районы Якутии и Ханты-Мансийского автономного округа. Континентальные горные районы характеризуются не меньшей дискомфортом климата и ограниченной транспортной доступностью, а также специфическим этническим составом. Признавая их специфику, специалисты выделили Тоджинский и Монгун-Тайгинский кожууны Республики Тыва в качестве районов Крайнего Севера. Такой же статус был у Тофаларии в Иркутской области, но был утрачен еще в 1950 г., а Тофалария была присоединена к Нижнеудинскому району. Но и сейчас в районной администрации обязанностью одного из заместителей мэра является курирование работы по Тофаларии, а глава Тофаларской администрации участвует во всех обсуждениях проблем труднодоступных районов в Иркутске наравне с другими главами районов. Единственный район в Иркутской области, имеющий статус района Крайнего Севера – Канганский.

В данной статье будет рассмотрено, каким образом институциональные условия и сложившаяся система расселения с ограниченной транспортной доступностью отдельных поселений создают предпосылки для развития традиционализма в данных районах с одной стороны, и каким образом сложившаяся система традиционных отношений влияет на восприятие удаленности сообщества. Исследовательская гипотеза: в отличие от мегаполисов и прочих крупных городских центров активно вовлекающихся в процессы глобализации, в удаленных труднодоступных районах актуализация традиционных ценностей или традиционализм становятся основным ресурсом обеспечения устойчивости поселений. В качестве маркеров традиционализма мы выделяем как институционально обусловленные программы поддержки традиционной культуры коренных малочисленных народов, так и стихийное подчеркивание этнических различий, усиление клановости, формирование пространственной сегрегации по этническому признаку.

Статья состоит из следующих разделов: обзор формирования и современного состояния системы расселения и этнического состава модельных сообществ, особенности ресурсов административных образований в поддержке традиционализма, влияние новых акторов (добывающих компаний) на транспортную доступность и традиционализм, восприятие транспортной удаленности различными группами местных жителей.

Методология исследования

Полевые исследования проводились в населенных пунктах Тора-Хем, Ырбан и Салдам Тоджинского кожууна Республики Тыва, г. Нижнеудинск и сс. Ук, Алзамай, Порог, Широково, Катарма, Атагай, Алыгджер Нижнеудинского района, с. Кушун, Ербогачен и Токма Катангского района Иркутской области в 2013 г.

Программа нашего исследования заключалась в: 1) сборе статистических данных и знакомстве с местными программами социально-экономического развития на уровне муниципальных образований первого и второго уровней, 2) сборе фокусированных и экспертных интервью, 3) анкетировании местного населения, 4) картографирования.

Всего было проинтервьюировано 23 человека «под диктофон» и 17 человек – устно, в связи с их нежеланием говорить «под диктофон» либо неблагоприятными для интервью условиями (при постороннем шуме, во время ужина, во время конных переходов). В том числе, в Тоджинском кожууне было проинтервьюировано 14 человек, в Нижнеудинском районе – 16 человек, в Катангском – 16 человек. Анкетным опросом охвачено 23 человек. В том числе: 13 человек в д. Ырбан и 10 человек и в с. Тора-Хем – 10 человек.

Система расселения

Общим для всех рассматриваемых районов является дисперсное расселение с сезонным или полностью отсутствующим сухопутным сообщением. Для Тоджинского кожууна и Тофаларии это связано с положением в районах горной системы Саян, для Катангского района – с положением в тайге и лесотундре Крайнего Севера. Строительство дорог в эти районы связаны с огромными финансовыми затратами и геоэкологическими рисками: частые в горных районах наводнения и паводки будут регулярно смывать дорожное полотно, а в Катангском районе необходимость постоянного ремонта дорог будет связана с таянием многолетней мерзлоты.

Зачастую действуют схемы бартерного обмена или дарения. Хлебопекарни существуют только в районных центрах, в остальных же поселениях труднодоступных районов, хлеб пекут себе сами. Электричество обеспечивается при помощи дизельных электростанций, доставка топлива для которых составляет существенную часть местных бюджетов. В частности, в Катангском районе расходы на ГСМ сопоставимы с расходами на субсидируемый завоз продовольственных товаров (16,2 и 16,7 млн р. соответственно за 2012 г.)⁷². Общим для рассматриваемых сообществ явля-

⁷² Отчет о целевом использовании субсидии по состоянию на 1 января 2013г. по муниципальному образованию «Катангский район» / Приложение 4 к «Порядку представления из областного бюджета местным бюджетам субсидий в целях софинансирования расходных обязательств по созданию условий для обеспечения поселений Иркутской области, входящих в состав муниципального района

ется также высокий уровень безработицы – добывающие предприятия на три четверти в Тодже и полностью в Тофаларии обслуживаются неместными работниками. Также из-за того, что налоги за добычу недр выплачиваются в основном в федеральный бюджет, местные бюджеты являются глубоко дотационными⁷³.

Тоджинский кожуун. Республика Тыва является субъектом РФ, непосредственно граничащим с Иркутской областью (Тоджинский кожуун). Актуальность исследования данного региона определяется тем, что в Республике Тыва: а) высокий уровень безработицы (19,2%. На 2008 г.); б) высокий показатель естественного прироста населения (15,3% на 2011 г.); в) высокий показатель преобладающей этнической группы (82,0% тувинцы); г) отмечаются факты роста национального самосознания тувинцев, доходящие до русофобии⁷⁴; д) низкий уровень социально-экономического развития. Республика Тыва является самой «молодой» территорией вошедшей в состав СССР (11 октября 1994 года) и одной из самых неблагополучных в социально-экономическом и криминогенном отношении.

Тоджинский кожуун занимает северо-восточную часть Республики Тыва и граничит с Кызылским, Пий-Хемскими и Каа-Хемским районами, Республикой Бурятия, Иркутской областью и Красноярским краем. Административный центр – сумон (сум.) Тоора-Хем. Специфика преобладающего тувиноязычного населения особенно ярко проявляется при рассмотрении села Ырбан – единственного поселения с преобладающим русским населением в Республике Тыва. Поселение было создано в советское время на базе леспромхоза, заготавливавшего лиственницу и кедр. После распада СССР прекратил функционировать и леспромхоз. Население, приехавшее на заработки и осевшее в сумоне Ырбан, осталось без средств существования, без работы и перспектив улучшения своего благосостояния. Почти все молодое поколение предпочитает уезжать из Ырбана в другие населенные пункты, за пределы Тывы в Республику Хакасию и Красноярский край. При проведении анкетирования местного населения мы узнали, что за последние 10 лет только один молодой человек (34 года) вернулся обратно в Ырбан. Единственным средством его сообщения с внешним миром является сплав по Бий-Хему до Тора-Хема. Чтобы совершить сплав местные жители кооперируются по 10-14 человек и нанимают лодку билет «туда-обратно» стоит 500 рублей с человека. Сам сплав занимает в общей сложности 4-5 часов (имеется ввиду туда и обратно) при наличии хорошего и мощного лодочного мотора. Далеко не все могут

Иркутской области, услугами торговли»; О реализации мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической энергоэффективности на 2012 год.

⁷³ Комплексная программа социально-экономического развития Тоджинского кожууна Республики Тыва до 2015 года. – С. 18.

⁷⁴ Хертек С.С. «Этапы формирования национального самосознания у тувинцев» // Теели. – 2010. – С. 12.

себе позволить съездить в Тора-Хем в районную больницу, аптеку или к родственникам.

Нижнеудинский район. 9-го октября 2004 г. был принят законопроект о наделении г. Нижнеудинска статусом городского поселения. Он вызвал большой резонанс у местного населения и в прессе, так как в состав МО «Нижнеудинский район» были включены города Нижнеудинск и Алзамай. По закону №131-ФЗ (Ст. 2 п. 1, Ст. 11 п. 1 п. 5, п. 2) в состав одного муниципального образования (МО) не могут входить два города. В случае если г. Нижнеудинск наделяется статусом городского округа, Нижнеудинский район приобретает статус муниципального района и, согласно закону №131-ФЗ (Ст. 11 п. 2), должен иметь всю необходимую инфраструктуру для осуществления функций района. По данным, предоставленным Главным управлением здравоохранения, Департаментом транспорта и связи администрации Иркутской области, Комитетом экономического анализа, главным финансовым управлением, в Нижнеудинском районе необходимой инфраструктуры для самостоятельного решения органами местного самоуправления прилегающего муниципального района вопросов местного значения нет. На этот случай Федеральный закон содержит условие (№131-ФЗ Ст. 2 п. 7), по которому г. Нижнеудинск необходимо ввести в состав района и наделить статусом городского поселения.

Катангский район расположен на краю Иркутской области, является крупнейшим в области и занимает 17% всей ее территории (139 тыс. км²), но содержит только 0,2% населения (3 779 человек по переписи 2010 г.⁷⁵). Он причислен к территориям Крайнего Севера, один из индикаторов которого – сумма температур за вегетационный период (со средне-суточной температурой выше 5 °) ниже 1600-1800 °, что является границей для безопасного роста сельскохозяйственных культур (Агранат, 1992). Зима длится с октября по май, и температура в декабре достигают минус 57–59 °С.

Район имеет на западе и севере границы с бывшим Эвенкийским автономным округом, теперь – Эвенкийским муниципальным районом Красноярского края. Река Нижняя Тунгуска служила основным способом коммуникации между двумя районами: в советский период более высокий статус Эвенкийского округа притягивал эвенкийскую национальную интеллигенцию, которая на территории округа могла более полно реализовать собственное культурное наследие. С восточной стороны район граничит с Республикой Саха (Якутия), соседство с которой выражается

⁷⁵ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений .

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

также в смешанном якутско-эвенкийско-русском составе северных населенных пунктов района. С юга район граничит с Усть-Илимским, Усть-Кутским и Киренским районами. Речные артерии использовались в качестве путей для казаков, прибывших в Сибирь в поисках меха. В 1930-х гг. Нижняя Тунгуска использовалась для сплава пиломатериалов для Северного морского пути. После завершения строительства портов на берегах Северного ледовитого океана сплав прекратился, а использование водного транспорта было ограничено, обосновываясь короткими периодами навигации (100–150 дней), мелководьями, порогами, удаленностью от основных промышленных объектов и других водных путей.

Районный центр Ербогачен, где по переписи 2010 г. проживало 1965 чел.⁷⁶ (52 % населения района), удален от областного центра Иркутска на 1815 км, и связан с ним только авиатранспортным сообщением. Аэропорт Ербогачена имеет грунтовую взлетно-посадочную полосу, способную принимать только самолеты Ан-2, Ан-24 и Ан-26. Во время сильных дождей полоса размывается и аэропорт закрывается. Другие поселения района сохранили только вертолетные площадки, хотя в советский период все имели взлетно-посадочные полосы для малой авиации:

«С Киренска АН-2 летал тоже также – 5 раз в неделю, кроме этого, с Киренска 3 раза в неделю летал самолет АН-2, начиная Киренск, Токма, Бур, Ика, Нэпа, Преображенка, Ерема, Оськино, Ербогачен, Хамакар, Наканы, даже иногда до Инаригды летал. Теперь если в этих населенных пунктах раз в квартал пролетит вертолет, то они очень счастливы» (бывший глава района).

Административные ресурсы

Азасский, Ийский, Сыстыг-Хемский и Чазыларский сумоны (сельские поселения) муниципального района (кужууна) Тоджинского кожууна Республики Тыва, муниципальные образования Верхнегугтарское, Нерхинское и Тофаларское муниципального образования Нижнеудинский район и Катангский район Иркутской области включены в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Поскольку единый механизм обеспечения прав коренных малочисленных народов на региональном и муниципальном уровнях отсутствует, каждый регион самостоятельно формирует программы и исполнение федеральных законов.

В Иркутской области ранее действовала федеральная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года» и аналогичная региональная программа для То-

⁷⁶ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

фаларии и эвенкийских поселений других районов области, в рамках которой готовились национальные кадры и проводились мероприятия по охране здоровья, поддержке этнической культуры, традиционных видов хозяйствования и т.д. В настоящее время в рамках долгосрочной программы поддержки коренных малочисленных народов на территории Тофаларии обеспечиваются строительство жилья для малоимущих (которые с большей вероятностью являются тофаларами), круглогодичные авиаперевозки пассажиров и товаров первой необходимости, работа дизельных электростанций и топливо для них, участие в этнокультурных фестивалях, приезд врачей-специалистов⁷⁷. Также в рамках поддержки тоджинцев осуществляется завоз продуктов и топлива и работа дизельных электростанций в Тодже.

Представители коренных малочисленных народов имеют право на ограниченное количество бесплатных лицензий для охоты и рыболовства и создание соседско-территориальных и семейно-клановых общин. Однако и в Тодже, и в Тофаларии зарегистрированы общины, главы или представители которых проживают в региональных центрах. Таким образом, традиционное природопользование общины осуществляется через город, где ведется документация, сдаются налоговые и прочие отчеты, есть возможность участвовать в переговорах с представителями власти, принимающими решения по удаленным районам, а также покупать необходимую технику, оружие, лекарства и прочие материалы для осуществления охотничьей или оленеводческой деятельности.

Таким образом, они могут воспользоваться программами поддержки коренных народов, принимаемыми на региональном уровне, федеральными законами по защите прав коренных малочисленных народов и федеральной целевой программой поддержки оленеводства, а также международными соглашениями по защите коренных народов, которыми руководствуются представители добывающих компаний при работе на территориях коренных народов.

Несмотря на исчезновение графы «национальность» из паспорта принадлежность к представителям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока сохраняет свое значение. Благодаря этому они выходят на пенсию в 50 лет – женщины, и 55 – мужчины. В Тофаларии данное их право было обеспечено лишь в 2004 г. Для обоснования собственной этнической принадлежности представители старших поколений могут использовать свидетельство о рождении, а родившиеся после 2000 г. – свидетельства о рождении родителей. Причем уже не-

⁷⁷ Долгосрочная целевая программа «Организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в Иркутской области на 2013–2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Иркутской области от 1 апреля 2013 года № 106-пп. <http://irkobl.ru/sites/economy/targeted/organam-ispolnitelnoy-vlasti/index.php/indigenous-peoples/> (доступ 21 августа 2013 г.)

сколько поколений записывались тофаларами, если хотя один из родителей был тофаларом.

В сфере воспроизводства традиционализма наиболее ярким примером является программа поддержки оленеводства как основной направленной на непосредственное развитие традиционного образа жизни. В Республике Тыва программа уже принята, и для ее реализации действует Республиканский фонд поддержки оленеводства, в Иркутской области она находится на стадии доработки.

Спецификой рассматриваемых таежных сообществ является то, что олень применяется как вьючное животное и для верховой езды, в отличие от тундрового оленя который используется преимущественно для упряжки⁷⁸. В Тофаларии олени стада сохранились после развала леспромхозов, и в настоящее время существует два стада – около 200 голов в Алыгджере и столько же – в Верхней Гутаре. Наибольшее поголовье оленей сохранилось в Тоджинском кожууне, где по оценкам администрации их общее число достигает 2000, и поддерживается членами четырех родовых общин и МУП «Удэген». По наблюдениям Б. Донахью, около 30 семей в Тодже ведут кочевой образ жизни⁷⁹. В рамках обмена поголовьем около 100 быков-производителей было отправлено в Эвенкию и столько же привезли оттуда.

В Тофаларии для передвижения используются олени зимой. Для езды «верхом» выбирают взрослых, 4-5 летних быков, которые свободно выдерживают человека до 70 кг веса. Таким образом крупные, чаще всего русскоязычные охотники не имеют возможности использовать оленей для верховой езды, но используют для вьючной. Особенностью Алыгджера является содержание всего стада совместно. Это обосновывается тем, что олени – стадные животные. В период охоты каждый забирает своих оле-

⁷⁸ «Среди многочисленных народов, населяющих Сибирь, имеется два небольших племени, представляющих как бы реликтовую культуру – это карагасы и окинские сойоты. Окруженные скотоводческими и земледельческими народами под 52-53° с.ш., на уровне Киева, Варшавы, Берлина и Лондона, они со своими полярными прирученными оленями кажутся такими же отпрысками культуры приполярных областей, как и окружающий их ландшафт: высокогорная тундра с характерной полярной флорой и фауной, приютившая на самых вершинах Саян, выше линии снега под вечными снегами – их летние кочевья; горная тайга, с черными кедровниками, с угнетенным лесом замшелным деревьев, с каменистыми россыпями и болотистыми долинами горных речек – их зимние и летние кочевья. Оленеводы по способу передвижения, охотники по форме хозяйства...» (Петри Б.Э. Сойотская экспедиция, организованная Иркутским Местным Комитетом Севера // *Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах* (Предварительные данные). – Иркутск, 1927. с. 3) Цит. по: Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка. – Иркутск: Оттиск, 2008. – 260 с.

⁷⁹ Donahoe, B. Who Owns the Taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia // *Sibirica*, Vol. 5, 2006. – P. 87-116.

ней, в остальное время – присматривают за ними поочередно или по разным необходимым нуждам. По словам местного старожилы, около 48 охотников до прошлого года периодически заняты в уходе за поголовьем оленей: привозя продукты, соль, присматривая во время отела, ограничивая поголовье хищников вокруг оленьих пастбищ. В этом году, по словам главы администрации, было выделено специальное финансирование для поддержки оленеводства, по которому у них есть возможность выплачивать заработную плату пастухам, и таким образом нанимая их на постоянной основе. Подобная ситуация не вызывает каких-либо возражений со стороны других охотников, потому что оленеводство воспринимается тяжелой работой, от которой они будут рады освободиться.

В доставке продовольствия в настоящее время конкурируют между собой олени и снегоходы, пока олени выигрывают, потому что не зависят от топлива, которое требуется в большом количестве для заправки снегоходов: по оценкам местных жителей, на расстояние более 100 км до охотничьих угодий ехать на буране не имеет смысла, так как доходы от сбыта пушнины не оправдают затраты на топливо. Однако в конкуренции между деревянными избушками, палатками и чумами последние сдают свои позиции. Лишь в осеннее время, когда уже холодно спать в палатках, в Тофаларии используются получумы⁸⁰, которые защищают от дождя и ветра и позволяют согреться от костра без риска сгореть в палатке. Обычно же каждый охотник строит свою охотничью избушку, а иногда и несколько. Во время нашей экспедиции в сентябре 2013 г., когда зимовье оказалось непригодным для ночлега, охотниками был натянут полиэтиленовый тент, который защищал от дождя, снега и ветра, но был расположен вдали от костра, чтобы предотвратить попадание искр на тент. Строительство избушек, обустройство угодий являются способами закрепления охотничьих угодий за конкретным охотником:

«И.: А вообще как вы выделяли эти охотугодья? Ну вот вы говорите у кого-то столько-то. Р.: А они сложились исторически эти угодья. // Как вам объяснить-то.// Ну, одним словом сложились исторически. Вот охотился один охотник, рядом второй, третий, четвертый. Где-то там у них какие-то перемещения были по границам, в эволюции, так сказать. Ну а в целом значит, сейчас в данное время как они сложились, это сложилось исторически и все. Так они и есть. Их никто не трогает. Мы их не уменьшаем, не увеличиваем. Ну, немножко бывает чуть-чуть, если сами между собой люди договариваются. Это связано с тем, что у нас охотничьи участки они уже обу-

⁸⁰ Рассадин И.В. Материальная и духовная культура тофаларов / Культурное наследие народов Центральной Азии. Полевые исследования–2008: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 112 с.

строены, там зимовья, избушки определенные есть, у каждого человека стойбища, там обустроены ловушки и... кроить их кромсать допустим, там ежегодно – это просто не допустимо даже» (интервью с охотпользователем).

Кроме того, следует отметить поколенческие различия в освоении охотничьих угодий: по словам главы администрации Тофаларского МО, в 1990-е годы выросло поколение, не приспособленное к дисциплине. Часто они бросали учебу в школе и уходили охотиться, но хороших охотников из них так и не получилось, потому что для этого также необходимо рано просыпаться и тратить много усилий на добычу. Последнее включает в себя воспитание и заботу о хорошей охотничьей собаке, охоту с ней, а не «просто ставить капканы», на незначительном радиусе. Кроме них промышляют одной установкой капканов старики, не способные передвигаться на значительные расстояния. Таким образом, более успешные охотники, способные передвигаться на большие расстояния, это 40-50-летние и охотники младше 30 (с 16 лет строят собственные избушки и охотятся самостоятельно). Помимо охоты на соболя с собакой нередко они занимаются промыслом на изюбря в летнее время и рыбной ловлей.

Охотничий промысел также претерпевает трансформации: в настоящее время успешность охоты связывается не столько с количеством добытого зверя, сколько с мировыми ценами на мех и возможностью выхода на рынок. Если охотник может реализовать добытые 30 соболей с минимумом посредников, возможно, он получит за них столько же, сколько за 60 соболей при максимуме посредников.

Ырбан. В настоящее время в населенном пункте проживает 250 человек, из которых 4 ассимилированных тувинца. Основным родом занятия и ресурсом жизнеобеспечения является заготовка пушнина (соболь, колонок, белка), мяса (марал, косуля), рыбы (хариус, ленок, таймень), а также заготовка известных лечебных препаратов (мумие, каменное масло, травяные сборы) и настоек (пантокрин). Из всего заготавливаемого на продажу идет главным образом только пушнина, а остальное на собственные нужды.

В беседах с местными жителями отмечается отсутствие взаимопонимания между местными жителями и представителями региональных органов власти. В частности местные жители обеспокоены обсуждением в республиканском Хурале закона о введении запрета охоты для местных жителей (ырбанцев) на левом берегу Бий-Хема (Большого Енисея), а именно там находятся самые богатые охотничьи угодья в той местности. Так же ырбанцы с трудом отстаивали свое право на пользование личными скважинами под воду (тувинские власти пытались поставить счетчики расхода воды, несмотря на то, что жители Ырбана бурили скважины за свой счет и на своих участках). Обращения в органы районной и (или) республиканской власти ырбанцы считают бес-

полезным занятием, так как считают, что даже самые серьезные преступления, направленные против русского населения, тувинской полицией не доводятся до окончания расследования. Про такие правонарушения как конокрадство и воровство ырбанцы давно уже не пишут обращений в полицию: *«На сегодняшний день в селе нет ни одной лошади, так как стоит только завести жеребенка и немного его вырастить, как его тут же украдут тувинцы»* (муж., 60 лет).

Несмотря на трудное социально-экономическое положение жители Ырбана хорошо ориентируются в системе прав и обязанностей местного самоуправления. В отличие от многих других труднодоступных поселений Иркутской области (Мамско-Чуйского, Бодайбинского и Нижнеудинского районов, где жители отождествляют полномочия и возможности органов местного самоуправления с областными и федеральными) ырбанцы четко знают, что могут сделать местные власти, а что нет. По результатам проведенного анкетирования 95% респондентов оценили работу администрации на хорошо и отлично. Так же наблюдается и высокий интерес у жителей к процессам формирования органов местного самоуправления.

В районном центре Тоора-Хеме также существует некоторая напряженность в отношениях русскоязычного и тувиноязычного населения, которая материализовывается в постепенной сегрегации пространства поселка, выделении поселка Салдам в качестве вернакулярного района:

*«В: А получается, Салдан, это в основном русское население да?
О: Половина на половину. Ну, много русских по сравнению, допустим в тех поселках вообще русских нету. В: Ну, вообще, сейчас Салдан, часть Тоора-Хема пишется да? О: Да, да, нету Салдана! Какой то, извините, не знаю кто, я бы его убила! В: А чем вы считаете Салдан должен отличаться? Ну, в смысле, что должен быть обязательно отдельным? О: Ну, все таки поселок Салдан, это историческое. Первым был, а не Тоора-Хем был первый»* (интервью с руководителем Салдамского сельского клуба).

По ее словам, в Салдаме раньше жили купцы Бяковы, Сафьяновы, женились на тувинках. Уже в 1887 г. были Ий и Салдам, по Енисею шли дороги к золотым приискам. Староверы отсюда выехали в Сизим – поселок староверов в Каа-хемском кожууне. В настоящее время активисты клуба создали мини-музей, в котором собраны артефакты русской культуры. В перспективе в их планах – создание центра славянской культуры.

Новые акторы

Как и большинство труднодоступных районов, рассматриваемые сообщества расположены вблизи крупных месторождений полезных

ископаемых. Нередко районы, подобные рассматриваемым, относят к территориям «нового освоения», подразумевая под этим новый всплеск добывающей промышленности, и таким образом относят их к периферии, из которой предполагается извлечение ресурсов⁸¹. И в самом деле, в Тофаларии на этапе геологоразведки находится Зашихинское месторождение, Кызыл-Таштыгское – строительства комбината.

Прииск Покровский в Тофаларии существует уже с 1780 г. Около 5000 человек работали здесь в годы второй мировой войны вручную. Сейчас такой потребности в людях нет – их заменили бульдозеры, причем среди рабочих довольно редко можно встретить местных. Дороги, проложенные тяжелой техникой, стали основой, по которой до Покровского могут добраться грузовые автомобили и автомобили высокой проходимости. В Тодже прииски существовали в верховьях реки Бедый, даже сейчас там находили найти деревянные бои, кайла и лопаты с царскими вензелями.

В Тоджинском кожууне на Кызыл-Таштыгском месторождении полиметаллических руд строится горно-обоганительный комбинат китайской компании «Лунсин». Кроме того, добывающие компании обязуются обеспечивать занятость местных жителей и социальную поддержку⁸². С районной больницей заключен договор на 91 000 р., половина суммы которого идет на зарплату, половина – на топливо: врачи понеделньо ездят туда. Деньги, выделяемые компанией администрации кожууна, идут на содержание зимника и паромную переправу автомобилей через Енисей.

Зашихинское месторождение редкоземельных металлов (тантал и ниобий) расположено в Тофаларии в 60–65 км от Алыгджера по конным тропам. Геологические обследования проводились здесь с 1970-х годов, по проложенным геологическими партиями дорогам стало работать и ныне действующее ЗАО «Техноинвест Альянс». Однако в настоящее время завоз техники в летнее время осуществляется со стороны Тулунского района, а от ближайшего населенного пункта – села

⁸¹ В данном случае используется различие между понятиями «периферия» и «провинция», данные В. Каганским: периферия – это «совокупность отдельных несамодостаточных мест, связанных исключительно с центром; в пространстве периферии решают свои задачи, не соотносясь со спецификой мест, иные внешние территории; периферия живет не для себя» (Каганский, 2006).

⁸² По материалам местной прессы: «Численность работающих в ООО «Лунсин» на 1 июня 2013 года составила 1412 человек. Среди них российских граждан, жителей Тувы – 677, в том числе 75 человек – жители Тоджи <...> с начала получения компанией прибыли (то есть с момента выхода ГОКа на проектную мощность) компания «Лунсин» будет участвовать в долевым строительстве на территории Тоджинского района моста через реки Тора-Хем и Енисей, детского сада в райцентре на 250 мест и начальной образовательной школы, а так же в оснащении районной больницы новейшим медицинским оборудованием.» (Будущее создается сегодня, 2013. С. А16).

Алыгджер, месторождение отрезано двумя горными реками и горным перевалом, затрудняющим проезд даже вездеходной техники. В зимнее время они используют часть пути по зимнику Нижнеудинск-Алыгджер по реке Уда, однако обеспечивают содержание только пути от данного зимника в месте впадения реки Джуктыр в Уду до месторождения. Для содержания зимника пользуются услугами предпринимателя из Нижнеудинска. В качестве разнорабочих нанимаются жители соседних деревень Тулунского района (Икей, Ишидей, Аршан), которых проще доставить во время завоза техники из Тулуна. Специалисты же в основном приезжают из других городов:

«В основном они привлекают специалистов с Иркутской области, с Ангарска, Иркутска, Усолья, Шелехова, Саянска, Свирска, люди есть. В: А с Нижнеудинского района? О: С Нижнеудинского я пока не могу сказать, с Тулунского есть. Хотя у нас есть договоренность, что мы в этом году и в том году готовы были брать местных жителей на работу, в качестве рабочих, и разных дел вот. С Владимиром Александровичем у нас был разговор, мы не отказываемся от своих намерений.... Вот мы геологи, мы можем брать по рабочим профессиям на каналы, копать лопатой, кайлой, мы геологи свое обещание держим, будем брать на геологоразведочные работы. На технику тоже конечно если есть аттестованные специалисты, с опытом работы, могут и умеют, с удовольствием! В: А это получается у вас тулунские, которые с кайлом, с лопатой? О: Ну, да. Рабочие с деревни, там есть Икей, Ишидей, Аршан, вот оттуда у нас работали, вот их привлекаем» (интервью с геологом).

Единственное место пересечения интересов местных и геологов – охотничьи угодья: *«Здесь угодья Николая охотника... Наши руководители знают его около 30-ти лет. Когда открывали это месторождение геологи, Владимир Васильевич Перфильев один из первых, его Николай очень хорошо знает, помогает транспортом, и всем чем сможет, это его земля, и мы с ним поддерживаем нормальные дружеские отношения... Человек выезжает с охоты домой, охота закончилась в марте да, мы ему машину. Он грузит свой груз на машину, и мы его возем в Алыгджер. Ну, например. По зимнику. Он нам помогал и 20 лет назад помогал, когда они тут работали. Он давал лошадей, работал тут каюром, коней давал возил геологов, пробы вывозил с дальних участков. Вот есть у нас участки дальние, куда машина не подходит. Там лежат геологические пробы, он на лошадях своих ходил, грузил эти пробы, вывозил на дорогу» (интервью с геологом).*

Другая промышленность, которая развивается рядом – лесная. Охотникам Тофаларии, чьи тайги расположены на границе с Тулунским районом или в бывших лесопромысловых частях Нижнеудинского района проще выехать из Тофаларии и заехать на охотничьи угодья

по бывшим лесовозным дорогам. Кроме того, с таких угодий удобнее заниматься сбором кедровых орехов, которые они могут вывезти на «Уралах» и ЗИЛах». Благодаря удаленности районов, лесные ресурсы пока не привлекают внимание лесорубов, но используются для строительства домов здесь же. Поскольку здесь нет внешних строительных бригад, то строят себе сами дома – администрация им выделяет лес на строительство, разрешает пользоваться пилорамой, функционирующей при администрации – можно самим делать доски и брус.

Заключение

Несмотря на специфику каждого локального сообщества, в условиях транспортной удаленности каждое из них по-своему воспроизводит традиционалистские дискурсы и практики. Преимущества традиционализма перед иными стратегиями – в возможности опереться на внутренние ресурсы в условиях, когда внешние ресурсы недоступны. Причем, как показано на примере Ырбана и Салдама, стратегии традиционализма востребованы не только представителями коренных малочисленных народов, но и русскоязычными, в случае их проживания с иноэтничной среде. Однако, в отличие от русскоязычного населения, у представителей коренных малочисленных народов меньше социальных связей с другими регионами, а следовательно, меньше возможностей покинуть эту территорию в случае экологических катастроф.

Если в случае с русскоязычным населением, опора идет на русскоязычное большинство и православную культуру страны, то представители малочисленных народов используют более активно семейно-родственные и клановые связи, а также объединяются друг с другом для отстаивания интересов сообщества, как в случае эвенков и тофаларов Иркутской области. Кроме того, программы по поддержке коренных малочисленных народов оказываются единственной лазейкой в федеральных и региональных законах, позволяющей поддерживать жизнеобеспечение подобных труднодоступных районов.

Литература

1. Donahoe, B. Who Owns the Taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia // *Sibirica*, Vol. 5. 2006. – P. 87-116.
2. Долгосрочная целевая программа «Организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в Иркутской области на 2013-2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Иркутской области от 1 апреля 2013 года № 106-пп. <http://irkobl.ru/sites/economy/targeted/organam-ispolnitelnoy-vlasti/index.php/indigenous-peoples/> (доступ 21 августа 2013 г.).
3. Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка. – Иркутск: Оттиск, 2008. – С. 260.

4. Комплексная программа социально-экономического развития Тоджинского кожууна Республики Тыва до 2015 года. 18 с.
5. Отчет о целевом использовании субсидии по состоянию на 1 января 2013 г. по муниципальному образованию «Катангский район» / Приложение 4 к «Порядку представления из областного бюджета местным бюджетам субсидий в целях софинансирования расходных обязательств по созданию условий для обеспечения поселений Иркутской области, входящих в состав муниципального района Иркутской области, услугами торговли»; О реализации мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической энергоэффективности на 2012 год.
6. Рассадин И.В. Материальная и духовная культура тофаларов / Культурное наследие народов Центральной Азии. Полевые исследования-2008: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 112 с.
7. Хертек С.С. Этапы формирования национального самосознания у тувинцев // Теели. – 2010, с. 12
8. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений .
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
9. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

УДК 314

© Dean Carson, Deanne Bird
Lauren Bell, Pawinee Yuhun

**Migration as an Adaptation to Climate Change
for Remote Indigenous Communities: What might we expect?**

Migration is well recognised as an option for adapting to the impacts of climate change. However, there is no general model to provide an understanding of who might migrate and to where and when. In reference to remote Indigenous communities in northern Australia, this study identifies thirteen dimensions that should be considered when modelling climate induced migration. It also highlights the importance of acknowledging the diversity and dynamism between communities and within communities. Migration is likely to present challenges for the people who are migrating, for the places they migrate to, and the communities they migrate from. Therefore, place-based adaptive strategies should be developed with individual communities to ensure that Indigenous people have appropriate migration options, and the skills and resources to exercise control over their migration decisions.

Keywords: Migration; mobility; climate change adaptation; Indigenous people; Australia

Д.Б. Карсон, Д. Вёрд,
Л. Белл, П. Юхун

**Миграция как адаптация к изменениям климата удалённых сообществ
коренных народов: какие последствия мы можем ожидать?**

Миграция хорошо известна в качестве опции для адаптации к последствиям изменения климата. Тем не менее, нет общей модели, чтобы обеспечить понимание того, кто может переехать в страну, где и когда. В связи с удалённых коренных общин в северной Австралии, это исследование определяет тринадцать аспектов, которые следует учитывать при моделировании климата индуцированной миграции. В нем также подчеркивается важность признания разнообразия и динамизма между общинами и внутри общин. Миграция может создавать проблемы для людей, которые мигрируют, для мест, которые они мигрируют в общинах, которые они мигрируют из. Таким образом, место адаптивные стратегии должны быть разработаны с отдельными общинами, чтобы убедиться, что коренные народы имеют соответствующие параметры миграции, а также навыки и ресурсы, чтобы осуществлять контроль за их решениями миграции.

Ключевые слова: Миграции, мобильность, адаптация к климатическим изменениям, индигенные народы, Австралия.

Introduction

Migration is well recognised as one adaptive strategy available to individuals and communities facing disruption to lifestyle and livelihoods as a result of climate change (Bailey 2011). Despite a rapidly growing international literature examining the impacts of climate change on human migration, there is no general model that provides an understanding of who might migrate when and from where to where. There are numerous studies examining migrations that have been linked to weather or climate in the past (most notably McLeman and Smit's (2006) study of 1930s drought related migration from Oklahoma in the United States), and postulating migrations that might occur as a result of climate changes expected in the future (a recent example is the Asian Development Bank study (2012)). While few universal conclusions can be drawn from the research, it does reveal some 'dimensions' that should be explored when trying to model migration as an adaptation to climate change in specific cases. This paper examines these dimensions and considers their relevance to remote Indigenous communities in northern Australia.

The academic literature on migration as an adaptation to climate change among Indigenous communities is dominated by research involving James D. Ford and colleagues working in the north of Canada (e.g. Ford 2009), and Nicholas Tyler and colleagues working with Sami populations in northern Norway (e.g. Tyler et al. 2007). There is a much larger non-peer-reviewed literature that investigates migration (among other adaptations) in these locations and elsewhere (see, for example, Parker et al. (2006) looking at Indigenous populations of the Pacific Rim). Often, researchers examining climate change adaptations among Indigenous people provide only cursory attention to the is-

sue of human migration, perhaps because of an expectation that Indigenous people will not leave traditional lands unless absolutely necessary (as may be the case for communities in some island nations). This paper therefore addresses an important shortcoming in the existing literature by highlighting the role that migration might play as an adaptation to climate change by Indigenous people, with a particular focus on remote communities in the north of Australia.

In the remainder of the paper we provide a brief description of the context of our research (remote Indigenous communities in northern Australia) and the potential exposure of these communities to climate change. We then review the existing literature on migration as an adaptation to climate change, and specifically as an adaption for Indigenous populations, highlighting the various dimensions of migration (for example, whether it is temporary or permanent) that form a model within which migration as an adaptation can be investigated. We attempt to illustrate each dimension with evidence from ‘analogues’ (Ford et al. 2010) of remote Indigenous communities in northern Australia drawn from the literature concerning migration into and out of such communities. The paper concludes by discussing whether or not, in light of the multiple dimensions that are identified here, a general model of migration patterns expected to accompany climate change is feasible or even desirable.

Remote Indigenous Communities and Climate Change in Northern Australia

The Australian Government Office of Northern Australia considers its remit to encompass the region north of the Tropic of Capricorn. Under that definition, ‘northern Australia’ covers about one quarter of the Australian land-mass, and includes substantial parts of the jurisdictions of Queensland, the Northern Territory and Western Australia. Based on the 2011 Census, it has an approximate Indigenous population of 160 000 people, which is about 13% of the total northern population and about 30% of the total Australian Indigenous population.

Around 300 000 northern Australians live in areas that are formally classified as either ‘remote’ or ‘very remote’ (see <http://www.aihw.gov.au/rural-health-rrma-classification/>). The definitions of remoteness take into account the distance people live from major services and infrastructure and the sparsity of the population (Carson et al. 2011). Remote areas have poor access to labour markets, social services, technology and transport infrastructure (Carson 2011, Carson and Cleary 2010). Moreover, remote areas tend to have ‘split’ populations, with some residents experiencing socio-economic, health and other disadvantages, while others have high incomes and high access to education and employment opportunities (Taylor et al. 2011).

The population ‘split’ in northern Australia is partially explained by the differences in living conditions, demographic, and socio-economic characteristics between Indigenous and non-Indigenous Australians. Indigenous Australians in remote areas tend to be less engaged in mainstream economic, education and health systems than their counterparts in more urban parts of the country

(Taylor et al. 2011b). Many remote dwelling Indigenous people have English as a second, third, or subsequent language, making access to services even more difficult. Traditional cultural practices are still strong in many remote Indigenous communities, and this means people can be highly mobile (moving from place to place for ceremony, hunting, and social and cultural obligations) and have a high dependence on (cultural and food) resources extracted from the local environment (Prout 2008).

There are dramatic differences in very basic demographic characteristics between Indigenous and non-Indigenous Australians in northern Australia. Indigenous populations are much younger (for example, the Northern Territory Indigenous population had a median age of 22 years according to the 2006 Census of Population and Housing, compared with 34 years for the non-Indigenous population), have a higher proportion of females (98 males for every 100 females compared with 110 males for every 100 females in the non-Indigenous population), have lower life expectancies (in the order of 15-20 years) and higher fertility rates (almost double the non-Indigenous population). While Indigenous people are highly mobile, they are less likely to change their primary place of residence (about 15% do so every five years) than are non-Indigenous people in northern Australia (about 75% do so every five years). These demographic characteristics, combined with the fact that many (about two thirds) Indigenous people in northern Australia live in very small settlements (less than 2 000 people), means that local populations are subject to rapid and dramatic change (through births and deaths ‘clusters’ for example) and differ greatly from one another (Koch and Carson 2012). While generalisations about the nature of Indigenous populations are common, they must be treated with caution because of this demographic diversity.

Local Indigenous populations are frequently referred to as ‘Indigenous communities’, and this label has a number of colloquial and more formal meanings. ‘Community’ is colloquially used to refer to Indigenous people with a particular shared cultural heritage (as Taylor 2009 uses the term ‘peoples’) or to refer to the set of Indigenous people living in a particular geographic area (irrespective of the extent of their shared or separate heritage). More formally, however, there are identified ‘Indigenous communities’, which are discrete settlements with a large majority Indigenous population. These communities (we prefer to call them ‘settlements’) are often located on land that is subject to some form of Indigenous tenure (a complex set of arrangements which include freehold, leasehold, Crown reserve, exclusive or shared tenure etc.). Those lands are areas where Indigenous people have specific rights to use and residence. The system of tenure and rights also means that the lands and the people who live on them are subject to different rules and regulations than that which apply to other settlements (and to other Indigenous people). There may be restrictions on who can live in these settlements, who can access housing (and under what arrangements), how social security, royalties and other income is distributed, and, what access there is to alcohol, fast food and even literature.

The most explicit statement of these separate rules has occurred in the Northern Territory, where the Australian Government's 'Northern Territory Emergency Response' in 2007 saw the declaration of over 80 'prescribed areas' which are Indigenous communities subject to specific legislation and programs ostensibly designed to address child health and welfare issues (Taylor and Carson 2009). The other two jurisdictions have less universal regimes of separation although there is regular talk about extending the Northern Territory Emergency Response structures and some pilot programs to that effect. Nevertheless, northern Australian Indigenous communities are subject to a level of policy and legal scrutiny and controls over land and lives that far exceeds that applying to other northern settlements and to Indigenous people elsewhere in Australia.

One of the prominent issues around the control of Indigenous people is the extent to which, and the conditions under which, they move in and out of Indigenous settlements. Taylor and colleagues (2011a) discussed the 'problem' of Indigenous migration particularly out of remote settlements. Such migration has often been labelled 'urban drift' and is seen as a source of social disturbance in the places to which people migrate (Taylor and Carson 2009). In other cases, people (including researchers) are unwilling to discuss outmigration because of the implications a movement away from 'country' has for perceptions of the strength and persistence of culture (Taylor et al. 2011a). In recent times, a large outmigration of women and children from the remote Indigenous community of Yuendumu as a result of violence in the community sparked heated public debate about who (meaning "which government") was responsible for these people once they had left the prescribed area (see, for example, ABC News 2010).

The discourse around Indigenous migration from (and to) remote settlements is concerned with complex issues such as the:

- extent to which government policy encourages or impedes migration;
- extent to which social, health, economic, environmental and hedonistic motives drive migration (and specifically what those motives are); and,
- relationships between the places where Indigenous people live and the places in which their culture is embedded (Taylor and Carson 2012).

It must be noted that Indigenous communities (as settlements) have emerged from a process of forced/fixed settlement of what were previously largely nomadic people. The extent to which the locations of fixed settlement match or allow access to traditional 'spaces' varies from community to community and can have a substantial impact on migration patterns and livelihoods (Prout 2008). The pattern of fixed settlement and persistence of traditional occupation has also led to networks of smaller communities ('outstations' and 'homelands') with varying strength of connection to the settlements from which their inhabitants originated (particularly during the 'homelands' movement in the 1980s). Outstations and homelands vary in size from a few to as many as 100 people, and have often been established as a way of separating rival families or helping people avoid difficult conditions in the 'main' com-

munity (McDermott et al. 1998). Positioning climate motivated migration within this complexity is an enormous challenge for researchers, policy makers and Indigenous people themselves.

McKeon and colleagues (2009) summarised the contemporary expectations of the impacts of climate change in northern Australia. Moderate sea level rises are expected to affect some coastal communities, although it is not clear the extent to which this will occur, and which communities may be affected. The frequency of heat waves is expected to increase, and the intensity of (but not frequency of) cyclonic activity and associated flooding. There is also likely to be a loss of habitat for native animals and pastures for farmed animals as a result of wetland inundation and extended periods of drought affecting native and exotic flora and fauna in the arid areas. The timeframes in which such changes may occur are difficult to assess, although there are some arguments that changes are already being observed locally (Bird et al. 2013, Green et al. 2010, Petheram et al. 2010).

Existing literature on climate change induced migration of Indigenous Australians is limited. The report compiled by Green, Jackson and Morrison (2010) focused on exposure and vulnerability to climate change impacts more so than assessment of the adaptive strategies that may be available. The authors were firm in their conviction that Indigenous people would be able to adapt because of their long history of building environmental knowledge and managing their relationships with the land. Petheram et al. (2010), Howitt et al. (2011) and Bird et al. (2013) more directly considered issues around adaptation in the context of specific Indigenous communities in northern Australia.

Similar to other research, Petheram et al. (2010) noted adaptive strategies around engineering and infrastructure design and the redesign of transport systems. It was suggested that these adaptations *in situ* were the preference of Indigenous people in Arnhem Land in the Northern Territory where the research was conducted. However, there was also some consideration of migration as an adaptation, which will be covered in detail in the next section of this paper.

Howitt et al.'s (2011) research focussed on the community of Kiwirrkurra in Western Australia where the population was evacuated following flooding associated with Cyclone Abigail in 2001. The researchers argue that evacuation was used as a substitute for provision of better local infrastructure and the engagement of local Indigenous people in adaptation planning. The inherent adaptive capacity of Indigenous people was seen as nullified by the imposition of 'adaptive policies' by government agencies. As a result, it was not possible to assess the extent to which migration may have occurred without the government intervention.

Bird et al. (2013) documented multiple reasons for mobility among four northern Australian communities (Broome, Western Australia; Maningrida and Ngukurr, Northern Territory; WujalWujal, Queensland). The reasons for mobility included health and livelihood and employment opportunities with a focus to be closer to essential services following the centralisation of many government services. Additionally, survey respondents discussed movement from out-

stations⁸³ to these four somewhat larger centres during the wet season, to avoid being cut off from flooding. Discussions centred on how this temporary migration might exacerbate in response to climate change impacts (e.g. more frequent or severe extreme weather events such as cyclones, heat waves and floods or slow onset changes such as drought and loss of biodiversity).

In summary, remote Indigenous communities in northern Australia present a very complex context in which to study migration as an adaptation to climate change. Indigenous communities are diverse, subject to very high levels of surveillance and control, embedded in cultural notions of the environment and legal constructs of occupation of the land and distanced from resources that underpin adaptive strategies elsewhere. At the same time, however, they possess unique sets of knowledge and skills that present options for adaptation both by staying put and by moving. To begin to model what specific communities might do as a response to climate change demands an understanding of this context as it relates to the various dimensions of migration – the factors that determine how much migration occurs, from where to where, by whom, for how long, and with what consequences. The paper now moves to an articulation of these dimensions.

The Dimensions of Migration as Adaptation

The two specific examples of Indigenous adaptation to climate change in northern Australia (Petheram et al. 2010, and Howitt et al. 2011) immediately suggest at least four dimensions relevant to assessing the extent to which migration may be an adaptation. Howitt and colleagues are explicitly concerned with the extent to which migration is a voluntary, as opposed to mandated, adaptation. In their case example, migration away from the Kiwirrkurra community was mandated as part of government policy around emergency/disaster management.

Disaster Management Plans for remote Indigenous communities in the Northern Territory (particularly those in tropical areas susceptible to cyclones) also include provisions for mandatory evacuation. Petheram et al. (2010) and Bird et al. (2013), on the other hand, found that communities were considering or implementing temporary migration as a voluntary response. Clearly, it is easier to anticipate who will move under conditions of forced migration, and the use of mandatory evacuations has become more common in Australia generally in recent times following various bushfire (Haynes et al. 2010) and severe flood events in the eastern states (Taylor and Freeman 2010). In the broader community, people's right to choose whether to 'stay and defend' or

⁸³ Outstation and homelands are terms used to describe small communities (from a few to several hundred residents) where Aboriginal people have returned to the places where they were born in order to undertake traditional hunting and gathering practices as well as ceremonial and cultural obligations. For details see: http://caepr.anu.edu.au/sites/default/files/Publications/topical/Topical_Kerins_outstations.pdf.

‘leave early’ has been heavily debated, but one might expect that contexts in which government intervention in daily life is already high, such as in remote Indigenous communities in the north, the degree of individual choice will be low.

Petheram and colleague’s (2010) investigation of migration as an adaptation suggested that the preferred migration response would be to move to relatively nearby locations and within well established networks of locations (existing homelands and outstations, for example). In contrast, the Asian Development Bank (2012) report (as one example) talks about the need for some displaced people to move large distances to very unfamiliar environments. In general, the global climate change literature has a strong interest in international migration as a response (McLeman and Smit 2006), although many empirical studies suggest that moves within a single jurisdiction are likely to be more common given the additional resources and risks involved in international moves (McLeman and Hunter 2010).

Our understanding of current spatial patterns of migration by Indigenous people from northern Australia includes poorly tested assumptions that very little movement occurs across State and Territory borders. When such movement becomes apparent, concerns are raised about the jurisdictional responsibilities for both ‘servicing’ and policing Indigenous people (Taylor and Carson 2009). Similar concerns are raised around rural to urban migration even within a jurisdiction (Habibis et al. 2011).

It might be expected that moves over short distances following established migration (and other) networks would be easier to anticipate and measure than moves over longer distances to less predictable locations. However, even well established patterns of mobility among remote Indigenous populations in northern Australia can be difficult to model (Prout 2008). Furthermore, recent evidence suggests that the range of migration destinations that Indigenous people in remote northern Australia consider and pursue is increasing, and becoming more diverse, particularly for young people (Taylor 2012).

In addition to the spatial dimension of migration as an adaptation is the temporal dimension. Discussions between Indigenous people and Petheram et al. (2010) and Bird et al. (2013) specifically focused on temporary relocation. Howitt et al.’s (2011) case example also involved temporary relocation, but the mechanisms for facilitating return to the origin community were less well structured than the mechanisms for (forced) movement away. Clearly, whether migration is short- or long-term (or permanent) is in part a function of the nature of the impact of climate change. Communities (and even entire islands) that are inundated by rising sea levels, for example, will not be able to be repopulated. Ford and colleagues (2010) advocate permanent relocation of some specific communities in northern Canada, which face this level of threat.

Communities experiencing disruptions such as floods, fires, or cyclones, on the other hand, may be suitable for habitation very soon after the event, even if such events become more frequent and severe (although a ‘ratchet effect’ whereby continued exposure to even low risk results in dramatic responses

(Ford et al. 2006) may ultimately apply). However, the duration of a migration event is not simply a function of the habitability of the origin community, but of the attitudes of the individual migrant and the perceived utility of remaining absent for a particular period of time, moving on to new locations, or staying away permanently (Petrov 2007, for example, demonstrated this for Indigenous people moving from the north to the south of Canada). Utility may be measured in economic, social, cultural, health or other terms, and is likely to be a complex combination of these (Greenwood and Hunt 2003). It would be difficult to justify any assumption that all Indigenous people in all communities in northern Australia have the same specific perceptions of utility, even if there are cultural worldviews of utility.

The fourth dimension drawn from the publications specific to climate change and Indigenous communities in northern Australia relates to the extent to which migration is THE adaptation to climate change or is one of many options. Howitt and colleagues (2011) strongly emphasised the policies of forced migration as an adaptation to severe flooding in their case community, suggesting that government policy enforcing evacuation served both to limit government attention to other possible strategies and, more importantly, to deprive Indigenous people of the opportunity to use their traditional and local environmental knowledge to develop a range of alternatives. In contrast, Petheram et al. (2010), Bird et al. (2013) and Green et al. (2009) were able to document a number of adaptations proposed and pursued by Indigenous people and by external agencies – replacing or relocating physical infrastructure, better preparedness in terms of ensuring food, water and health supplies, and re-arranging work, social, and cultural schedules (see also, Ford et al. 2010).

In locations where these alternative adaptations can be successfully implemented, migration may be a less common response to either discrete weather events or slow-onset environmental changes. The great diversity of both exposure to climate change impacts and capacity to anticipate and respond observed among Indigenous communities around the world (Parker et al. 2006) suggests that general rules about the nature and extent of migration as adaptation are unlikely to emerge (Perch-Nielsen et al. 2008).

McLeman (2010) adds another perspective to this dimension by considering how population volatility in a community (in and out migration, ageing, changing fertility) might impact on migration as the preferred adaptation to climate change. McLeman provides the example of new in-migrants to a northern Canadian community from the urban south. These in-migrants have limited local knowledge of the climate and environment and are therefore poorly prepared to engage in adaptations beyond migration. Ageing populations may likewise lose the capacity to implement alternative strategies. Communities, which struggle to recruit and retain professional labour (in health services, for example), may also be more likely to consider migration as the adaptation.

Applying this to an Australian perspective, Bird et al. (2013) considered how population volatility might affect climate change induced mobility and migration. Bailey (2011) postulates that communities with excessive popula-

tion volatility are more likely to experience dramatic disruption as a result of environmental changes. Moreover, these communities are more likely to use migration as a response to climate change, since they are acquainted to the movement of people into and out of the community, in addition to having social and familial networks, which are connected to outside communities and towns (Asian Development Bank, 2012).

McLeman (2010) suggests that communities with volatile populations can change more rapidly and substantively than those with non-volatile populations. Therefore, drawing from the literature, Bird et al. (2013) used demographic characteristics to determine the volatility of the four Indigenous communities across northern Australia. These characteristics included: the historical experiences of population growth and decline, the ‘churn’ of population brought about by temporary and long term migration to and from the community, mobility within the community and between communities, and ‘unbalanced’ age and sex profiles (Gloersen et al., 2009), and housing stress (Roiko et al., 2012).

The results of Bird et al.’s (2013) analysis shows that the extent of population change within a community as a result of a weather (or some other) event is not only likely to be related to its demographic path *per se*, but to its exact position on that path at the time of the event. Contributing to the extent of change the community may be subject is the vulnerability of familiar places to the same event. For example, extreme weather events such as floods, cyclones and heatwaves are likely to impact nearby and similarly remote communities to which the case study community is linked. As a result, migration may be pushed further afield to other, larger or less remote centres with more substantial hard and soft infrastructure. Similarly, migration into the case study communities may also occur if linked communities suffer greater impacts from the threat. The extent to which this may occur would be determined not only by the strength and direction of existing and past relationships between communities, but the relative infrastructure ‘wealth’ of the case study communities.

Demographic diversity and dynamism may not only affect who chooses migration or where they migrate to, but also how long they are away and whether they return. In northern Australia, for example, case studies of migration responses to Cyclone Tracy (Darwin, 1974) and Cyclone Les (Katherine, 1998) suggest diverse spatial and temporal characteristics not just between Indigenous and non-Indigenous populations, but also between long term and short term, rural and urban, young and old, and male and female residents (Haynes et al. 2011). That research also emphasises (along with Bailey 2011 and Bird et al. 2013) that in-migration to climate change affected communities is equally worthy of consideration as is out-migration. In the case of Katherine, there was an out-migration of existing residents to relatively distant places, but an in-migration of people who had been living in smaller (and presumably more vulnerable) nearby locations.

Much of the discussion here thus far has focused on what might be considered ‘true migration’, which is the movement of people away from their

‘usual’ places of activity. In the western literature, this is commonly taken to mean a move from one place of residence to another, whereas Indigenous people in places like Northern Australia may have multiple ‘residences’ and engage in regular movement between them (Taylor 2009).

In addition to climate change linking to migration events (the move to new places), it may be linked to changes in mobility (the established patterns of movement between places). Some of the Canadian (Ford et al. 2007) and European (Tyler et al. 2007) literature focuses on mobility changes – Indigenous people adapting by avoiding locations they would normally go to at particular times of the year, changing their patterns of movement between places where they sleep, work, and gather (Berkes and Jolly 2001). In particular, changes in the climate and environment may impact on patterns of mobility associated with ‘caring for country’, which can lead to personal and collective stress among Indigenous populations (Rigby et al. 2011). The extent to which such dislocation from traditional mobility practices might inspire ‘true migration’ has not been examined in the literature, perhaps because this distinction between mobility and migration has not previously been made explicit.

What has been explicitly discussed is the difficulty of separating climate driven migration from migration inspired by other factors (Adamo and de Sherbinin 2011). In our context, for example, Petheramet al. (2010) and Bird et al. (2013) found that climate change was a very minor issue in Indigenous people’s consideration of the future of their communities when compared to concerns about health behaviours, crime, poverty, government intervention and so on. In fact, some studies (including Petheram et al.) have found that they first needed to ‘educate’ Indigenous people about the significance of climate change before their research participants would make explicit commentary about perceived risks, vulnerability, impacts and responses. This aspect of the research process makes it difficult to assess the extent to which participants’ expressed views and intentions are likely to align with actual behaviour – a well known problem when trying to estimate migration intentions (Lu 1999).

Linking climate change to migration is additionally difficult using the existing literature because either it is assumed to have not happened yet (in the Australian literature) or the research is done only with those people who have not (yet) migrated (in the Canadian and European literature). In particular, several studies (Ford et al. 2008, McLeman 2010) lament that climate change threats to traditional modes of engagement with the environment are likely to further increase the distance between young Indigenous people (symbolically if not literally) and their communities – a gap that has been created over time through changes in economies, education and legal systems. There is a lack of research in the northern Australian context that considers the insights into relationships between climate and migration that might be gained from these young people, or from other people who have already migrated.

Such insights would contribute greatly to the debate about whether climate induced migration is likely to simply exaggerate existing characteristics of migration patterns (who migrates and where they go) or to inspire substan-

tially new patterns. Bardsley and Hugo (2010) have suggested generally that, while the initial evidence is that new migration will follow established patterns, there will be ‘thresholds’ beyond which dramatically new patterns are likely to emerge. Ford, Berrang-Ford et al. (2010) suggest an increase in rural to urban migration and a dramatic change in the destinations for seasonal and circular migration. Fast and Berkes (1998) claim that Indigenous Canadian’s capacity to open up new migration paths has been diminished by the advent of fixed settlement and the move away from an explorer / nomad lifestyle, but this may be relevant only to short distance migration patterns.

The concern about the vulnerability of young Indigenous people to the impacts of climate change is also at least in part a concern about the vulnerability of Indigenous communities to the (continuing) loss of young people through climate induced migration. The majority of the literature we have consulted prefers to consider adaptations (including migration) as collective strategies embraced by Indigenous communities, or at least extended families (as with Petheram et al.’s (2010) discussion of voluntary relocation). Certainly, collective decision making is easier for external agencies (government departments, non-government organisations, emergency services etc.) to engage with and manage. It may also be easier for communities to argue their case for increased responsibilities for decision making where they can demonstrate a collective will. In an extensive analysis of migration patterns of Indigenous people in the Northern Territory, Taylor (Taylor 2012, Taylor and Carson 2009, Taylor and Carson 2012, Taylor et al. 2011a) recognises that migration often occurs in relatively large groups from within communities, but that it also often occurs by individuals, couples, and unrelated people from different communities. It is not only young people who are likely to migrate independently of ‘the family’ or ‘the community’, but there is certainly evidence that they are more likely to do so, and that this trend is likely to increase in the future (Taylor 2012).

Another sensitive dimension (also associated with, but not limited to, young people) is whether migration occurs in the search to continue practicing existing livelihoods or in the search to establish new livelihoods. The anthropological view (dominant in the Canadian research by Ford and others) is that the pursuit of traditional livelihoods drives selection of adaptive strategies. New circular and seasonal mobility patterns emerge to ensure access to traditional hunting grounds and species (Ford et al. 2010), new forms of transport are employed to ensure access to traditional lands (Cohen 1997) and so on. However, Ford and colleagues (2006) also note that the general pressures on even remote Indigenous communities are to move away from traditional livelihoods. Much of the pressure stems from a desire by governments to have ‘fixed settlement’ (Ford et al. 2006, Howitt et al. 2011, Bird et al. 2013). Fixed settlements reduce the capacity to use particularly short distance migration as adaptation and may therefore either lead to longer distance (and potentially longer term) migration or increased vulnerability *in situ*.

Muruiki et al. (2011) summarise the process in terms of ‘three migrations’ observed among Indigenous people in Kenya. The first migration was resource

driven and involved the search for food, water, and shelter (what we here have referred to as mobility). This migration was often culturalised into seasonal patterns associated with the climate and environment and intricately linked with patterns of trade, initiation rites, and marriage exchange. The second migration has been politically driven, a sentiment reflecting Howitt et al. (2011), through enforcement of fixed settlement and government policies which attempt to facilitate and restrict migration according to where and how governments would like to deliver services (Kainz et al. 2012). In many cases, the migration patterns required to survive the second migration were incompatible with those from the first migration. Some communities have adapted well (for example, by creating new 'songlines' linking locations in central and southern Australia (Tonkinson, 2011)), while others have suffered the consequences of dislocation from culture.

Climate change may contribute to the generation of a third migration which is both resource and politically driven. The political pressure to adapt comes with a set of preferred policies and strategies for what adaptation should look like (including migration), while the capacity to sustain the reshaped (following fixed settlement) and culturally vital relationship with the land will require further changes in mobility and migration. Which individuals, and which populations, desire or are required to seek new livelihoods under these circumstances is difficult to assess, but once again researching these issues with young people and those who have already engaged in the third migration will provide valuable insights.

There are limits in the northern Australian context, however, to what we can learn about future climate related migration from that which has occurred in the (recent) past. While analogues and case studies can be valuable tools (Ford et al. 2010), they are also problematic in terms of the assumptions that are made about homogeneity (the extent to which one Indigenous population resembles another) and temporality (the extent to which the past resembles the present and the future). Koch and Carson (2012) have acknowledged these problems in the context of attempting to develop models of demographic change in small populations in sparsely populated areas. Firstly, they describe the Modifiable Social Unit Problem (MSUP) as the potential to draw new conclusion based on relatively minor changes in how populations are constructed for comparison (changing definitions of 'Indigenous' or 'resident', for example). Secondly, the Modifiable Temporal Unit Problem (MTUP) is defined as the potential to draw new conclusions based on relatively minor changes to the timeframes used in analysis. This latter might be as simple as assessing demographic change in a location over a period of 6 years following a severe weather event compared with just 4 years (or 8 years).

Existing analogue research may be dealing with populations (social units) that are importantly different from the one we wish to learn about (following Taylor, 2009) while examinations of past and present migration patterns situate communities in a very different temporal context. In north-

ern Australia, for example, existing climate related migration is likely to be largely proactive (i.e. anticipating further change) while climate related migration in 20, 40 or 60 years from now may be far more reactive.

The predecessor to MSUP and MTUP was the Modifiable Areal Unit Problem (MAUP) (Openshaw 1984). Openshaw argued that geographic scale matters, and that what is observed to happen at a regional level, for example, may not be what happens at a local level. Leyk et al. (2012) are particularly forceful in suggesting that this is the case when examining patterns of climate driven outmigration from rural South Africa. Regional ‘averages’ were not reflected in the characteristics of specific locations, and there was great diversity even within communities, with some neighbourhoods experiencing high outmigration and some experiencing low outmigration. Analysis of 2006 Census data underway by the authors of this paper relating to 104 Indigenous communities across northern Australia reveals great diversity in existing migration patterns. For example, average rates of outmigration of Indigenous men aged in their 20s from these communities between 2001 and 2006 was 13% (i.e. 13% of these men who were living in these communities in 2001 were not living in the same community in 2006), but the standard deviation was 17%, and some communities had lost as much as 60-70% of this population, while others had lost less than 5%. The diversity is not explained simply by the spatial distribution of communities, with substantial differences existing between neighbouring locations (for example, outmigration from various communities in the Torres Strait Islands for males in their 20s ranged from less than 4% to over 25%). It would be wise to commence investigation of migration as adaptation to climate change with an assumption that this sort of diversity is likely, and a careful consideration of what geographic scale presents an appropriate level of analysis (should central communities be considered with or separate from their homelands and outstations, for example?).

There may also be diversity between communities in terms of who chooses (or is forced) to migrate. Young people tend to be more mobile than older people, but there is considerable debate about whether young men are more likely to migrate out of remote Indigenous communities than are young women (Taylor 2011), and whether relatively wealthy people are more likely to migrate than those with fewer economic resources (Perch-Nielsen et al. 2008). Taylor’s (2011) work in particular demonstrated a diversity of age and sex specific migration patterns applying to remote Indigenous communities across the Northern Territory. It is not clear that Indigenous populations in that context are adopting the same migration trends (or other demographic trends such as reduced fertility (Johnstone 2011)). Research such as this emphasises the need for careful selection of analogues in particular.

Dimensions of Climate Induced Migration

The review has revealed thirteen dimensions of migration as a potential adaptation to climate change in remote Indigenous communities in northern Australia (Table 1). Within each of the dimensions, there is evidence that a diversity of outcomes is likely. For example, out of the same population there may be some people who migrate long distances and some who migrate short distances. There may be some mandatory and some voluntary migration. There may be some people who are well resourced (economically) to migrate to a new place and some who are not. Certainly we can expect, given our current knowledge of migration patterns in remote Indigenous communities, that there will be substantial differences between communities. The diversity of possible and probable responses (across the thirteen dimensions) will make it difficult for government in particular to effectively impose 'one size fits all' adaptation policies on Indigenous communities. What government should be doing instead is working with individual communities to assess their specific potentials and develop place-based adaptive strategies accordingly. This call is not new, but the articulation of the dimensions as a mechanism through which to examine the role of migration within a potential suite of localised adaptations is new.

Table 1
Summary of Dimensions of Climate Induced Migration

Dimension
Voluntary ⇔ Mandatory
Short distance ⇔ Long distance
Short term ⇔ Long term
Only adaptation ⇔ One of many adaptations
Outmigration ⇔ Inmigration
Mobility ⇔ Migration
Climate as driver ⇔ Many drivers
Exaggerate existing migration patterns ⇔ Inspire new migration patterns
Individual decisions ⇔ Collective decisions
Seeking similar livelihoods ⇔ Seeking new livelihoods
Proactive ⇔ Reactive
Regional ⇔ Local
Well resourced ⇔ Poorly resourced

This paper has largely described the dimensions as independent of one another, but there may be relationships, which are more likely than not to occur. The research evidence for any such relationships is, however, very limited. It may be assumed that short distance migration is correlated with short term migration (as was the expressed wish of community members

consulted by Petheram et al. 2010), but there have been no rigorous studies of such a relationship. It may be that less well resourced (economically) people move shorter distances, or find it more difficult to return (as suggested by Howitt et al. 2011), but again this is largely speculation at the moment.

What is clear is that climate change is just one of many migration pressures being exerted on northern Australian remote Indigenous communities. Government policy, socio-economic conditions, impacts of new technologies and cultural change appear to be considered as more immediate and dramatic issues than climate change. Not all of these pressures are acting in the same direction (i.e. encouraging the same patterns of in- or out- or non-migration), so it is difficult to assess what the impact is or will be of adding (or emphasising) climate change to the mix.

Where migration does emerge as an adaptive strategy, it is likely to present challenges for the people who are migrating, for the places they migrate to, and the communities they migrate from. This is already the case with migration from remote to urban settlements in particular, but will apply equally where migration changes the patterns of occupation of outstations and homelands and affects the exchange of people between remote settlements. Nevertheless, migration is currently considered as part of the adaptation of remote communities (formalised in disaster management plans), and it is difficult to conceive of comprehensive adaptation strategies, which do not allow for some level of migration.

The challenge for communities and policy makers is to ensure that Indigenous people have appropriate migration options, and the skills and resources to exercise control over their migration decisions. For researchers, along with assessing the dimensions of migration as they apply to specific communities, there is a need to learn more from young people and those who have already migrated out of remote communities to better understand how individuals and communities (of origin and destination) can be better prepared to deal with the consequences. This task cannot be based on a general model of what migration is expected because each community will respond differently based on its unique circumstances.

References

1. ABC NEWS (2010) Blame game over Yuendumu residents continues. ABC News Online. 28 September, 2010. Accessed 28 September 2010. <http://www.abc.net.au/news/2010-09-28/blame-game-over-yuendumu-residents-continues/2276862>
2. ADAMO, S. B. & DE SHERBININ, A. (2011) The impact of climate change on the spatial distribution of the population and on migration IN UNITED NATIONS DEPARTMENT OF ECONOMIC AND SOCIAL AFFAIRS, P. D. (Ed.) Population Distribution, Urbanisation, Internal Migration and Development: An International Perspective. United Nations.

3. ASIAN DEVELOPMENT BANK (2012) Addressing Climate Change and Migration in Asia and the Pacific. Mandaluyong City, Philippines, Asian Development Bank.
4. BAILEY, A. J. (2011) Population geographies and climate change. *Progress in Human Geography*, 35, 686-695.
5. BARDSLEY, D. K. & HUGO, G. (2010) Migration and climate change: examining thresholds of change to guide effective adaptation decision-making. *Population and Environment*, 32, 238-262.
6. BERKES, F. & JOLLY, D. (2001) Adapting to Climate Change: Social-Ecological Resilience in a Canadian Western Arctic Community Conservation Ecology, 5, online.
7. BIRD, D., GOVAN, J., MURPHY, H., HARWOOD, S., HAYNES, K., CARSON, D., RUSSELL, S., KING, D., WENSING, E., TSAKISSIRIS, N. & LARKIN, S. (2013) Future change in ancient worlds: Indigenous adaptation in northern Australia. Gold Coast, National Climate Change Adaptation Research Facility.
8. CARSON, D. (2011) Skilled labour migration flows to Australia's Northern Territory 2001-2006: beyond periphery? *Australian Journal of Labour Economics*, 14, 15-33.
9. CARSON, D. & CLEARY, J. (2010) Virtual Realities: How Remote Dwelling Populations Become More Remote Over Time despite Technological Improvements. *Sustainability*, 2, 1282-1296.
10. CARSON, D., ENSIGN, P., RASMUSSEN, R. & TAYLOR, A. (2011) Perspectives on 'demography at the edge'. IN CARSON, D., RASMUSSEN, R., ENSIGN, P., HUSKEY, L. & TAYLOR, A. (Eds.) *Demography at the Edge: Remote human populations in developed nations*. Farnham, United Kingdom, Ashgate Publishing Ltd.
11. COHEN, S. J. (1997) What If and So What in Northwest Canada: Could Climate Change Make a Difference to the Future of the Mackenzie Basin? *Arctic*, 50, 293-307.
12. FAST, H. & BERKES, F. (1998) Climate change, northern subsistence and land based economies. IN MAYER, N. & AVIS, W. (Eds.) *The Canada Country Study: Climate impacts and adaptation*. Toronto, Environment Canada.
13. FORD, J. D. (2009) Dangerous climate change and the importance of adaptation for the Arctic's Inuit population. *Environmental Research Letters*, 4, online.
14. FORD, J. D., BERRANG-FORD, L., KING, M. & FURGAL, C. (2010) Vulnerability of Aboriginal health systems in Canada to climate change. *Global Environmental Change*, 20, 668-680.
15. FORD, J. D., KESKITALO, E. C. H., SMITH, T., PEARCE, T., BERRANG-FORD, L., DUERDEN, F. & SMIT, B. (2010) Case study and analogue methodologies in climate change vulnerability research. *WIREs Climate Change*, 1, 374-392.
16. FORD, J. D., PEARCE, T., SMIT, B., WANDEL, J., ALLURUT, M., SHAPPA, K., ITTUSUJURAT, H. & QRUNNUT, K. (2007) Reducing Vulnerability to Climate Change in the Arctic: The Case of Nunavut, Canada. *Arctic*, 60, 150-166.
17. FORD, J. D., SMIT, B. & WANDEL, J. (2006) Vulnerability to climate change in the Arctic: A case study from Arctic Bay, Canada. *Global Environmental Change*, 16, 145-160.

18. GREEN, D., JACKSON, S. & MORRISON, J. E. (2009) Risks from Climate Change to Indigenous Communities in the Tropical North of Australia. Canberra, Department of Climate Change and Energy Efficiency.
19. GREENWOOD, M. J. & HUNT, G. L. (2003) The early history of migration research. *International Regional Science Review*, 26, 3-37.
20. HABIBIS, D., BIRDSALL-JONES, C., DUNBAR, T., SCRIMGEOUR, M., TAYLOR, E. & NETHERCOTE, M. (2011) Improving housing responses to Indigenous patterns of mobility. Melbourne, Australian Housing and Urban Research Institute.
21. HAYNES, K., BIRD, D. K., CARSON, D., LARKIN, S. & MASON, M. (2011) Indigenous Experience of Cyclone Tracy. National Climate Change Adaptation Research Facility.
22. HAYNES, K., HANDMER, J., MCANENEY, J., TIBBITS, A. & COATES, L. (2010) Australian bushfire fatalities 1900–2008: exploring trends in relation to the 'Prepare, stay and defend or leave early' policy. *Environmental Science and Policy*, 13, 185-194.
23. HOWITT, R., HAVNEN, O. & VELAND, S. (2011) Natural and Unnatural Disasters: Responding with Respect for Indigenous Rights and Knowledges. *Geographical Research*, 50, 47-59.
24. JOHNSTONE, K. (2011) Indigenous Fertility in the Northern Territory of Australia: Stalled Demographic Transition? *Australian Demographic and Social Research Institute*. Canberra, Australian National University.
25. KAINZ, T., CARSON, D. A. & CARSON, D. B. (2012) Temporary Indigenous mobility in remote South Australia: Understanding the challenges for urban based health and social service delivery. *Journal of Rural and Community Development*, 7, 16-36.
26. KOCH, A. & CARSON, D. B. (2012) Spatial, Temporal and Social Scaling in Sparsely Populated Areas – geospatial mapping and simulation techniques to investigate social diversity. *GI Forum 2012*. Salzburg, Austria.
27. LEYK, S., MACLAURIN, G. J., HUNTER, L. M., NAWROTZKI, R., TWINE, W., COLLINSON, M. & ERASMUS, B. (2012) Spatially and Temporally Varying Associations between Outmigration and Natural Resource Availability in Resource-Dependent Rural Communities: A Modeling Framework. *Institute of Behavioural Science Population Program*. Boulder, Colorado, University of Colorado Boulder.
28. LU, M. (1999) Do People Move When They Say They Will? Inconsistencies in Individual Migration Behavior. *Population and Environment*, 20, 467-488.
29. MCDERMOTT, R., O'DEA, K., ROWLEY, K., KNIGHT, S. & BURGESS, P. (1998) Beneficial impact of the Homelands Movement on health outcomes in central Australian Aborigines. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 22, 653-658.
30. MCKEON, G. M., STONE, G. S., SYKTUS, J. I., CARTER, J. O., FLOOD, N. R., AHRENS, D. G., BRUGET, D. N., CHILCOTT, C. R., COBON, D. H., COWLEY, R. A., CRIMP, S. J., FRASER, G. W., HOWDEN, S. M., JOHNSTON, P. W., RYAN, J. G., STOKES, C. J. & DAY, K. A. (2009) Climate change impacts on northern Australian rangeland livestock carrying capacity: a review of issues. *The Rangeland Journal*, 31, 1-29.

31. MCLEMAN, R. (2010) Impacts of population change on vulnerability and the capacity to adapt to climate change and variability: a typology based on lessons from "a hard country". *Population and Environment*, 31, 286-316.
32. MCLEMAN, R. & HUNTER, L. M. (2010) Migration in the context of vulnerability and adaptation to climate change: insights from analogues. *WIREs Climate Change*, 1, 450-461.
33. MCLEMAN, R. & SMIT, B. (2006) Migration as an adaptation to climate change. *Climate Change*, 76, 31-53.
34. MURIUKI, G. W., JACOBSON, C., MCALPINE, C., SEABROOK, L., PRICE, B. & BAXTER, G. (2011) Migrating, Staying, or Moving On: Migration Dynamics in the Chyulu Hills, Kenya. *Population, Space and Place*, 17, 391-406.
35. OPENSHAW, S. (1984) *The Modifiable Areal Unit Problem*, Norwich, Geo Books.
36. PARKER, A., GROSSMAN, Z., WHITESELL, E., STEPHENSON, B., WILLIAMS, T., HARDISON, P., BALLEW, L., BURNHAM, B., BUSHNELL, J. & KLOSTERMAN, R. (2006) Climate change and Pacific Rim Indigenous nations. Olympia, Washington, USA, Northwest Indian Applied Research Institute (NIARI), The Evergreen State College.
37. PERCH-NIELSEN, S. L., BATTIG, M. B. & IMBODEN, D. (2008) Exploring the link between climate change and migration. *Climatic Change*, 91, 375-393.
38. PETHERAM, L., ZANDER, K. K., CAMPBELL, B. M., HIGH, C. & STACEY, N. (2010) 'Strange changes': indigenous perspectives of climate change and adaptation in NE Arnhem Land (Australia). *Global Environmental Change*, 20, 681-692.
39. PETROV, A. (2007) Revising the Harris-Todaro framework to model labour migration from the Canadian northern frontier. *Journal of Population Research*, 24, 185-206.
40. PROUT, S. (2008) The entangled relationship between Indigenous spatiality and government service delivery. *CAEPR Working Paper* Canberra, Centre for Aboriginal Economic Policy Research, Australian National University.
41. RIGBY, C. W., ROSEN, A., BERRY, H. L. & HART, C. R. (2011) If the land's sick, we're sick: The impact of prolonged drought on the social and emotional well-being of Aboriginal communities in rural New South Wales. *The Australian Journal of Rural Health*, 19, 249-254.
42. TAYLOR, A. (2011) Current evidence of 'female flight' from remote Northern Territory Aboriginal communities – demographic and policy implications. *Migration Letters*, 8, 77-88.
43. TAYLOR, A. (2012) Information Communication Technologies and New Indigenous Mobilities? Insights From Remote Northern Territory Communities. *Journal of Rural and Community Development*, 7, 59-73.
44. TAYLOR, A. & CARSON, D. (2009) Indigenous mobility and the Northern Territory Emergency Response. *People and Place*, 17, 29-38.
45. TAYLOR, A. & CARSON, D. (2012) "We'll die here": Policy implications from the accounts of long-term 'rough sleepers' in the Darwin region of Australia. *Homelessness Research Conference, Melbourne 19-20 April*.
46. TAYLOR, A., JOHNS, G., WILLIAMS, G. & STEENKAMP, M. (2011) The 'Problem' of Indigenous Migration in the Globalised State. IN CARSON, D., RASMUSSEN, R., ENSIGN, P., HUSKEY, L. & TAYLOR, A. (Eds.) *Demo-*

graphy at the Edge: Remote human populations in developed nations. Farnham, United Kingdom, Ashgate Publishing Ltd.

47. TAYLOR, A., LARSON, S., STOECKL, N. & CARSON, D. (2011) The haves and have nots in Australia's Tropical North – new perspectives on a persisting problem. *Geographical Research*, 49, 13-22.

48. TAYLOR, J. (2009) Indigenous demography and public policy in Australia: population or peoples? *Journal of Population Research*, 26, 115-130.

49. TAYLOR, M. A. P. & FREEMAN, S. K. (2010) A review of planning and operational models used for emergency evacuation situations in Australia. *Procedia Engineering*, 3, 3-14.

50. TONKINSON, R. (2011) Landscape, Transformations, and Immutability in an Aboriginal Australian Culture. *Cultural Memories: Knowledge and Space*, 4, 329-345.

51. TYLER, N. J. C., TURI, J. M., SUNDSET, M. A., STRØM BULL, K., SARA, M. N., REINERT, E., OSKAL, N., NELLEMAN, C., MCCARTHY, J. J., MATHIESEN, S. D., MARTELLO, M. L., MAGGA, O. H., HOVELSRUD, G. K., HANSSEN-BAUER, I., EIRA, N. I., EIRA, I. M. G. & CORELL, R. W. (2007) Saami reindeer pastoralism under climate change: Applying a generalized framework for vulnerability studies to a sub-arctic social-ecological system. *Global Environmental Change*, 17, 191-206.

УДК 911.2 (571.54)

© А.В. Мядзелец, Н.М. Лужкова

Перспективы развития Байкальского заповедника для жителей поселка Танхой

В статье разбираются спорные вопросы рекреационного развития поселка Танхой, располагающегося на границе с Байкальским природным биосферным заповедником. Противоречие между местным населением и администрацией заповедника возникло в результате принятия Правительством России решения о необходимости развития познавательного туризма на особо охраняемых территориях. Решение возникших проблем рассматривается на примере совместно выработанных стратегий для строительства на территории поселка визит-центра заповедника, обустройства прилегающей территории, планирования рекреационной инфраструктуры на территории Байкальского заповедника и поселка, поиск перспективных и взаимовыгодных решений и проектов для местных жителей и администрации поселка от сотрудничества с дирекцией заповедника и развития туристско-рекреационной деятельности.

Ключевые слова: Байкальский заповедник, поселок Танхой, особо охраняемые территории, познавательный туризм, визитно-информационный центр, местное население, администрация, сотрудничество

A. Myadzelets, N. Luzhkova**Development aspects of Baikalskii Reserve for Tankhoi citizens**

The paper considers points at issue of recreational development of Tankhoi settlement, which is situated on the border with Baikal Nature Biosphere Reserve. The contradiction between locals and the reserve administration arose as the result of Russian Government decision about necessity of educational tourism development on specially protected areas. The problem solving is demonstrated on the example of jointly worked out strategies for building of the reserve visit-center and its adjacent zone at the settlement area, planning of recreational infrastructure at the Baikalskii reserve territory and Tankhoi, search perspective and mutually beneficial decisions and projects for the locals and the municipality administration from collaboration with the reserve direction and tourist-recreational activity development.

Key words: Baikalskii Reserve, Tankhoi settlement, specially protected areas, educational tourism, visit-center, locals, administration, collaboration

Особое внимание правительства к развитию особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в России в последние несколько лет не только повлекло улучшение финансирования за счет целевых федеральных программ и активное развитие национальных парков и заповедников, но и обострило ряд локальных социальных проблем и дремавших конфликтов между местными жителями и администрациями ООПТ. Главным образом, это связано с тем, что принятые федеральные программы по развитию ООПТ не учитывают интересы местных жителей, их отношение к увеличению туристов и возможности самих поселков, находящихся вблизи к ООПТ, к принятию большого транзитного потока людей на их территории. Кроме того, остается без внимания тот факт, что несмотря на увеличение финансирования национальных парков и заповедников для реализации программ по развитию туризма, сами близлежащие муниципалитеты не финансируются и продолжают оставаться в прежнем состоянии на фоне видимого благополучия прилегающей ООПТ. Таким образом, развитие сети сопутствующих сервисных услуг, таких как размещение основного потока туристов, питание и т.п., ложится на плечи местных жителей поселков, которые зачастую не имеют опыта подобной работы, материальных возможностей, а многие и желания, так как изначально воспринимают приезжих туристов как чужаков, приносящих проблемы (мусор, нарушение покоя и привычного образа жизни), а администрацию ООПТ как основную причину, лишаящую местное население традиционных видов деятельности, исторически являвшихся средством существования коренных жителей (охота, сбор дикоросов и т.п.) [2, 5].

В статье рассматривается проблема на примере конфликтной ситуации между администрацией Байкальского природного биосферного заповедника и разными группами местных жителей поселка Танхой (Кабанский район, Республики Бурятия), располагающегося непосредственно в буферной зоне заповедника (рис. 1).

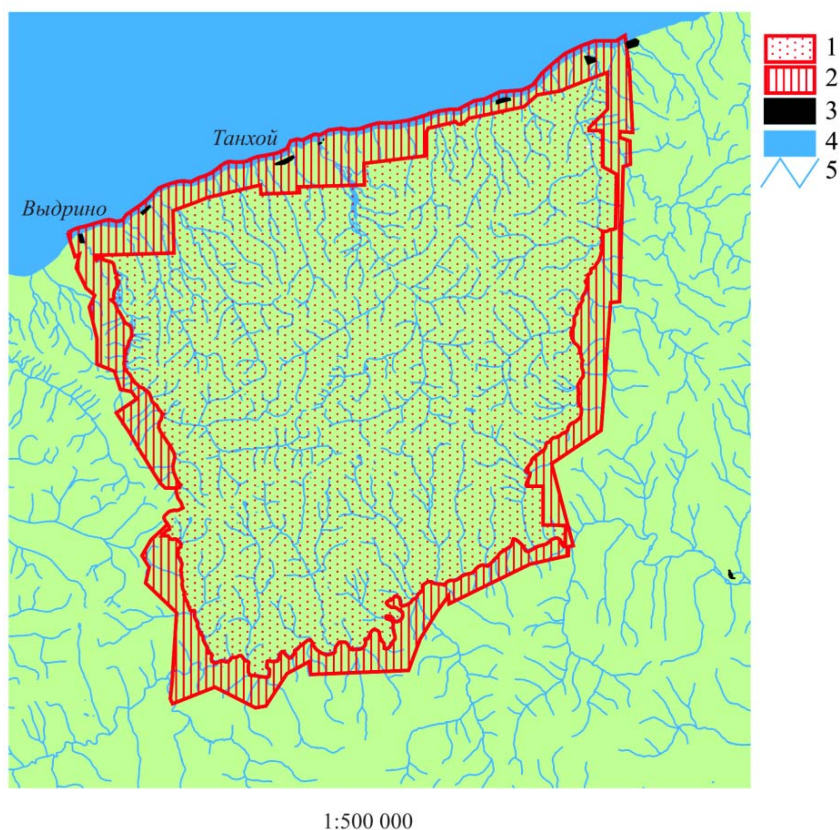

Рис. 1. Территория исследования. Легенда: 1 – Байкальский природный биосферный заповедник; 2 – буферная зона заповедника; 3 – населенные пункты; 4 – озеро Байкал, 5 – реки.

Новизна работы заключается в анализе многостороннего взаимодействия администрации ООПТ с местным населением и привлеченными организациями различного уровня подчинения и управления. Анализ направлен на решение социально-экономических проблем отдельно взятого муниципалитета, находящегося непосредственно в пределах буферной зоны заповедника. Методы исследования включают анкетирование местного населения для анализа отношения людей к рекреационному развитию территории исследования и организации на ней познавательного туризма, интервьюирование администрации заповедника и других заинтересованных организаций, полевые исследования, картографические методы.

Поселок Танхой: историческая справка. История поселка Танхой началась в 1881 г., когда началось строительство Великого Сибир-

ского рельсового пути, одним из участков которого была Кругобайкальская железная дорога (КБЖД). До этого времени, когда вокруг Байкала проходил только Кругобайкальский гужевой тракт, а на месте будущей железнодорожной станции Танхой было дикое таежное место. Для строительства станции и пристани паромной железнодорожной переправы был выбран мыс, образованный р. Осиновка, и вдающейся в озеро Байкал. Новое поселение возникло на 276 км КБЖД и было запроектировано как станция «Сокол», но во время строительства было переименовано в Танхой. Поселок Танхой располагался в 4-5 км от одноименной станции-пристани на восточном берегу оз. Байкал. От станции-пристани Танхой через озеро на парохоме-пароме переправляли железнодорожные вагоны к станции Байкал, откуда они шли в центральную часть России. В обратном направлении вагоны направляли в сторону Владивостока. На самой станции работы начались в 1901 г. В этом же году началось строительство жилых домов. Первые постройки были сделаны в поселке Осиновка в 1904 г. и принадлежали железнодорожным служащим и рабочим [3].

С начала строительства Кругобайкальской железной дороги население в Танхое стало быстро увеличиваться, так как сюда съезжалось много рабочих, задействованных в стройке. Среди них были также беглые каторжники и бывшие уголовники, что неизбежно накладывало отпечаток на контингент людей, живущих в поселке, и их образ жизни. Немногие могли позволить себе поездки в Иркутск для обеспечения себя необходимыми продуктами и вещами. Началось активное развитие поселка, так как, в связи с ростом числа жителей, возникла объективная необходимость открывать новые магазины, улучшать быт и организовывать досуг людей. По мере развития поселка, кроме жилых домов, на станции Танхой было возведено пассажирское здание (вокзал) с необходимыми постройками и специальными железнодорожными объектами, буфет, водонапорные башни, открылся Таможенный пост, переселенческий пункт, контора четвертого участка службы пути и другие объекты [3]. После завершения строительства железной дороги населения поселка также быстро росло. В 1906 г. открылось одноклассное железнодорожное училище (школа), а в 1909 г. – общежитие при школе для учеников с соседних станций. Впоследствии Танхой из обычной железнодорожной станции превратился в рабочий поселок [4].

До революции Танхой являлся центром волости, в которую входили все станции и другие населенные пункты от станции Мишиха до деревни Ново-Снежная. Здесь находилась земская управа. После революции в 1918 г. в Танхое одним из первых в Забайкалье возник Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В середине 30-х гг. порт Танхой был построен заново и работал до конца 60-х гг. Особенно значительной его роль была в годы войны. Он был перевалочной базой между рыболовецкими колхозами, лесозаготовительными и дру-

гими предприятиями и железной дорогой, обеспечивающей нужды фронта и тыла. В 1942-1943 гг. в порту Танхой базировалось эвакуированное на озеро Байкал из-под Севастополя Военно-Морское училище береговой обороны имени Комсомола Украины. Занятия с курсантами проводились в построенной перед войной местной средней школе [4].

В настоящее время поселок Танхой сохранил основное исторически сложившееся профильное направление – обслуживание железной дороги. Сохранились основные объекты функционирования сельского поселения как железнодорожного и местного центра – железнодорожный вокзал и другие предприятия железнодорожного транспорта, детский сад, школа-интернат, пекарня. При школе функционирует музей железной дороги. Большинство экспонатов музея создано руками школьников, здесь же представлены результаты их научно-исследовательских проектов. Во время строительства железной дороги в поселке Танхой была построена церковь, которая сгорела в 1930 г. В настоящее время она располагается в подсобном помещении за клубом, а в 2010 г. началось ее восстановление в первоначальном виде по чертежам, сделанным на основе макета, хранящегося в школьном музее железной дороги [4].

Новый этап в развитии поселка Танхой начался в связи с образованием Байкальского государственного природного биосферного заповедника, учрежденного постановлением СМ РСФСР от 26.09.1969 г. № 571 на основании постановления СМ Бурятской АССР от 31.12.1968 г. № 461. Заповедник изначально проектировался как комплексный экосистемный и стал вторым в «цепочке» ООПТ, охватывающих к настоящему моменту практически все побережье Байкала. Создание заповедника послужило своеобразным ответом экологов на начало строительства Байкальского ЦБК. Одной из важнейших задач заповедника является охрана ненарушенных кедровых лесов. Кроме того, заповедник служит эталонной территорией для оценки воздействия выбросов промышленности Южной Сибири на лесные экосистемы [1].

Создание Байкальского заповедника, с одной стороны, дало новые возможности местным жителям (дополнительные рабочие места, улучшение экологического образования и самосознания населения), а с другой стороны, ввело жесткие запреты на некоторые исторически сложившиеся сопутствующие виды деятельности жителей поселка на близлежащей территории (охота, сбор грибов, ягод и трав). Территория заповедника стала закрытой для посещения не только для приезжих граждан, но и для местных жителей. При неоспоримом экологическом эффекте от создания Байкальского заповедника, до сих пор сложно оценить социально-экономические последствия.

Поселок Танхой и Байкальский заповедник: современная действительность. Несмотря на то, что поселок Танхой и Байкальский заповедник расположены далеко не только от столицы, но и от других

крупных городов России, ближайшими из которых являются Иркутск и Улан-Удэ, интерес к этой территории со временем не ослабевает, а нарастает. Подтверждением этому является ежегодно возрастающий поток туристов, желающих посетить сам заповедник и прилегающее побережье озера Байкал. Туристы приезжают как из ближайших крупных городов (Иркутск и города-спутники, Улан-Удэ), так и из других городов России, а также из зарубежных стран. Администрация заповедника активно сотрудничает с научными и общественными организациями России, проводит многочисленные совместные волонтерские, в том числе международные, проекты по организации и развитию экотуризма на своей территории, имеет спонсорскую поддержку для проведения экологических акций от промышленных предприятий.

В последние годы у дирекции ООПТ появилось понимание необходимости взаимодействия с организациями, обладающими профессиональными и экспертными навыками для планирования развития и управления рекреационными процессами на землях с подобной статусом. Такая работа стала возможной именно в последние три-пять лет, когда не только возросло внимание правительства России к проблемам заповедных территорий, увеличилось финансирование и появились специальные федеральные целевые программы, но и расширились внутрисоюзские и международные связи, улучшилась система грантовой поддержки проектов для таких территорий. Именно тогда наступил период планирования и строительства инфраструктуры для развития познавательного экологического туризма, и Байкальским заповедником была установлена связь с иностранными организациями, такими как Служба Рыбы и Дичи США, Служба Леса США, компания «Denaје» (Франция), общественные организации «Тахо-Байкал Институт», «Большая байкальская тропа» и другие.

Тесное сотрудничество с этими организациями позволило выявить и обозначить ряд основных конфликтов, возникающих между местным населением поселка Танхой, администрацией поселка и администрацией Байкальского заповедника. К основным проблемным ситуациям относятся:

- строительство визит-центра заповедника на землях поселка Танхой (Муниципальное образование (МО) «Танхойское»), не относящихся непосредственно к территории заповедника;
- введение платного посещения заповедника туристами по основным экскурсионным экологическим маршрутам при ограничении посещения охраняемой территории местными жителями;
- ежегодный рост туристов, часто воспринимаемых в качестве чужаков, на территории поселка, и отсутствие развитой инфраструктуры в поселке для их приема и обслуживания;
- существенные различия в финансировании заповедника и МО «Танхойское».

Основной причиной этих конфликтных ситуаций является, как было отмечено выше, приоритетность развития экологического и познавательного туризма на ООПТ, обозначенная правительством России в новых программах развития территорий, и одновременное нежелание и неготовность местного населения адаптироваться к переменам в новых политических и социально-экономических условиях, их пассивность в участии в жизни поселка и принятии различных решений, а также отрицание новой инициативы администрации заповедника, в лице которой они видят причину смены привычного образа жизни [6].

Формирование положительного имиджа Байкальского заповедника среди местного населения с целью эффективного сотрудничества по развитию туризма в поселке и на территории ООПТ. Для преодоления сложившейся ситуации администрация заповедника предприняла ряд шагов, которые, как предполагается, должны сгладить возникшие противоречия, помочь местным жителям осознать и увидеть преимущества от сотрудничества, дать им возможность найти себя в новой сфере обслуживания туристов в поселке в частности и развития познавательного экологического туризма на данной территории в целом.

В сложившихся условиях основными шагами Байкальского заповедника по формированию собственного положительного имиджа и принятия местным населением туристско-рекреационной деятельности в качестве перспективного направления развития поселка являются:

- тесное сотрудничество с местной школой-интернатом;
- активное сотрудничество с российскими и международными организациями, имеющими большой положительный опыт в планировании и развитии туристской деятельности и инфраструктуры на различных территориях (Служба Леса США, Тахо-Байкал Институт (ТБИ), Большая Байкальская тропа (ББТ), Институт географии им. В.Б. Сочава СО РАН (ИГ СО РАН) и др.);
- регулярное проведение социологических опросов на территории поселка и близлежащих населенных пунктах с целью выявления и мониторинга общественного мнения и отношения к существующей ситуации и проектам, осуществляемым заповедником, и предпочтений местного населения в отношении развития поселка;
- организация круглых столов и семинаров, совместных обсуждений с приглашением третьих сторон по существующим проблемам, привлечение местных жителей для обсуждения перспектив развития и сотрудничества населения и администрации заповедника.

Рассмотрим положительный эффект от данных мероприятий. Сотрудничество с местной школой-интернатом является одним из самых перспективных направлений, так как именно в стенах образовательного учреждения на этапе становления личности происходит формирование сознания человека. Школа в поселке находится в ведомстве Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД), хорошо финансируется и

обладает высоким образовательным потенциалом. Так как она находится в уникальном месте рядом с ООПТ, в ней развито экологическое образование, а совместные проекты с заповедником позволяют активно применять полученные знания на практике, улучшают экологическую культуру детей с ранних лет, помогают осознать необходимость не только сохранения природы, но и поиска возможностей развития отдаленных территорий с учетом существующих ограничений и улучшения жизни местного населения, что в современном мире называется сбалансированным (устойчивым) развитием человека и природы. Усиление уже ведущейся совместной работы школы и заповедника предлагается через планирование и реализацию таких мероприятий, как уборка мусора, высадка деревьев, проведение сотрудниками заповедника и школьниками экскурсий для туристов в п. Танхой и по специально обустроенным маршрутам, например, по тропе «Медвежий угол». Данные мероприятия должны поддерживаться и родителями учеников, и администрацией МО «Танхойское».

Другим направлением является сотрудничество со сторонними организациями, выступающими в качестве консультантов и экспертов по различным вопросам в области планирования территориального развития. Байкальский заповедник активно выполняет совместные проекты по планированию и обустройству туристической инфраструктуры на своей территории (ББТ, ТБИ, Служба леса США), геоэкологическому обоснованию при прокладывании экологических троп (ТБИ, ИГ СО РАН), строительство нового визит-центра и причала в поселке Танхой (ТБИ, Служба леса США) и др. Ряд последовательных работ по размещению объектов рекреационной инфраструктуры на территориях активного посещения туристами выполнен в 2010–2012 гг. Благодаря привлечению консультантов Службы Леса США была разработана схема расположения возможных малых архитектурных форм, включившая в себя пикниковые зоны, амфитеатр под открытым небом, игровые площадки, тропы и т.д. При участии ИГ СО РАН и ТБИ выполнено подробное описание почв, растительности и ландшафтов вдоль познавательных экологических маршрутов, проведена оценка их устойчивости к антропогенному воздействию, обозначены привлекательные места и точки обзора, составлены экологические паспорта троп, разработаны интерпретационные щиты для познавательных маршрутов. Разработки были приняты как приемлемые рекомендации дирекцией заповедника.

Социологические опросы и интервью с местным населением проводились ежегодно с 2010 по 2012 г. в ходе совместной работы с ТБИ и ИГ СО РАН. Последний такой опрос был посвящен одному из самых спорных, но ключевых проектов, реализуемых заповедником на территории поселка. Это проект по обустройству визитно-информационного центра и причала на побережье озера Байкал, который является не только камнем преткновения для различных социальных групп, но од-

ной из основных перспектив для развития поселка через увеличение потока туристов.

Основной проблемой проекта является то, что земли под создание визит-центра не принадлежат заповеднику и в настоящее время взяты в бессрочную аренду у муниципалитета (2 га оформлено в 2012 г., дополнительные 2 га находятся в стадии оформления документации в 2013 г.). Отчуждение муниципальных земель в пользу ООПТ усугубило непонимание местным населением процесса развития познавательного туризма в буферной зоне. Основным стал вопрос к администрации Байкальского заповедника о возможности доступа к побережью озера Байкала в районе арендованных земель. В настоящее время планирование внешних объектов визит-центра отложено, так как приоритетным является проектирование и возведение основных конструкции двух зданий центра.

После разработки плана обустройства территории визит-центра привлеченными специалистами Службы Леса США, участники ТБИ и сотрудники ИГ СО РАН провели анкетирование местного населения на тему обустройства припортовой зоны. Помимо социологических вопросов анкета включила в себя ранее разработанную схему размещения объектов, таким образом, посредством третьей независимой стороны у жителей появилась возможность отреагировать на предложенный вариант обустройства, выразить свое мнение и поделиться своим видением дальнейшего состояния побережья озера в пределах муниципалитета. Необходимо отметить, что опрошенные не предложили какие-либо кардинально новые варианты будущего облика окрестностей визит-центра, однако, в общей массе, положительно оценили свою вовлеченность в процесс принятия решения. Основным пожеланием к администрации ООПТ стало обязательная бесплатная доступность танхойцев к разрабатываемой рекреационной инфраструктуре и наличие детских площадок. Результаты исследования в полном объеме были переданы Байкальскому заповеднику.

Совместные взаимодополняющие, взаимосвязанные консультации, семинары и круглые столы, проводимые в 2010-2013 гг. с представителями Службы леса США, ТБИ, ИГ СО РАН, направлены на решение вопросов взаимодействия заповедника с местными жителями и администрацией МО «Танхойское». В декабре 2012 г. по итогам проведенных работ представители Тахо-Байкал Института и Института географии СО РАН при непосредственной поддержке Службы Леса США провели круглый стол в существующем визит-центре заповедника в п. Танхой, где дирекция заповедника в очередной раз озвучила планы строительства в припортовой территории с внесенными коррективами и развития экологического познавательного туризма на территории заповедника по специально обустроенным маршрутам. По итогам круглого стола создана рабочая группа по дальнейшей работе в сфере организации и развития туризма в п. Танхой, куда вошли сотрудники запо-

ведника и школы. Намечены основные первоначальные задачи рабочей группы: составить календарно-тематический план по конкретным мероприятиям, начать реализацию мероприятий в соответствии с планом, к конечному сроку получить определенный результат, оценить эффективность полученных результатов от реализации намеченных мероприятий.

По итогам круглых столов и семинаров сформулированы предложения по основным направлениям работы со стороны заповедника для снижения негативного отношения к своей деятельности:

1) работа с администрацией МО «Танхойское»:

- несмотря на пассивность и незаинтересованность местной администрации к решению проблем в сфере развития туризма на территории п. Танхой активно привлекать ее через реализацию специальных проектов;

- организация информационных стендов и указателей для туристов в районе вокзала, школы, заповедника, визит-центра и других местах со справочной информацией;

- обеспечение безопасности туристов в летний период (парковка, пункт милиции, список служб, куда можно обратиться в случае экстренной необходимости);

- разработка программы поддержки инициативы по открытию и функционированию местных гостевых домов (хоум-стеев) с проведением профильных курсов для местного населения; поиск коммерческих программ для развития туризма и стимулирования участия в этой деятельности местных жителей;

- информирование местного населения об ожидаемом притоке туристов, чтобы жители могли придумать, что можно сделать для туристов и как организовать это. К таким мероприятиям относятся и специальные внесезонные, например, весенний переход по льду из п. Листвянка в п. Танхой, когда на берегу можно организовать палатки с горячим чаем, бутербродами и т.п.

- развитие туристической инфраструктуры в поселке при совместной работе поселковой администрации, администрации заповедника и школы;

- обеспечение комфортного отдыха на берегу Байкала, уборка территории от мусора.

2) работа с местными жителями:

- стимулирование доброжелательного отношения к туристам со стороны местного населения;

- развитие системы домашних гостиниц и мини-кафе для туристов, организация дополнительного досуга для туристов, что является решением проблемы занятости местного населения и возможности дополнительного заработка;

- проведение некоммерческих общественных конкурсов типа «Лучший двор», «Лучшая усадьба» и т.п. для стимулирования инициати-

вы местного населения в сфере благоустройства поселка и развития туризма.

3) работа с туристами через сотрудничество с администрацией, школой, местными жителями, туроператорами:

- планирование и развитие специальных экскурсионных программ в сопровождении экскурсовода с посещением культурных мест, визит-центров в районе п. Танхой, а также туристических маршрутов в сопровождении сотрудников заповедника, например, кроме существующих, это может быть спуск по горным рекам, посещение высокогорных ландшафтов, купание в водопаде. Ведение просветительской работы с туристами на маршруте.

- расширение специальных предложений мини-туров для гостей, например, знакомство с местной культурой (кафе с местной кухней, традиционные мероприятия, исторические экскурсии, обрядовые традиционные праздники и т.п.), изготовление и продажа сувенирной продукции и товаров, сделанных своими руками.

- активная реклама в Интернете и соседних крупных городах для привлечения людей, создание единой информационной базы данных с использованием сервера заповедника.

Пример Байкальского заповедника является показателем дальнейшего вектора совместного проведения научно-практической деятельности для реализации локальных проектов развития отдельно взятого учреждения. Комплексное сочетание научного обоснования, зарубежного опыта и существующей отечественной практики предоставляют важное значение для проведения исследований.

Заключение. Развитие Байкальского заповедника и осуществление программы внедрения объектов познавательного экологического туризма может и должно оказать положительное влияние на развитие поселка Танхой. Байкальский заповедник выступает лидером и одним из поселкообразующих учреждений, стремящимся обустроить рекреационные объекты не только на своей внутренней территории, но и непосредственно в буферной зоне, одновременно поясняя выгоду сложившейся ситуации в системе ООПТ для приграничных образований.

Однако успешность дальнейшего развития познавательного экологического туризма зависит не только от заповедника, но и от политики администрации поселка Танхой и от отношения местных жителей. Очевидно, что в данный период времени ни одна из этих групп не готова к предстоящим переменам, в первую очередь, из-за низкого уровня развития и финансирования муниципалитета. Кроме того, многие местные жители боятся начинать что-то новое, малоинициативны, не имеют личной заинтересованности и четкого представления о дополнительных возможностях, преимуществах, эффективности от развития туризма в поселке в целом и от сотрудничества с администрацией заповедника в частности.

Привлечение различных специалистов как непосредственно к осуществлению инженерно-технических работ, так и решению экологических,

социальных и экономических проблем показывает стремление администрации заповедника налаживать контакт с местными жителями и минимизации проблем МО «Танхойское». Примеры, приведенные в статье (строительство визит-центра, привлечение туристов с помощью обустроенной инфраструктуры, привлечение отечественных и зарубежных учреждений различных форм и организаций) являются лишь некоторыми из многих проектов Байкальского заповедника, демонстрирующими интегральный подход не только к планированию собственного развития заповедника, но и к улучшению ситуации на прилегающих муниципальных территориях, для которых ООПТ выступает как одним из поселкообразующих предприятий.

Литература

1. Байкальский заповедник // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%E0%E9%EA%E0%EB%FC%F1%EA%E8%E9%E7%E0%EF%EE%E2%E5%E4%ED%E8%EA>. – Доступ: 10.10.2013.
2. Данилина Н.Р. Личный взгляд на новейшую историю заповедного дела в России, в том числе роль экологического просвещения в заповедниках и национальных парках // История заповедного дела. – Борисовка. – 2005. – С. 79-83.
3. Историко-культурное наследие // <http://baikal-zapovednik.ru/reserve/heritage>. – Доступ: 10.10.2013.
4. История возникновения поселка Танхой // <http://www.moy-ulan-ude.ru/index.php?id=1367293242517f3d3a91b66&podrub=%C8%F1%F2%E%E0%E8%FF&mod=tourism&pag=viewarticle>. – Доступ: 10.10.2013.
5. Краснопевцева В.М. Опыт Байкальского заповедника в организации экологического туризма и его роль в комплексном развитии территории // Устойчивое развитие туризма и модернизации экономики России. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2011. – С. 246-253.
6. Luzhkova N. Ecotourism Development in the Nature Reserves of Lake Baikal // Sibirica, Vol. 12, No. 2, Summer 2013: 48-61.

УДК 504.03

**© А.Д. Абалаков, Н.С. Панкеева, Л.С. Новикова,
В.В. Дроков, С.А. Седых, Д.И. Марышкин**

**Воссоздание Хужир-Нугайской утужной системы для поддержания
традиционного природопользования и развития
этноэкологического туризма**

Рассматриваются ирригационные системы земледелия как объекты этно-экологического туризма. Особо уделено внимание традиционным технологиям утужного земледелия в Прибайкалье. Предлагается реабилитация древней оросительной системы для раскрытия туристского потенциала историко-культурного наследия Приольхонья.

Ключевые слова: ирригационное земледелие, Прибайкалье, утужная система, арык, этноэкологический туризм.

**D. Alexander Abalakov , S. Natalia Pankeyeva , S. Lubov Novikov ,
V. Vladislav Drokov, A. Sergey Sedykh, I. Daniil Maryshkin**

**Reconstruction of the Khuzhir–Nugayskaya traditional farming system
to maintain traditional land use and development of ethno-ecological tourism**

Irrigation systems of agriculture are considered as objects of ethno-ecological tourism. Particular attention is paid to traditional technologies of local farming in the Baikal region. We propose rehabilitation of old irrigation system for revelation of tourism potential of the historical and cultural heritage of the Pre-Olkhon region.

Keywords: irrigation farming, the Baikal region, traditional farming system, irrigation ditch, ethno-ecological tourism.

Многоликость Байкальского региона может быть представлена не только уникальными ландшафтами озера и неповторимыми, эндемичными представителями флоры и фауны территории. Не менее уникальны и памятники исторического развития человека в данных местах. Например, коренное население Байкальского региона накопило ценный и успешный опыт в создании кормовой базы для скотоводства путем применения практики орошения. На основе ее изучения можно понять характер и формы социальных отношений, хозяйственные традиции, обычаи, основы формирования общественного сознания и мировоззрения, культуры и быта. Познание традиционной специфики земледелия способствует формированию этики ответственного отношения к окружающей среде, популяризации, раскрытию туристского потенциала исторического и хозяйственно-культурного наследия Байкальского региона. Рассматриваемые утужные системы – самые северные очаги оросительного земледелия периферийных этнических сообществ Внутренней Азии.

Ирригационные системы земледелия как объект этноэкологического туризма

Ирригация (система искусственного орошения) как вид мелиорации – одна из самых древнейших сфер деятельности человека, зародившихся в неолите одновременно с земледелием. До нас дошли остатки оросительных систем, сооруженных 5 тыс. лет тому назад в Средней Азии, стран Ближнего Востока и Средиземноморья. Ирригационное земледелие сыграло важную роль в становлении и развитии древнейших цивилизаций в долинах крупных рек Тигр и Евфрат, Нил, несколько позднее Инд, Хуанхэ, Амударья и др. С увеличением численности населения и расширением площади обрабатываемых земель возникла необходимость создания единой ирригационной системы, действующей на всей пригодной для орошения территории. Это требовало объединения общин и укрепления их хозяйственных связей. В результате, в III тысячелетии до н.э. образовалось единое государство Египет, появились крупные государственные объединения в Южном Двуречье (Шумер, Аккад, Вавилон). Совершенствование ирригационного земледелия неразрывно связано с основными этапами истории народов аридной зоны.

Традиционная ирригационная техника разных историко-культурных и природных областей различна. В зонах предгорий и гор вывод воды осуществлялся с помощью струенаправляющих дамб (горно-ручейковый и горно-долинный типы орошения). На равнинах ирригационное земледелие базировалось на регулировании паводковых разливов и крупных оросительных систем⁸⁴.

В настоящее время ирригационное земледелие широко распространено во многих странах аридной зоны (Северная Африка, Южная Европа, Передняя и Южная Азия, Южная Америка и др.). Зональные различия отражаются в организации водозабора, размерах каналов, в членении и конфигурации распределительной и оросительной сети, водорегулирующих устройствах и т. п. На равнинах преобладают крупные паводковые ирригационные системы.

В зоне предгорий развито арычное орошение. Арык — гидротехническое сооружение в виде оросительного канала в Средней Азии и Казахстане, а также в Закавказье. Арыки часто строятся в пределах населенных пунктов для орошения насаждений в летние периоды, когда количество осадков минимально. Некоторые крупные города, например, Алма-Ата, имеют развитую арычную систему, арыки проложены вдоль большинства улиц.

Арыки используются с глубокой древности и насчитывают порядка 3000 лет истории. Арыками также называют небольшие протоки, которые отводят воду от реки или сая, канавы, прорытые на полях для полива рас-

⁸⁴ Андрианов Б.В. Ирригационное земледелие // Народы мира. Историко-этнографический справочник / Глав. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва: Советская Энциклопедия, 1988. – 580 с.

тений, а иногда и старые каналы. Большие арыки и каналы также называют анхорами. Государства центрально-азиатских стран и местные власти поддерживает строительство арыков, следят за сохранностью самих сооружений и воды в них. Для контроля за арыками в городах и селах назначают «арычных старейшин», в их роли обычно выступают старосты кишлаков, мирабы, городские и сельские общины.

В горах распространены террасные формы ирригационного земледелия, разнообразные методы полеводства на крутых горных склонах с очень сложной системой полива полей. Примитивные формы ирригационного земледелия сохраняются в аридной зоне у некоторых кочевниково-скотоводов в Передней Азии и Африке. Это ирригационное земледелие на родниках и временных дождевых водах, сезонных водных сухих русел⁸⁵.

Таким образом, ирригационные системы отражают региональные особенности традиционной земледельческой культуры и специфику местных природно-экологических условий. Веками сложившиеся устоявшиеся гармоничные взаимоотношения между традиционным обществом и природой в настоящее время вызывают все больший интерес у туристов.

Этноэкологический туризм становится популярным видом рекреации. Этот вид туризма связан с посещением мест проживания и хозяйственной деятельности различных этносов, традиционная система жизнеобеспечения которых неразрывно связана с окружающей природной средой с целью познания их материальной и духовной культуры, приобщения к природному и культурному наследию. Следовательно, этноэкологический туризм можно рассматривать как вид рекреационной и эколого-познавательной деятельности, способствующей сохранению и воспроизводству этнокультурных традиций, традиционных систем природопользования и охраны природы как среды обитания и жизнедеятельности коренных народов⁸⁶.

По оценкам специалистов, этноэкологический туризм вызывает интерес почти у 90 % россиян. Вместе с тем, лишь незначительное количество регионов разрабатывают и осуществляют проекты по развитию этого вида рекреационной деятельности. Прибайкалье относится к перспективным центрам развития этноориентированного туризма. Важным условием развития этого вида туризма в регионе является поиск своей идентичности, делающей территорию привлекательной для туристов, усиливающей мотивацию путешествия. С этой целью в центрах этноэкологического туризма в России создаются этнические стойбища-музеи, музеи «под от-

⁸⁵ Андрианов Б.В. Ирригационное земледелие // Народы мира. Историко-этнографический справочник / Глав. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва: Советская Энциклопедия, 1988. – 580 с.

⁸⁶ Абалаков А.Д., Панкеева Н.С. Этноэкологический туризм в Байкальском регионе: современное состояние и перспективы развития // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Науки о Земле». – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 3-8.

крытым небом», экодереви, возрождаются традиционные промыслы и ремесла и др. В Прибайкалье одним из объектов привлечения туристов может стать традиционное сельскохозяйственное природопользование, связанное с использованием древних оросительных систем – утужного земледелия.

Особенности развития утужного земледелия в Прибайкалье

Следы древней оросительной мелиорации в виде множества заросших каналов – арыков повсеместно известны в Байкальском регионе. Наибольшее распространение они получили в Баргузинской котловине, в среднем и нижнем течении рек Хилок и Чикой, а также в Тажеранских степях⁸⁷. Так, в Баргузинской долине сохранились артефакты, связанные с древней историей баргутов: плотины, оросительные каналы, мельницы, святилища, захоронения. Баргуты, как и жившие на западе от Байкала древние курыкане, занимались земледелием.

Переход кочевых хозяйств к полуседлым и оседлым формам завершился у бурят Иркутской губернии в основном к середине XIX века. У бурят Забайкальской области этот процесс начался позднее — в первой половине XX века, а в отдельных районах Забайкалья кочевое скотоводство сохранялось вплоть до революции. Процесс более ранней оседлости бурятских хозяйств в Иркутской губернии объясняется тем, что в этой губернии значительно сильнее сказывалось влияние на бурят хозяйства и быта русского крестьянства. Поэтому, в частности, там раньше и в больших масштабах стали заниматься также земледелием и сенокосением⁸⁸.

К середине XIX в. у бурят Иркутской губернии складывалось скотоводческо-земледельческое хозяйство, причем у тункинцев (буряты, живущие по р. Иркут в Тункинской долине) преобладало скотоводческо-промысловое хозяйство, хотя и развивалось земледелие. Основными занятиями ольхонцев (жителей острова Ольхон и прилегающих к нему с севера местностей) являлись скотоводство и промыслы. У них земледелие не получило большого развития, что объяснялось природно-климатическими условиями (каменистая или песчаная почва, малое количество осадков, частые и сильные ветры и т. д.).

К концу XIX в. относится широкое распространение арыков и утугов (по-бурятски означает удобрение). Под утугами понимались удобренные навозом сенокосные угодья, как правило орошаемые, которые находились

⁸⁷ Ильин Ю.М., С.Ш. Гуроракшеева, Семенова М.В. Взгляд в прошлое, настоящее и будущее мелиорации в пределах Байкальского региона / Современные проблемы этноэкологии и традиционного природопользования: материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. – С. 45-49.

⁸⁸ Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков: хозяйство бурят, скотоводство в дореволюционный период: монография. – Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 1992. – 73 с.

рядом с зимними жилищами, что было связано со стойловым содержанием скота в зимний период. Утужная система значительно повышала урожайность естественных сенокосов, улучшала состав травостоя и качество сена. Навоз вывозили на луга в первых числах октября. Когда весной стаивал снег, навоз из кучи разбрасывали ровным слоем по всему утугу. Затем, чтобы размельчить навоз, утуг обрабатывался с помощью обыкновенной бороны. Для этой же цели употреблялись и грабли. После первого весеннего дождя, когда навоз пропитывался влагой, его равномерно впитывали в почву. В Кудинском, Капсальском и некоторых других ведомствах Иркутской губернии для дробления комьев навоза и втирания его в почву использовались катки. Каток представлял собой бревно, выточенное с краев цилиндрами меньшего диаметра, чем само бревно. На эти цилиндры надевались деревянные свободные кольца с деревянными же или веревочными оглоблями. Оглобли привязывались при запряжке прямо к гужам, без дуги. Иногда в бревно вколачивали небольшие зубья (например, в Аларском ведомстве). У Ольхонских бурят для этой цели использовался брус (балур), который изготовлялся из тяжелых сосновых бревен. На унавоженных покосах росла густая трава, особенно на второй или третий год, преимущественно пырей, реже еще более высококачественное злакобобовое и люцерновое сено. Урожаи достигали 300 пудов с одной хозяйственной десятины⁸⁹.

Наряду с удобрением сенокосов довольно широко применяли их орошение. Орошать сенокосы начинали с Николина дня (9-10 мая) и продолжали, смотря по запасу воды от 10 дней до одного месяца. Перед началом оросительных работ собирался родовой сход (суглан), который определял число душ, имеющих право пользоваться водой, и устанавливал очередность. Орошение проводилось путем отвода канав от близлежащих рек и речек. Так, в бывшем Ольхонском ведомстве были известны следующие несложные гидротехнические сооружения для искусственного орошения покосов: естественное течение речек и ручьев перегораживалось плотинами (богулами), откуда производился водозабор, укрепленными деревянными бинтами или просто громаднейшими плитами. Плотины эти отводили воду по каналам (ехэ-залур – большая материковая канава, бага-залур – малая побочная канава). Материковый канал перегораживался также плотинами, отводящими воду в побочные каналы. Из побочных канав вода и спускалась на утуги, где иногда делались небольшие возвышения, чтобы задерживать ее. Где не было речек и ручьев или где не хватало речной воды, там устраивались снежные каналы (сахани залур). Снег в них собирался с зимы и в начале весны орошал утуги. Если утуги находились на косогоре, то этот косогор часто изрезывали параллельными низкими валами, задерживающими влагу при дожде и при тая-

⁸⁹ Батуева И.Б. Культура заготовки кормов в хозяйстве бурят в XIX веке // Вестник Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (2). – С. 50-55.

нии снега. Снег для орошения утугов служил еще и следующим образом: по середине покоса, в основном на возвышенных местах, устраивались загромождения (тын-шургэ). Зимой около них во время метелей образовывались наметы снега, которые весной медленно таяли. Заграждения (шургэ) устраивались наклонно по направлению преобладающего ветра, так как во время бурь они быстро ломались⁹⁰.

Работы по сооружению канав и плотин делались общиной. Канавы и плотины ежегодно исправлялись самими жителями и лишь в редких случаях для исправления канав нанимались работники. Так, например, Сарминский сельский участок в 1895 г. оплатил за ремонт плотины работнику 25 рублей. Работы производились в начале весны и заключались в следующем; сначала чинили главные плотины, затем чистили все материковые канавы и исправляли плотины на канавах.

Утужная система постепенно занимала все большее место в бурятском хозяйстве. Так, уже в 1868 г. в бурятских ведомствах Иркутской губернии было собрано 11,6 млн пудов сена, в том числе утужного 5 млн, что составляло 43,2% общего сбора сена. Утужная система была более развита у бурят Иркутского уезда, а в Нижнеудинском уезде той же губернии не практиковалась вовсе (табл.). В целом по Иркутской губернии с утугов накашивали по 45% сена⁹¹.

Таблица

Урожай сена с различных видов лугов (1887–1889 гг.)

Уезды	Урожай сена			
	с простых покосов	с утугов	с залежей	всего
Иркутский	1356200	2516600	118200	3991000
%	34	63	3	100
Балаганский	5243800	2950400	646800	8841000
%	59	34	7	100
Нижнеудинский	322600	-	11900	334500
%	97	-	3	100
Верхотенский	1278300	1111200	52000	2441500
%	52	45	3	100

Согласно разным источникам, утужное сено по качеству и по своим питательным свойствам превышает луговое в два раза. Если учитывать

⁹⁰ Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков: хозяйство бурят, скотоводство в дореволюционный период: монография. – Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 1992. – 73 с.

⁹¹ Батуева И.Б. Культура заготовки кормов в хозяйстве бурят в XIX веке // Вестник Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (2). – С. 50-55.

качественную сторону утужного сена, то его удельный вес в общем сборе сена еще более увеличивается.

У русских крестьян Иркутской губернии и Забайкалья утугование и орошение лугов было развито слабо, но они постепенно воспринимали у бурят данные традиции.

В 1896 г. на Всероссийской Нижегородской выставке были продемонстрированы достижения бурят в развитии утужного хозяйства. Этот опыт вызвал большой интерес, как у специалистов, так и у широкой публики. Демонстрация способов ведения утужного земледелия уже тогда сыграла значительную роль в привлечении внимания к особенностям традиционного природопользования коренного населения Прибайкалья.

Характеристика Хужир-Нугайской утужной системы

В настоящее время некоторые оросительные системы до сих пор используются и поддерживаются в рабочем состоянии, например, в районе п. Онгурены. Но большинство из них заброшено. Такие древние ирригационные сооружения можно увидеть на побережье озера Байкал в районе улусов Шида, Зама и севернее, и в других местах.

К одной из таких систем относится оросительная система Тажеранских степей, находящаяся вблизи п. Сарма в Ольхонском районе Иркутской области. Эта система определена нами как Хужир-Нугайская, по названию залива, в глубине которого на побережье Малого моря находится утуг. Орошаемые утуги Приольхонья относят к памятнику курумчанской культуры, носителями которой выступали курыканы⁹². С этим народом связывается возникновение и развитие полuosедлого скотоводства и земледелия, выплавки металлов в Приольхонье в V–X вв. Изрезанность, пересеченность ландшафта этой местности предопределяли преимущественно животноводческую направленность хозяйства. Малая площадь открытых степных пространств обуславливала освоение практически всех открытых участков территории. Для Приольхонья характерны неблагоприятные климатические факторы – резко континентальный климат, недостаточное атмосферное увлажнение (200–260 мм в год). В таких экстремальных природно-климатических зонах необходимым условием ведения эффективного сельского хозяйства является мелиорация.

Хужир-Нугайская утужная система просуществовала длительное время и, по словам местных жителей, эксплуатировалась еще в послевоенное время, а затем была заброшена. В этой системе можно выделить три участка – водозабор, магистральный канал (арык или залура) и утуг. Водозабор организован на Ланинском ручье, где была устроена плотина или запруда (богула), которая не сохранилась. От нее самоте-

⁹² Васильева О. Орошаемые утуги – сохранившиеся памятники курумчинской культуры в Иркутской области // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 56-57.

ком отводилась часть воды из ручья в арык. В настоящее время он зарос деревьями и кустарниками, его ширина до 1,5 м, глубина до 0,5 м. Протяженность арыка Хужир-Нугайской утужной системы составляет около 3 км. Максимальные перепады высот от места водозабора до нижней части утуга около 200 м. Магистральный канал проложен вдоль склонов подгорно-наклонной равнины ниже подножий Прибайкальского хребта, резко обрывающихся к Байкальской впадине рифтовым уступом. Арык хорошо вписывается в рельеф местности и плавно спускается к центральной части Хужир-Нугайского залива (рис. 1). Угол продольного наклона канала 3-4°. Канал проходит по степным и сосново-лиственничным участкам леса, в средней части пересекает главную автомобильную дорогу, идущую из Иркутска. После пересечения с дорогой начинается более крутой спуск по подножью структурной гряды до района застройки (рис. 3.). В этом месте арык делится на несколько водотоков – распределителей, которые спускаются к ранее орошаемому унавоженному лугу – утугу. Площадь Хужир-Нугайского утуга около 1,5 км². На участке утуга находятся нагромождения камней. Они были сформированы при расчистке под покосы каменистых площадей. Камни выворачивались из земли и собирались в кучи (рис. 3). Кучи расположены друг от друга на расстоянии около 20 м. Высота одной кучи до метра, ширина около 4 м, длина – 7-9 м. Утуг и нижняя часть арыка в настоящее время огорожены и находятся в окружении турбаз. От границы утуга до берега Хужир-Нугайского залива не более 100 м.

Реставрация древних ирригационных систем будет способствовать формированию новых объектов этноэкологического туризма в регионе, сохранению и передачи следующим поколениям технологий рационального природопользования.

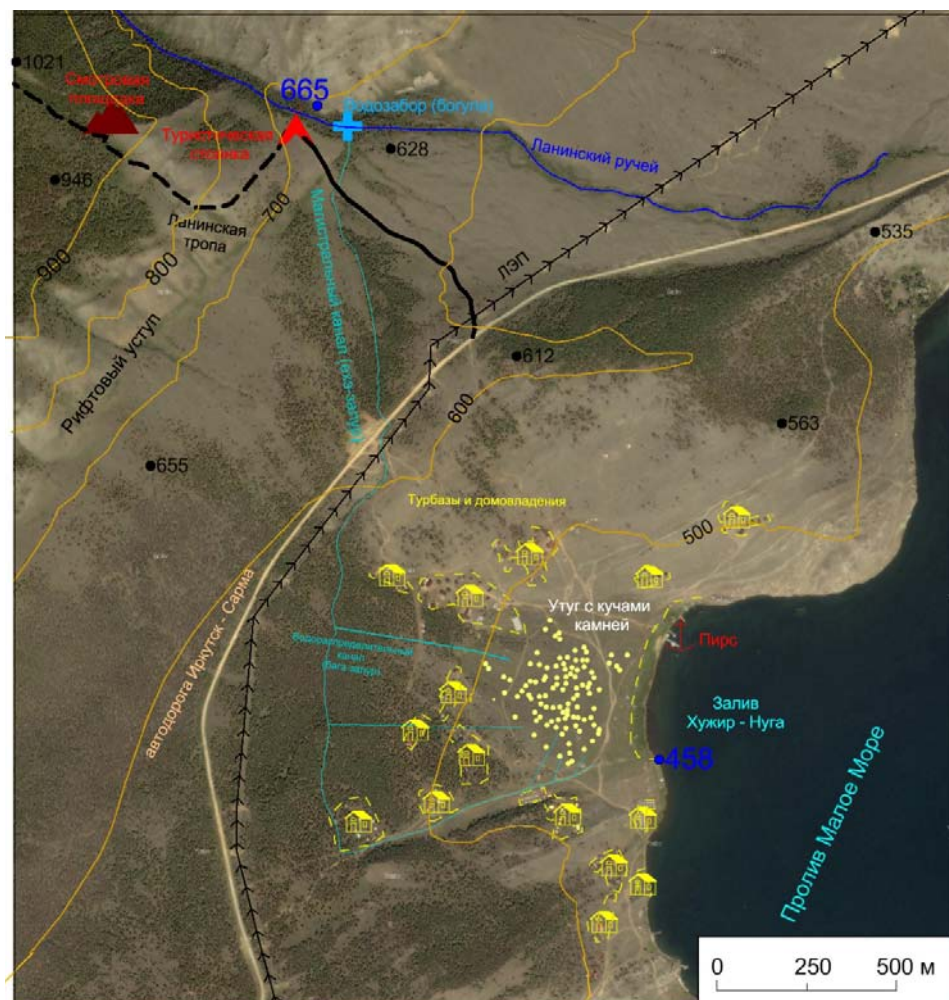

Рис. 1. План Хужир-Нугайской утужной системы

Рис. 2. Средняя часть арыка. Вид на утук Хужир – Нугайского залива

Рис. 3. Собранные в кучи камни (ама) на Хужир-Нугайском утуге

Хужир-Нугайская утужная система как рекреационный и познавательный объект

Следует отметить, что Маломорское побережье Приольхонья является одним из самых посещаемых районов Иркутской области. Традиционными отраслями экономики Ольхонского района являются добыча и переработка рыбы, лесное и сельское хозяйство. Однако перспективы развития Ольхонского района связываются с развитием туризма. Ежегодно район посещают более 500 тыс. человек. Это составляет 67% от всего турпотока в Иркутскую область. Вместе с тем, развитие туризма имеет пределы, обусловленные ограниченной способностью экосистемы озера Байкал – Участка Всемирного природного наследия к самовосстановлению. Уже сейчас, в результате увеличивающегося воздействия на природные комплексы Ольхонского района, главным образом неорганизованного отдыха, происходит ухудшение их экологического состояния. Решением проблемы сохранения экосистем в процессе их рекреационного использования является развитие экологически ориентированных видов отдыха, в том числе этноэкологического туризма.

Реконструкция утужной системы Ланинского ручья позволит сформировать новый познавательный маршрут, что будет способствовать привлечению внимания представителей турбизнеса и туристов к историко-культурным и природным комплексам территории. Вовлечение этих комплексов в сферу туризма позволит сохранить технологии рационального природопользования как основу самобытности местного населения, которое может быть привлечено к экскурсионному, анимационному и другому обслуживанию туристов.

Обращение к приемам традиционного природопользования возможно на основе научных исследований в направлении обобщения исторического опыта ведения земледелия на Маломорском побережье Приольхонья, изучения правовых механизмов регулирования природопользования в центральной экологической зоне Байкальской природной территории, комплексной оценки туристско-рекреационных ресурсов и рекреационной специализации территории и т.д.

Хужир-Нугайская утужная система находится в пределах туристско-рекреационного научно-учебного полигона «Сарма» (ТР НУП «Сарма»), действующего при факультете сервиса и рекламы (ФСР) Иркутского государственного университета (ИГУ). С 2011 г. ФСР сотрудничает с Институтом географии СО РАН в направлении создания информационно и научно-методически обустроенной территории для осуществления образовательных программ на предметном материале и проведения научных исследований в направлении устойчивого развития туризма в Байкальском регионе⁹³. Хужир-Нугайская утужная сис-

⁹³ Абалаков А.Д., Дроков В.В., Панкеева Н.С. Организация научно-учебного полигона «Сарма» в Байкальском регионе России // Известия Иркутского госу-

тема входит в программу развития ТР НУП «Сарма». Поэтому ее исследование, разработка маршрута и буклета позволят дать научное обоснование возможности возрождения для сохранения и передачи следующим поколениям технологии рационального природопользования, отражающее адаптационные механизмы векового опыта. В современных условиях происходит утрата традиционных знаний, поэтому их изучение и воссоздание в целях этноэкологического туризма обеспечивает сохранение уникальной информации о технологиях традиционного природопользования, исторического опыта экологической культуры.

Литература

1. Абалаков А.Д., Дроков В.В., Панкеева Н.С. Организация научно-учебного полигона «Сарма» в Байкальском регионе России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». – 2012. – Т. 5. – №2. – С. 3-18.
2. Абалаков А.Д., Панкеева Н.С. Этноэкологический туризм в Байкальском регионе: современное состояние и перспективы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 3-8.
3. Андрианов Б.В. Ирригационное земледелие // Народы мира. Историко-этнографический справочник / Глав. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва: Советская Энциклопедия, 1988. – 580 с.
4. Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков: хозяйство бурят, скотоводство в дореволюционный период: монография; ФГБОУ ВПО «Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры»; Обществ.-науч. центр «Сибирь». – Улан-Удэ, 1992. – 73 с.
5. Батуева И.Б. Культура заготовки кормов в хозяйстве бурят в XIX веке // Вестник Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (2). – С. 50-55.
6. Васильева О. Орошаемые утugi – сохранившиеся памятники курумчинской культуры в Иркутской области // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 56-57.
7. Ильин Ю.М., С.Ш. Гуроракшеева, Семенова М.В. Взгляд в прошлое, настоящее и будущее мелиорации в пределах Байкальского региона / Современные проблемы этноэкологии и традиционного природопользования: материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. – С. 45-49.

УДК (571.53)

© Т.Н. Шеховцова,
Е.Ю. Александров

**Ольхонский район сквозь призму «субъективной»
оценки качества жизни**

В статье говорится об актуальности и опыте изучения качества жизни населения на муниципальном уровне и «субъективной» оценке своего качества жизни населением Ольхонского района Иркутской области.

Ключевые слова: качество жизни, муниципальные образования

**Tatiana N. Shekhovtsova
Evgenie Ju. Aleksandrov**

**The Olkhon area through a prism of a «subjective»
assessment of quality of life**

Relevance and experience of studying quality of life of population at municipal level and a "subjective" assessment of the quality of life for population of the Olkhon region of the Irkutsk region are discussed in the article.

Keywords: Quality of life, municipalities

Байкал, Ольхон – места известные далеко за пределами России. «Бренд» Байкала часто связывают именно с Ольхонским районом. Здесь наблюдается уникальное сочетание относительно благоприятного климата, чистого атмосферного воздуха, пейзажного разнообразия, естественных достопримечательностей и этнографических монументов. На большей части территории района не нарушены первозданность и самобытность – качества, высоко ценимые в мире.

Ольхонский район Иркутской области расположен в пределах Байкальской природной территории, где природоохранный и хозяйственный виды деятельности регулируются специальным федеральным законом «Об охране озера Байкал»⁹⁴. Этот факт определенным образом регламентирует жизнедеятельность местного населения на берегах Байкала, здесь реализуется особый режим хозяйствования и экологических ограничений природопользования. Основной принцип развития этой территории предполагает сбалансированность решения социально-экономических задач и охраны уникальной экологической системы оз. Байкал в условиях устойчивого развития⁹⁵.

⁹⁴ Федеральный закон об охране озера Байкал. 2 апреля 1999г. – <http://www.magicbaikal.ru/ecology/law-baikal>

⁹⁵ Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе. Ольхонский район / Ю.М. Семенов, А.Н. Антипов, В.В. Буфал и др. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. – 147 с.

А как живет население на берегах Байкала? Именно исследованию качества жизни местного населения посвящена данная работа. Причем акцент делается на то, как само население оценивает свое качество жизни.

Методологические и методические стороны исследования

Изучение «качества жизни» населения различных территорий в настоящее время одна из популярных и актуальных тем исследований, принятых ООН. ООН определяет качество жизни как «широкое понятие, объединяющее в себе совокупность социальных, культурных и моральных ценностей, дающих возможность человеку жить в гармонии с обществом, природой, самим собой»⁹⁶. Качество жизни граждан – первоочередная задача любого государства. ООН представила рейтинг качества жизни в странах мира на 2009 год. Норвегия признана самой благополучной страной в мире. В пятерку наиболее благополучных стран вошли также Австралия, Исландия, Канада и Ирландия. Россия вошла в группу стран с высоким уровнем человеческого развития и заняла 71 место⁹⁷.

Традиционными иерархическими уровнями исследования качества жизни являются межстрановой, страновой, региональный, районный, низовой (уровень муниципальных образований, отдельных населенных пунктов). Изучается качество жизни специалистами различных научных направлений, в том числе и географами. В наших исследованиях качество жизни населения рассматривается как общественно-географическая категория, характеризующая условия жизнедеятельности и соответствующее им состояние населения с точки зрения его способности обеспечивать воспроизводство процессов жизнедеятельности и сбалансированное развитие территориальной общности⁹⁸.

Методологически при оценке качества жизни выделяют «объективный» и «субъективный» подходы. При «объективном» подходе качество жизни изучается через набор статистических показателей, информационную базу здесь формируют данные государственной статистики (демографической, социальной, медицинской, экономической)⁹⁹. При «субъективном» подходе качество жизни изучается через оценку субъектом состояния собственного благополучия, удовлетворенности жизнью, «субъективная» информация опирается на результаты выборочных социологических исследований.

⁹⁶ Трунин С.Н. Экономика труда. – Москва: 2009. – 496.

⁹⁷ Доклад о развитии человека 2009. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/>

⁹⁸ Качество жизни в регионах России и Украины: общественно-географические исследования / И.В. Гукалова, С.В. Рященко, Л.Г. Руденко и др. – Иркутск – Киев: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2010. – 147 с.

⁹⁹ Рященко С.В. Региональная антропоэкология Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 191 с.

На низовом уровне исследования особый интерес представляет именно «субъективный» подход, позволяющий выявить восприятие населением своего качества жизни и определить приоритетные пути развития конкретных территорий. Изучение особенностей качества жизни населения на муниципальном уровне имеет особенно важное значение в связи с тем, что именно на этом уровне возможно реальное повышение качества жизни.

Для изучения качества жизни населения конкретных муниципальных образований была составлена анкета. В анкете 33 вопроса, представленные тремя блоками: качество среды, качество населения и пути развития поселения. Вопросы тематического анкетирования нацелены на выявление следующих аспектов: оценка условий жизни в населенном пункте; выяснение общественных явлений; вызывающих беспокойство населения; оценка санитарного состояния поселка и его окрестностей; определение проблем поселка; мнение населения о возможных направлениях развития муниципального образования; оценка состояния собственного здоровья; способ проведения отпуска; достаток семьи и т.д.

Общая характеристика территории исследования

В этом разделе считаем целесообразным дать общую характеристику условий жизнедеятельности в Ольхонском районе по наиболее важным позициям, характеризующим качество жизни местного населения.

Ольхонский район вытянут вдоль западного побережья озера Байкал и включает в себя самый крупный остров озера – о. Ольхон. Район имеет статус муниципального образования и является совокупностью поселений объединенных общей территорией, в пределах которой осуществляется местное самоуправление. Законом Иркутской области от 2 декабря 2004 года №69-ОЗ «О статусе и границах муниципальных образований Ольхонского района Иркутской области» на территории района образованы 5 сельских и 1 городское поселение, объединяющих 41 населенный пункт¹⁰⁰. Территория исследования относится к числу малонаселенных районов с небольшой численностью и низкой плотностью населения (менее 1 чел./км²).

Важным показателем, характеризующим условия жизнедеятельности, является численность населения, изменение которой в ту или иную сторону (увеличение, уменьшение) может говорить о благоприятности или неблагоприятности условий проживания. Для исследования изменения численности населения в пределах муниципальных образований и населенных пунктов района был рассмотрен современный период – данные за 2002 г. и на 01.01.2012 г (табл.). Также были использованы данные переписей 1979 г. и 1989 г.

¹⁰⁰ Закон Иркутской области от 2 декабря 2004 г. № 69-ОЗ «О статусе и границах муниципальных образований Ольхонского района Иркутской области» // http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsg/dok_oerwio.htm

Таблица

Численность населения в разрезе муниципальных образований

Наименование поселения	1979 г.	1989 г.	2002 г.	На 01.01.200 12
Хужирское городское поселение, чел.	1473	1438	1406	1617
Еланцынское сельское поселение, чел.	3673	4088	4480	4682
Шара-Тоготское сельское поселение, чел.	562	466	638	928
Бугульдейское сельское поселение, чел.	1499	1283	1032	1025
Куретское сельское поселение, чел.	817	837	836	838
Онгуренское сельское поселение, чел.	587	599	563	504
Ольхонский район, чел.	8611	8711	8955	9594

Примечание. Таблица составлена по данным статистических сборников*.

Население района в целом растет как за счет естественного прироста, так и положительного миграционного процесса. Анализ изменения численности населения по поселениям показывает, что достаточно устойчивыми являются поселения с большей численностью населения (Еланцынская, Хужирская) и большим числом входящих в состав населенных пунктов (Еланцынская, Шара-Тоготская).

Рассмотрение ситуации в разрезе населенных пунктов показывает, что прирост численности населения Ольхонского района происходит в основном за счет районного центра, центров муниципальных образований (кроме с. Онгурен) крупных сельских поселений, а в последнее время и мелких населенных пунктов, расположенных на побережье и интересных с рекреационной точки зрения (Шида, Куркут, Курма). В то же время, отрицательная динамика наблюдается в 14 населенных пунктах или 30% от общего числа населенных пунктов района. Среди них наиболее удаленные (Онгурен, Кочерикова), расположенные вне основной трассы (Кучулга, Улан-Нур, Нарин-Кунта, Куртун), мелкие с отсутствием основных элементов инфраструктуры¹⁰¹.

Важным аспектом с позиций качества жизни является социальная инфраструктура. Далеко не в каждом населенном пункте района представлен полный набор элементов социальной инфраструктуры. Элементы социальной инфраструктуры представлены в основном в районном адми-

¹⁰¹ Рыков П.В., Шеховцова Т.Н. Территориальные системы расселения на примере Ольхонского района (Иркутская область) // География и природ. ресурсы. – 2013. – № 1. – С.119-126.

нистративном центре – с. Еланцы, центрах муниципальных образований, и крупных населенных пунктах.

Основные элементы социальной инфраструктуры представлены следующим образом. Здравоохранение района представлено Центральной районной больницей, Хужирской участковой больницей, девятью фельдшерско-акушерскими пунктами. Функционирует 9 общеобразовательных школ; 6 муниципальных дошкольных образовательных учреждений; дом детского творчества; детско-юношеская спортивная школа. Организацией досуга, обеспечением культурных и информационных потребностей населения Ольхонского района занимается 17 учреждений клубного типа, 16 библиотек, 2 музея, 1 ДМШ.

Хозяйственную деятельность местного населения можно охарактеризовать следующим образом. Традиционно население района занято в сельскохозяйственном производстве, добыче и переработке рыбы, личном подсобном хозяйстве, промыслах и непроемственной сфере. Ежегодно происходит увеличение занятости населения в поступательно развивающемся туристическом бизнесе, сопутствующих видах услуг: торговле, общественном питании, бытовых услугах, сувенирном производстве. На 01.01.2011 г. численность зарегистрированных безработных составляет 4 % населения трудоспособного возраста. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года численность безработных уменьшилась на 11,5 %¹⁰².

Таким образом выглядит общий фон условий жизнедеятельности, где реализуется качество жизни населения Ольхонского района по наиболее важным параметрам. Нужно отметить, что Ольхонский район находится в более выгодном положении по сравнению с другими районами Иркутской области, обладая значительным рекреационным потенциалом и «брендом» Байкала.

В районе нет промышленных источников загрязнения среды или они не оказывают существенного влияния на качество атмосферного воздуха, природных вод. Загрязнение окружающей среды связано преимущественно с нерегулируемым и неорганизованным размещением коммунально-бытовых отходов¹⁰³.

В Ольхонском районе зарегистрировано и действует 42 предприятия среднего и малого бизнеса, кроме того индивидуальных предпринимателей – 332 чел. В основном это общественное питание, розничная торговля, несколько предприятий, специализирующихся на лесозаготовках. Ежегодно увеличивается количество открывающихся предприятий общественного питания, данная услуга пользуется повышенным спросом в се-

¹⁰² Программа социально-экономического развития Еланцынского муниципального образования на период до 2015 г., с. Еланцы, 2011 г.

¹⁰³ Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе. Ольхонский район / Ю.М. Семенов, А.Н. Антипов, В.В. Буфал и др. – Иркутск: Издательство Института географии СО РАН, 2004. – 147 с.

зон отдыха, временные точки открываются вдоль дороги Иркутск–МРС, на побережье о. Байкал. Данная услуга получает развитие также и в населенных пунктах, открываются кафе, позные, закусочные. На отчетную дату в районе действует 28 стационарных точек общепита. Среди приоритетных видов малого предпринимательства в Ольхонском районе можно выделить предпринимательство в сфере туризма. Основу экономики Ольхонского района связывают с развитием туризма. Инфраструктура туризма представлена 57 базами отдыха, 1 муниципальной и сети частных гостиниц на о. Ольхон. Если 2–3 года назад доля неорганизованных туристов составляла 75%, по путевкам – 25%, то с увеличением количества баз отдыха, число отдыхающих по путевкам составляет 35-40%. Около 80% турбаз находятся на территории двух поселений – Шара-Тоготского и Хужирского. Самым привлекательным местом для туристов являются район Малого моря и о. Ольхон. Ежегодно в район прибывает от 50 до 60 тыс. отдыхающих. Это туристы из нашего региона, других регионов и иностранные туристы¹⁰⁴.

«Субъективная» оценка населением своего качества жизни

Результаты анкетирования

В данной работе представлены результаты экспедиционного исследования качества жизни населения МО «Еланцынское» в ноябре 2011 г. В МО «Еланцынское» находится административный центр – с. Еланцы, сосредоточены основные объекты социальной инфраструктуры, федеральные службы, имеются работающие предприятия, развито предпринимательство, наблюдается стабильный прирост населения.

Основной метод – анкетирование населения (общий рабочий массив социологических данных 80 респондентов). Подавляющее число респондентов – это люди трудоспособного возраста. Лишь 6% составляют респонденты в возрасте 60-79 лет. Среди опрошенных преобладают женщины (82%). Более половины респондентов имеют высшее образование. Значительная часть опрошенных занята в сфере здравоохранения, образования, государственного и муниципального управления, социального обеспечения. В результате данного исследования удалось выявить определенные тенденции отношения населения МО «Еланцынское» к проблемам качества жизни.

Согласно опросу респондентов условия жизни в поселении устраивают лишь 10 %, а 57% отмечают, что во многом не устраивают и многое нужно менять. Одновременно с этим более половины респондентов (54%) отмечают, что за последние 5-10 лет жизнь в поселке не изменилась, а четверть считает, что ухудшилась. Улучшение условий жизни в поселке отмечают лишь 17% опрошенных. Особо заметна неудовлетворенность респондентов санитарным состоянием в поселении и его окрестностях.

¹⁰⁴ Программа социально-экономического развития Еланцынского муниципального образования на период до 2015 г., с. Еланцы, 2011 г.

64% респондентов оценивают его как плохое, 21% как удовлетворительное, только 2,5% считают хорошим.

В поселении проживают с момента рождения 65% респондентов, 20% проживают здесь от 5 до 10 лет. Однако почти половина опрошенных (49%) хотели бы поменять место жительства, и только 26% не хотят отсюда уезжать. Среди предпочитаемых мест переезда лидирует «другой регион» – 33%, в другой район хотели бы переехать 23%, а в другую страну – 14%.

Почти три четверти опрошенных (71%) оценивает свое здоровье как удовлетворительное, по 14% считают свое здоровье хорошим и плохим. Оценивая состояние здоровья своей семьи, 37% считают его нормальным, 23% отмечают, что часто болеют дети, 20% – старики.

Достаток семьи респонденты в основном оценивают как низкий (53%) и средний (46%), только 1% респондентов оценивают свой доход как высокий. Более половины опрошенных (57%) не уверены в завтрашнем дне. Уверенно смотрят в завтрашний день 17%, а 24% ответили, что не знают.

Интересной характеристикой качества жизни является способ проведения отпуска. Более половины респондентов (57%) сообщили, что проводят свой отпуск дома. Каждый третий (34%) отдыхает на берегу Байкала. На местных турбазах и российских курортах поправляют свое здоровье 7% респондентов. Никто не отметил, что отдыхает на курортах за рубежом. 44% респондентов тратят на свой отдых всего один процент годового дохода, а 16% тратят три процента.

Особое беспокойство населения вызывают следующие общественные явления: рост цен, безработица, пьянство, низкая оплата труда, трудное решение жилищных проблем, недостаточная социальная защита и помощь.

Среди возможных направлений развития муниципального образования респонденты выделяют улучшение работы ЖКХ, развитие туризма и создание новых рабочих мест (34%), улучшение медицинского обслуживания (26%), ремонт и строительство дошкольных и школьных учреждений (19%), строительство культурных и спортивных учреждений (14%).

Мы знаем, что Ольхонский район обладает значительным рекреационным потенциалом и именно с развитием туризма связывается будущее района. Тем временем, 42% респондентов опасаются, что с развитием туризма в районе станет хуже, так как будет разрушаться и загрязняться Байкал и его берега, 17 % отмечают, что будут нарушаться священные территории. Лишь 23 % считают, что станет лучше, так как позволит решить проблему безработицы. Возможно, эта обеспокоенность связана с тем, что местные жители (86 % опрошенных) считают территорию и сам Байкал священными. Также в перечне священных мест выделяют озера (25%), источники (21%), горы (21%), реки (12%), долины (9%) и другое (4%).

Таким образом, изучение качества жизни населения конкретных территорий имеет свою актуальность и востребованность. Результаты социологических исследований качества жизни населения муниципальных образований дают возможность придать действиям органов местного самоуправления конкретные направления, адресность и временные параметры. Повышение качества жизни населения имеет особенно важное значение на местном (муниципальном) уровне, так как именно на этом уровне удовлетворяется большая часть потребностей людей. Также качество жизни населения конкретных территорий может стать постепенно критерием оценки эффективности работы органов местного самоуправления.

Литература

1. Закон Иркутской области от 2 декабря 2004 г. № 69-ОЗ «О статусе и границах муниципальных образований Ольхонского района Иркутской области» // http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsg/dok_oerwio.htm (доступ 10.10.13)
2. Качество жизни в регионах России и Украины: общественно-географические исследования / И.В. Гукалова, С.В. Рященко, Л.Г. Руденко и др. – Иркутск – Киев: Изд-во Института географии им. В.Б. Сошавы СО РАН, 2010. – 147 с.
3. Программа социально-экономического развития Еланцынского муниципального образования на период до 2015 г., с. Еланцы, 2011 г.
4. Рыков П.В., Шеховцова Т.Н. Территориальные системы расселения на примере Ольхонского района (Иркутская область) // География и природ. ресурсы. – 2013. – № 1. – С. 119-126.
5. Рященко С.В. Региональная антропоэкология Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 191 с.
6. Федеральный закон об охране озера Байкал. 2 апреля 1999 г. – <http://www.magicbaikal.ru/ecology/law-baikal> (доступ 10.10.13)
7. Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе. Ольхонский район / Ю.М. Семенов, А.Н. Антипов, В.В. Буфал и др. – Иркутск: Издательство Института географии СО РАН, 2004. – 147 с.
8. Доклад о развитии человека 2009. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/ru/development/hdr/2009/> (доступ 11.10.13)

*Статистические сборники

Численность и размещение населения на территории Иркутской области. По материалам переписи населения 1979 год, г. Иркутск, 1980.

Численность и размещение населения на территории Иркутской области. По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 год, г. Иркутск, 1990.

Численность населения по муниципальным образованиям. (по итогам переписи 2002 г.) Статистический бюллетень. Иркутскстат, 2004.

Численность населения по муниципальным образованиям. Статистический бюллетень. Иркутскстат, 2012.

© А.С. Шмыт

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу Роберта Вышыньского *Рождение или смерть нации. Нацестроительная деятельность белорусских и бурятских элит после распада СССР*, Научное издательство Scholar, Варшава, 2010, с. 288.

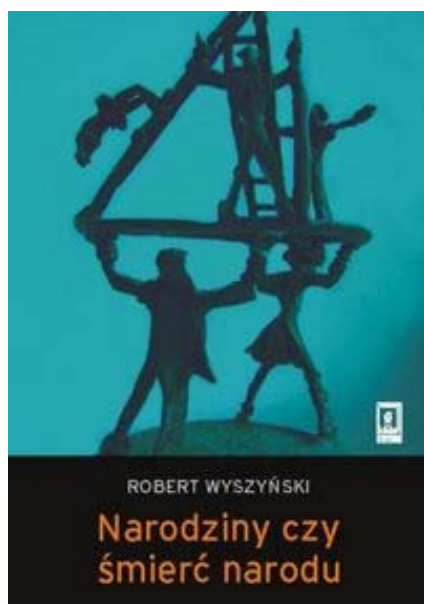
Ключевые слова: нация, белорусы, буряты, Россия, идентичность, этнический.

A.S. Szmyt

Review for Wyszynski Robert *Birth or Death of a nation. Nation-building activity of Belarusian and Buryat elites after the collapse of Soviet Union*.

The review is devoted to a work by Polish sociologist Robert Wyszynski *Birth or Death of a nation. Nation-building activity of Belarusian and Buryat elites after the collapse of Soviet Union*. The author analyzes the main questions of a book. Wyszynski compares the process of national identity and rebirth of two ethnic groups – Buryats and Belarusians. The author tries to answer the question does modern society give a chance to a nation's rebirth. The author shows the role which was played by Buryat and Belorussian elites in a nation-building process. Wyszynski used the methods of field research and inquiry between these two groups. Review gives a short analyze of the book and its scientific value.

Key words: nation, Belarusians, Buryats, Russia, identity, ethnic.

Доктор Роберт Вышыньски является сотрудником Института Социологии Варшавского Университета. Главной областью его исследований являются этнонациональные процессы на постсоветском пространстве, а также история и современное положение поляков в Сибири и Казахстане. На сегодняшний день благодаря исследовательской активности польского социолога появилось несколько книг и научных статей. Самой значительной публикацией в научной деятельности автора является написанная совместно с Е. Новицкой-Русек книга *Ламы и секретари: уровни социальных отношений в современной Бурятии* (1996). Р. Вышыньски также с Е. Новицкой и И. Кабзиньской, был

соавтором книги *Поляки или иностранцы?: Поляки за восточной границей* (2000). В работе *Рождение или смерть нации* варшавский ученый продолжает свои прежние темы исследований. На этот раз автор решился на сравнительный анализ, пытаясь найти общие черты в нациестроительных процессах бурят и белорусов.

Такого рода межэтнический сравнительный анализ является характерной чертой варшавских социологов и этнологов, занимающихся постсоветским регионом. Например, работа нынешнего посла Польши в Москве В. Зайончковского *В поиске социальной идентичности: башкирская, бурятская и татарская интеллигенция в национальном вопросе Российской империи и СССР* (2001); посвященная этническим процессам среди хакасов, тувинцев и алтайцев монография *Айдын значит луна. Нации южной Сибири* (2008) Лукаша Смырского; *Люди тундры. Идентичность и этнические границы на юге Сибири* (2011) В. Липиньского или сборник под ред. Е. Новицкой-Русек *Большая Сибирь малых народов* (2000).

Р. Вышыньски называет белорусов и бурят «поздними нациями», «незавершенными» и ставит вопрос о том, «является ли современное общество и государство [...] местом, в котором еще может появиться или возродиться нация?» (с. 21). Во всей работе автор на примере этих двух групп старается определить правомерность конструктивистской и культуралистской теорий нации. По этой причине большое значение придается роли этнических элит в строительстве национальной идентичности. По мнению Р. Вышыньского переход с уровня этноса на национальный уровень может происходить двумя способами: в результате объединяющих практик государства и его бюрократии либо путем «народной мобилизации», когда лишенные собственного государства этнические элиты пытаются создать мифы и национальную идеологию. Второй случай относится к бурятам и белорусам. Кроме перечисленных социологических теорий автор пользовался элементами структурализма. Вслед за Р. Бартсом и А. Колосовской он применял понятие «синтагмы национальной культуры», которая охватывает парадигматические системы общечеловеческой символической культуры: языка искусства и литературы, знаний, религий, обычаев и ритуалов. Синтагма определяет границы между чужой культурой и семьей, между универсальными элементами культуры и национальными элементами. Этнические элиты, по мнению Р. Вышыньского, в границах синтагмы выделяют канон национальной культуры.

Главную цель работы, т.е. анализ нациестроительных процессов в постсоветский период, Р. Вышыньский решил реализовать с помощью нескольких аналитических приемов: реконструкции символической сферы, выделения ее на фоне русской (советской) культуры; решения вопроса о том, какой характер имеет национальная культура – несистематизированный или канонизированный; сравнения результатов, полученных в группах студентов и колхозников, и решения вопроса о том, являются ли белорусы и буряты национальными группами со своей культурной син-

тагмой и разделяемым всеми социальными группами каноном, а также определения роли этнической интеллигенции и их неотрадиционной деятельности в нациестроительном процессе. Обозначенные цели исследований были реализованы с помощью анкетных исследований, а также опросов, проведенных среди белорусских и бурятских студентов и колхозников. Источниками, прежде всего, выступали монографии российских, бурятских и белорусских историков и этнологов. Также использовалась британская литература по данной тематике.

Книга состоит из шести глав (в т.ч. введения и заключения), разделенных на многочисленные подразделы, библиографии и три приложения, содержащие исследовательские анкеты, а также результаты исследований национальной культуры, проведенных автором среди белорусского меньшинства в Польше. В первой главе, *Введении*, обозначены цели исследования, а также размышления автора о конструктивистском и культуралистском подходах к национальному вопросу. В дальнейшей части главы размещена информация о выборе региона исследований и сравниваемых групп, методологии исследований, состоянии литературы.

Во второй главе *История деятельности нациестроительных элит* автор снова анализирует бурятские и белорусские элиты. Большая группа бурятской интеллигенции воспринимается Р. Вышыньским как эквивалент старой родовой аристократии, поскольку в скотоводческой культуре благополучие и переходящий по наследству социальный статус ценятся больше, чем тяжелый физический труд. Бурятская интеллигенция появилась на переломе XIX и XX вв., тогда же появились первые бурятские политические группировки и нациестроительные программы. В первые десятилетия XX в. доминирующей национальной идеологией был панмонголизм. В 30-е гг. прошлого века советская власть репрессировала бурятскую интеллигенцию, а панмонголизм был признан реакционной идеологией. В советский период советизация часто означала русификацию. После распада СССР начался процесс политической активизации бурятских элит, похожий на ту, что происходил в начале XX в.

Период формирования белорусских политических элит также приходится на перелом XIX и XX вв. В отличие от бурят белорусы не имели отдельного статуса, религии, развитой традиции письменности. В период I мировой и Гражданской войн, пронациональные деятели старались найти следующих политических единомышленников: немцев, литовцев (против поляков), большевиков. В межвоенный период белорусские территории были поделены между СССР и Польшей. Сначала власти СССР находили гораздо больше симпатии, чем поляки, для национальных белорусских проектов. Однако после периода начальной коренизации кадров, наступил период политических чисток и насильственной советизации. Во время II мировой войны часть белорусских деятелей пыталась получить поддержку своих идей обретения независимости у немецких оккупационных властей. Это вызвало конфликт между белорусами и стало причиной эскалации братоубийственных столкновений. После войны советская

власть продолжила политику советизации белорусов и лишь в период перестройки разрешила деятельность белорусских национальных движений.

Третья глава *Синтагма символической культуры* посвящена постсоветскому состоянию языка, литературы, религии и обычаев в обеих исследуемых группах. Польский социолог обращает внимание на определенные сходства в социальных функциях языка в Бурятии и Белоруссии. В обоих случаях мы имеем дело с двуязычностью, т.е. использованием разных языков в некоторых сферах общественной жизни. В обоих случаях жители городов в публичных местах используют, прежде всего, русский язык, однако жители деревень чаще используют родные языки. Но в случае белорусов это не литературный белорусский язык (он имеет два варианта, один из которых используется в государственных СМИ, а другой – оппозицией), а диалект, т.н. «местный язык» или смесь белорусского и русского языков «смешанный», «трасянка». При этом в семье на смешанном языке используется больше белорусских выражений, хотя в публичной жизни больше русских слов. В Бурятии бурятский язык все еще активно используется в семье, а в деревнях – в публичной жизни. Среди исследуемых студентов БГУ студенты консервативного Бурфака по мере возможностей старались использовать бурятский язык в городской публичной жизни, а студенты Истфака в основном ориентировались на русскую культуру и часто слабо знали бурятский язык. Бурятский язык, так же, как и белорусский, только номинально равноправен с русским языком. Описываемое двуязычие, по мнению автора, является проявлением креолизации, характерной для обществ, возникших после распада многоэтнических или колониальных государств.

В бурятской и белорусской литературе сложно выделить собрание канонических произведений. В случае бурят самой большой популярностью пользуется исторический роман «Жестокий век» (небурята) И. Калашникова, описывающий времена Чингис-хана и поднимающий чувство достоинства группы. В случае белорусов один канон существует среди студентов (Короткевич), а другой – среди колхозников (И. Шамаякин, В. Быков), что указывает на ограниченную национальную интеграцию.

Как в Бурятии, так и в Белоруссии, национальная активизация создается с помощью религиозного возрождения. В случае бурят в 90-е гг. XX в. дошло до попыток унификации буддизма и шаманизма в национальную конфессиональную систему. Белорусские националисты продвигают униатскую церковь, которая должна отделить их от православных русских и католических поляков. До строительства национальной идентичности пытались также использовать обрядность. В 1994 г. в Бурятии прошел фестиваль Гэсэра, который кроме празднования годовщины эпоса служил этнической активизации бурят. Белорусские националисты пытались получить похожий эффект, используя традицию языческих «дзядов», таких как обряды поклонения и жертвоприношения духам предков, почтение памяти жертв НКВД в Куропатах. Торжества «мартирологических»

дзядов привлекли к себе постсоветскую и русскоязычную часть общества, и соответственно не добились нациестроительного эффекта.

В четвертой главе, *Расширенная синтагма символической культуры*, приводятся размышления над постсоветскими государственными символами: флагом, гимном, гербом, а также над процессом создания идеологической связи через продвижение определенных взглядов на историю. В Бурятии на новом республиканском флаге находятся буддийские элементы, такие как «соембо», подчеркивая идентичность и отдельность бурят как нации внутри России. После получения независимости в Белоруссии разгорелась дискуссия на тему флага и герба. Националисты требовали возвращения к «Погони» (рыцарь на коне с мечом в руке) и бело-красного флага. Ветераны, коммунисты и партизаны считали, что эти символы позорны, т.к. ими пользовались белорусы, сотрудничавшие с немцами. Окончательно был выбран обязывающий ныне флаг, но погоня все еще является флагом, используемым оппозицией. Это свидетельствует о конфликте, касающемся взгляда на историю и национальной идентичности. «Национальная идентификация относится к истории, также опирается на идеологическое видение пантеона авторитетных исторических и мифических героев, затрагивает важные для истории группы события и места», пишет Вышыньски. В случае бурят, как для студентов, так и для колхозников, пантеон героев был одинаковый. Среди них Чингис-хан, Далай-лама (как религиозный лидер), а также национальные деятели с начала XX в., такие как Жамсарано и Ринчино. Также четко представляется канон мест, важных для бурят. Это Байкал, малая родина – тоонто нютаг, места шаманского и буддийского культа.

У белорусов в большинстве случаев доминировал канон культурных героев и мест памяти, созданный советской пропагандой и связанный с Отечественной войной, причем колхозники скорее были привязаны к понятию малой родины, чем к более абстрактной концепции белорусской нации. Националистическая часть интеллигенции пыталась продвигать события и места, связанные с историей Великого княжества Литовского, например, победа над москалями под Оршой в 1514 г. Однако со времени прихода к власти А. Лукашенко СМИ продвигают советский канон исторической идентичности. Автор ставит тезис о том, что без создания общего исторического канона белорусы не смогут создать национальную общину.

Пятая глава называется *Типы связей: региональная, родовая, этническая, национальная, надэтническая*. Используя результаты анкетных исследований, Вышыньски утверждает, что буряты, студенты и колхозники, выделяют, прежде всего, свою национальную и государственную идентичность. Среди белорусских колхозников доминирует чувство локальной связи. Только студенты в большей степени акцентируют свою национальную идентификацию, хотя и в этом случае для группы более важной была славянская идентичность. В случае бурят все еще важную функцию выполняют матрилинейные родовые связи. Отсюда при определении кри-

териев членства в национальной группе, более важную роль, чем в случае белорусов, играет биологическое происхождение – прежде всего происхождение отца. Вторым важным критерием является знание традиций и культурные компетенции. Менее важными являются религиозная принадлежность и знание языка. Среди сельских белорусов важную идентификационную роль играет православие, а язык не является важным критерием. Как среди интеллигенции, так и белорусских колхозников, часто называемым критерием было знание традиций. Но большинство респондентов имели проблемы с уточнением характера этой традиции.

В заключении автор доходит до вывода о том, что, несмотря на функционирование современных государственных институтов, называемых конструктивистами ключевым нациестроительным фактором, белорусы не создали национальную группу. Они скорее являются этнической группой, в рамках которой отдельные социальные и территориальные группы имеют общую синтагму культуры, но они лишены канона национальной культуры. Белорусская интеллигенция предпринимает попытки введения такого канона, однако, несмотря на их усилия, но с поддержкой нынешних властей, создается другое творение «нация Белорусы», национальная община, основанная на культурном советском каноне. Парадоксально, лишенные самостоятельной государственности буряты создают национальную группу с четко обозначенным и повсеместно принятым канонем национальной культуры. В царской России буряты сохраняли свою религиозную, социальную и культурную инность благодаря статусу инородцев. Расовые отличия также не допускали полной ассимиляции с русскими. Можно говорить о культурных основах нации. В нациестроительном процессе также принимали участие этнические элиты (как те, что действовали в начале XX в., так и современные). Но эти люди имели непосредственную связь с живой этнической традицией, в отличие от белорусских элит, которые пытались строить культуру на непонятных для постсоветских людей призраках прошлого.

Роберт Вышыньски в следующих главах последовательно реализует обозначенные во введении цели. Главы делятся на многочисленные, но логически между собой связанные, подразделы, что облегчает поиск в тексте конкретных вопросов. Замечания вызывает явное отсутствие пропорциональности глав. Третья глава насчитывает 125 страниц (почти половина книги) и делится на 45 подразделов, при этом пятая глава имеет лишь 8 страниц и делится на три подраздела. Сразу после него идет девятнадцатистраничное заключение, разделенное на 12 подразделов.

В тексте можно также найти несколько мериторических ошибок. На странице 35, где автор утверждает, что наиболее подверженными утрате родного языка группами являются «буряты, проживающие в городах и воточные буряты, среди которых большинство с давних времен составляли русские». В других частях текста мы находим прямо противоположную информацию о том, что именно западные буряты подверглись большей русификации. Автор пишет о XV Далай-ламе вместо XIV (с.100), а

также утверждает, что «в Бурятии мир религии, читаемые молитвы, это домена санскрита» (с. 81). Конечно, мантры и ряд буддийских терминов, используемых в Бурятии, происходят из санскрита, но доступ к ним буряты получили посредством тибетского языка и именно тибетский следует считать сакральным языком местного буддизма. На странице 225 Вышыньски пишет о «матриллинеарном наследовании имущества у бурят». Это, наверняка, случайная ошибка, поскольку на той же странице можно найти прямо противоположную информацию. Иногда автор небрежно транскрибировал на польский язык выражения из бурятского языка. Например, «хамблама» вместо «хамбо лама» (с. 38), «бархан» вместо «бурхан» или «бариса» (с. 99), «саембо» вместо «соембо» (с. 185). Правильность транскрипции белорусских слов гораздо труднее оценить, т.к. из-за многовековой культурной близости между белорусами и поляками, в польском языке функционирует широкий спектр методов транскрипции белорусского языка. Перечисленные ошибки имеют инцидентный характер и значительно не влияют на правильность формулируемых автором тезисов и аргументов. Они скорее свидетельствуют о недостатках редакционной работы в данном издательстве.

Особого внимания заслуживает принятая в работе методология. Концепция синтагмы культуры и национального канона дала автору конкретные инструменты для исследования такого сложного вопроса как национальная община. Ему удалось избежать построения аргументации на основе высоко субъективного критерия групповых идентичностей, что было недостатком многих предшествующих работ, посвященных национализму. Польский социолог, приступая к исследованию национальных вопросов в выбранных группах, избежал соблазна априорного принятия конструктивистской или культуралистской позиции. Критический подход к обеим концепциям и осторожность в интерпретации эмпирического материала привели к интересному синтезу обеих концепций. На примере белорусов автор убедительно доказывает, что без сохраненной в групповом сознании культуры эффективность государства как катализатора нациестроительного процесса значительно ослаблена. Выбор бурят группой для сравнения укрепляло, по правилу контраста, данный тезис автора.

Несомненным достоинством книги является факт того, что ее автор пользовался результатами социологических полевых исследований среди бурят и белорусов, проведенных в 90-е гг. XX в. Вышыньски не пожалел усилий провести анкетирование и опросы среди разных социальных групп, он также тщательно изучил местную литературу по тематике. К сожалению, варшавский ученый не повторил свои исследования в следующем десятилетии, из-за чего иногда недостоверно представляет некоторые события как постоянный элемент общественной жизни. До такого рода петрификации доходит, например, при интерпретации Фестиваля Гэсэра. Празднование годовщины создания эпоса «Гэсэр хан» проходило в 1994 г. И до сих пор не было возобновлено. Вышыньски принимает фестиваль за проявление конструирования национальной традиции и ясно

предполагает цикличность данного праздника. Он выделяет этому мероприятию центральное место в процессе национальной активизации бурят, что было с уверенностью сделано с расчетом на будущее.

Автор признает во введении, что анализирует интересующие его социальные явления с точки зрения варшавского интеллигента и действительно эта точка зрения проявляется во многих частях работы. В описании Вышыньского Советский Союз, прежде всего, исполняет тоталитарные функции и губительные для национального положения исследуемых групп. Только в период ранней советской политики коренизации властей автор видит позитивную функцию режима. Сталиновские чистки тридцатых годов, по мнению автора, начали процесс насильственной русификации советских меньшинств. Автор, из-за своего нерасположения к большевизму, уделяет недостаточно внимания нациесторительным функциям советских и автономных республик. Эффективность этих квазигосударственных единиц подтверждает факт того, что распадающийся СССР разделился согласно границам советских республик.

Перечисленные замечания не умаляют познавательную ценность работы. Р. Вышыньски представил обширный эмпирический материал и предложил к его интерпретации теоретический аппарат с большой объяснительной силой. Благодаря этому книга привлекает не только специалистов, интересующихся Белоруссией и Бурятией. Содержащаяся в ней информация и выводы важны для всех ученых и политиков, занимающихся национальной проблематикой, а также для каждого, кто чувствует потребность понять постсоветскую действительность, в которой мы живем.

Сведения об авторах
Information about the author

Matthew Berman, Institute of Social and Economic Research University of Alaska Anchorage

Мэтью Берман, Институт социально-экономических исследований Университета Аляски

Gary Roseman, is an economist working in Washington, DC. He has a web-site devoted to Central Asian business issues (www.centralasiaprospect.com). Research for this article was supported in part by a grant from IREX (International Research & Exchanges Board) with funds provided by the United States Department of State through the Title VIII Program and the IREX Scholar Support Fund. Neither of these organizations is responsible for the views expressed herein.

Гари Розман, экономист работающий в Вашингтоне. Личный веб-сайт, посвящённый проблемам бизнеса в Центральной Азии: www.centralasiaprospect.com. Исследование для данной статьи было проведено при поддержке гранта Айрекс (Совет по международным исследованиям и обменам).

Дугарова Гэрэлма Банзаровна, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук

Dugarova Gerelma Banzarovna, PhD, research officer of V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Дашпилов Цыренжап Бимбаевич, ведущий инженер Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.

Dashpilov Tsyrenzhap Bimbaevich, chief engineer of V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Куклина Вера Владимировна, кандидат географических наук, приглашенный исследователь Института европейских, российских и евроазиатских исследований, Университет Джорджа Вашингтона, докторант Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.

Kuklina Vera Vladimirovna, PhD, visiting scholar of the Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, GWU, post-doctoral student of V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Черенев Алексей Анатольевич, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук

Chereneuv Alexei Anatolievich, PhD, research officer of V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Dean Carson, Flinders University, School of Medicine, Australia

Дин Карсон, Университет Флиндерса, школа медицины, Австралия

Doris Carson, Research Fellow, Centre for Regional Engagement, University of South Australia

Дорис Карсон, научный сотрудник Центра регионального взаимодействия, Университет Южной Австралии

Deanne Bird, The Northern Institute, Charles Darwin University, Australia

Дин Бирд, Северный Институт, Университета Чарльза Дарвина, Австралия

Lauren Bell, Macquarie University, Australia

Лорен Белл, Университет Макварта, Австралия

Rawinee Yuhun, Research Associate, Charles Darwin University, Australia

Пауни Юхун, исследователь, Университет Чарльза Дарвина, Австралия

Абалakov Александр Дмитриевич, доктор географических наук, профессор кафедры физической географии и геоэкологии географического факультета Иркутского государственного университета

Abalakov Alexander Dmitrievitch, Dr. Sc. Geogr., Professor, Department of Physical Geography and Geoecology, Faculty of Geography, Irkutsk State University

Панкеева Наталья Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры факультета туризма, сервиса и рекламы Иркутского государственного университета

Pankeeva Natalia Sergeevna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Faculty of Tourism, Services, and Advertisement, Irkutsk State University

Дроков Владислав Викторович, кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой туризма факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета

Drokov Vladislav Viktorovitch, Candidate of Medical Sciences, Head of the Faculty of Tourism, Services, and Advertisement, Irkutsk State University

Марышкин Даниил Игоревич, аспирант лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, инженер кафедры туризма факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета

Maryshkin Daniil Igorevitch, Post-graduate student, Laboratory of Resource Management and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Engineer of the Department of tourism and advertising service, Irkutsk State University

Новикова Любовь Степановна, кандидат географических наук, ведущий инженер лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН

Novikova Lyubov Stepanovna, Candidate of Geographical Sciences, leading engineer, Laboratory of Resource Management and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Седых Сергей Анатольевич, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
Sedykh Sergey Anatolievitch, Candidate of Geographical Sciences, researcher, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing Methods, V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Шеховцова Татьяна Николаевна, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
Shekhovtsova Tatiana, PhD, Institute of geography of V.B. Sochava SB RAS

Александров Евгений Юрьевич, инженер Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН

Aleksandrov Evgenie, the engineer, Institute of geography of V.B. Sochava SB RAS

Шмыт Ариадна Сергеевна, аспирант Иркутского Государственного Университета

Ariadna Szmyt, postgraduate student in Irkutsk State University

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылаеtся, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 70x100 1/16.

• Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. **Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.** Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные исследования Внутренней Азии

Выпуск 2

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СООБЩЕСТВА

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

В авторской редакции

Компьютерная верстка
Т.А. Оловей

Подписано в печать 29.11.2013. Формат 70х100 1/16.
Уч.-изд. л. 9,82. Усл. печ.л. 11,7. Тираж 1000. Заказ № 654.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а